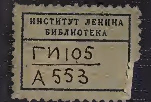
АНГАРСКИЙ

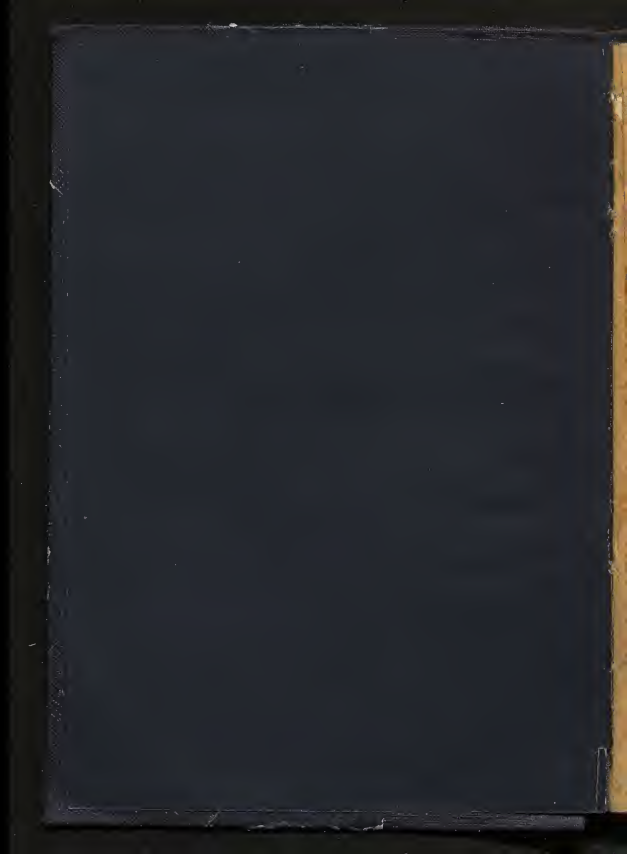
МОСКОВСКИЙ СОВЕТ В ДВУХ РЕВОЛЮЦИЯХ

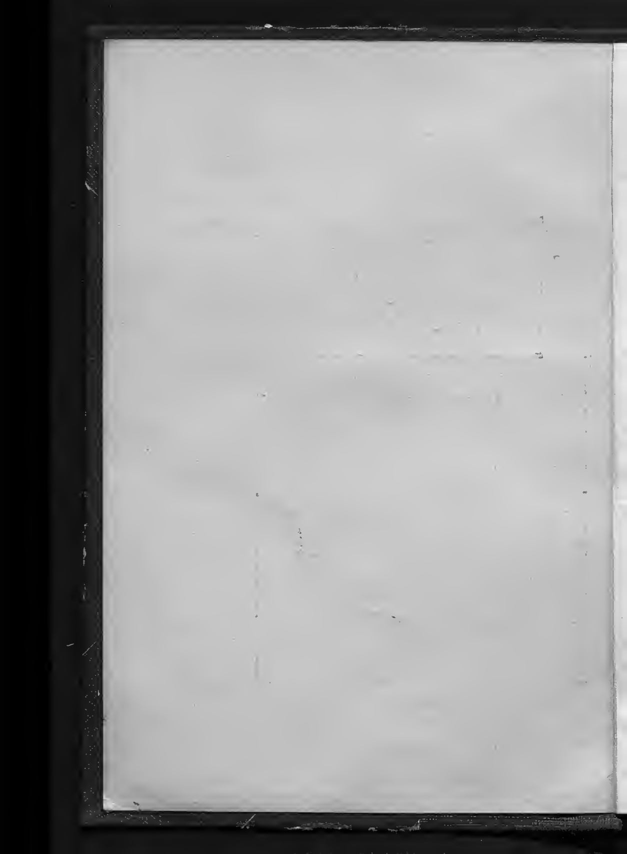
К
ГИ105
А553

Н. АНГАРСКИЙ

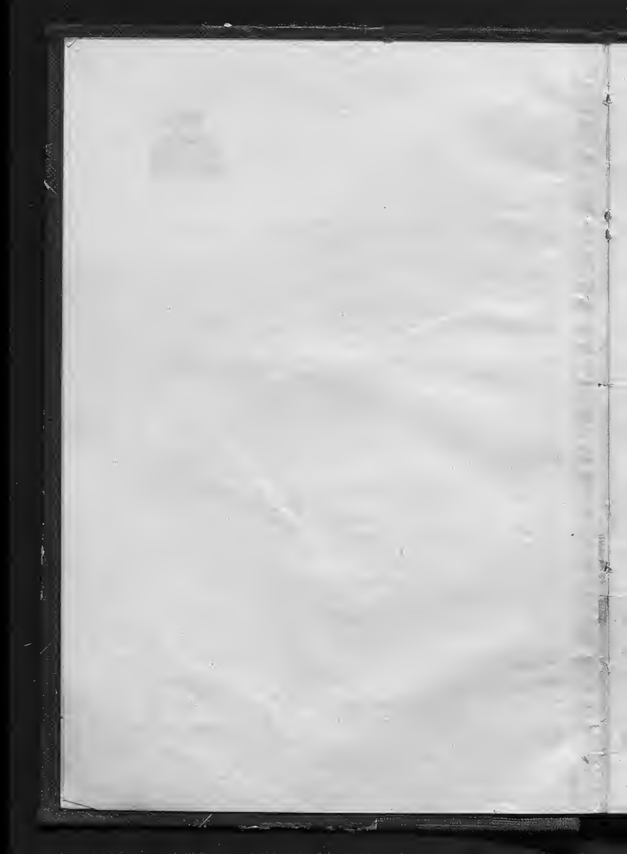
МОСКОВСКИЙ СОВЕТ В ДВУХ РЕВОЛЮЦИЯХ

БТ

„МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ"

МОСКОВСКИЙ
РАБОЧИЙ

Н. АНГАРСКИЙ

9 (47)
А 64

МОСКОВСКИЙ СОВЕТ В ДВУХ РЕВОЛЮЦИЯХ

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

1-й экз.

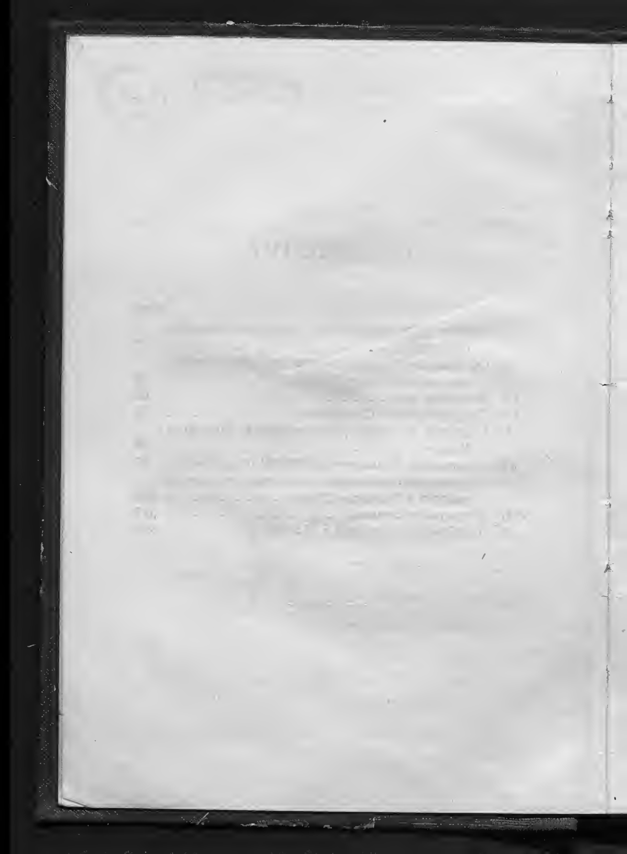
ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2006

ГИ105
А 553

Отпечатано в 16-й типографии «Мосполиграф», Москва, Трехпрудный пер., д. 9.
Мосгублит № 48.888. Тир. 5.000.
1928 г.

Библиотека
Института Ленина
при Ц. К. В. К. П. (б)
СФ 1637
175 27
БИБЛИОТЕКА
ИМЭЛ
Спец. фонд
БИБЛИОТЕКА
Ин-та марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС
1037540

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПЕРВЫЕ ШАГИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОСЛЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Вся история Московского Совета с момента крушения монархии и до Октября включительно представляет собой историю борьбы внутри Совета двух течений, двух направлений мысли— коалиции меньшевиков и эсеров, с одной стороны, и партии большевиков—с другой.

Борьба велась за влияние на широкие рабочие и крестьянские массы. Борьба эта принимала различные формы в зависимости от политического положения в стране; она была почти незаметной в первые дни существования Советов, когда между всеми фракциями входивших в Совет социалистических партий наблюдалось некоторое единомыслие в основных политических вопросах. Борьба фракций особенно усилилась в апреле, когда Временное правительство наиболее ярко обнаружило свою контр-революционную природу (нота Милюкова).

История Московского Совета с февраля по октябрь 1917 г. весьма поучительна. На опыте, на живом революционном деле, рабочий класс прошел такую политическую школу и получил такой политический закал, на который при других условиях потребовались бы долгие годы.

В процессе развития революции и обострения классовой борьбы московский пролетариат постепенно терял доверие к «социалистическим» партиям меньшевиков и эсеров. И все же восемь месяцев потребовалось для окончательного изжития иллюзий возможности «мирного» разрешения выдвинутых революцией основных вопросов, восемь месяцев упорной и неустанной борьбы за влияние на массы, терпеливого раз'яснения основных задач революции, формулированных Лениным в его «апрельских» тезисах.

Октябрьское восстание явилось неизбежным завершением второго этапа революции. Поэтому нельзя начинать очерк истории Московского Совета с Октября, минуя подготовительный к нему период.

Февральская революция в Москве прошла в атмосфере всеобщего ликования. Это была революция бескровная, «красивая», столь не похожая на февральские дни в Петрограде.

Выборы в Петроградский Совет происходили в разгар ожесточенной борьбы, когда Петроград был разделен на боевые участки с проволочными заграждениями и когда в разных частях столицы шла ожесточенная перестрелка. Коротко говоря: Петроградский Совет вышел из огня революции, чтобы продолжать и руководить восстанием. 26 февраля был опубликован манифест РСДРП (большевиков) о задачах текущего момента с призывом к созданию Временного правительства.

Иная картина наблюдалась в Москве. Получив извещение об образовании Исполнительного Комитета Государственной Думы и Совета Рабочих Депутатов,—в Москве, в здании Городской Думы был прежде всего образован Временный Революционный Комитет (27 февраля) из представителей рабочих и студенческих организаций и создано

Л. М. Хинчук.

Об'единенное Бюро всех социалистических партий. 28 февраля Ревком вместе с Бюро об'являет всеобщую забастовку и призывает к выборам представителей в Совет Рабочих Депутатов. Независимо от этого группа московских большевиков выпустила воззвание к рабочим с призывом к забастовке и выборам депутатов в Совет. «Это воззвание,— говорит в своих воспоминаниях тов. Обух,— напечатали мы через эсеров. У нас не было другой возможности его выпустить, но в результате получилась большая нелепость. Над текстом красовалось: «В борьбе обретешь ты право свое» [1]).

Но уже 3 марта Московский Комитет РСДРП(б) печатает в «Известиях» Моск. Совета наказ избранным в Московский Совет депутатам, в котором предлагает «зорко следить за делами буржуазии, которая постарается спасти царствующий дом». Вопрос о политическом строе, говорится в наказе, может решить только Учредительное Собрание. «Наш делегат должен помнить, что братоубийственной войне должен быть положен самый скорый конец. Он должен содействовать тому, чтобы Российская демократическая революция послужила началом к пролетарской революции на Западе».

Одновременно с Советом Рабочих Депутатов в Москве образуется и Комитет Общественных Организаций, который, по замыслу его организаторов, должен был представлять собой местный полновластный орган Временного правительства.

И Совет и Комитет Общественных Организаций первое время помещались в здании Городской Думы.

---

[1]) В. Обух. Из воспоминаний о Феврале. «Год борьбы». Сборник Московского Истпарта. М. 1927 г., стр. 20.

Московский Совет не только не возражал против создания в Москве Комитета Общественных Организаций, но считал создание такого органа необходимым, тем более, что «двоевластие» существовало и в Петрограде. Московский Совет имел в Комитете Общественных Организаций своих постоянных, выборных представителей в числе 20 человек; имели своих представителей и профессиональные союзы.

Вся Рабочая Группа в целом (Совет Рабочих Депутатов и рабочие организации) имела в Комитете 64 голоса, цензовая—59, «демократическая» (адвокатура, пресса, духовенство, Земгор, Земство, Городская Управа и проч.)—114 голосов. Совет офиц. и солдат. депут.—30 голосов, Совет крест. деп. — 20 голосов и районные организации — 52 голоса. Само собою разумеется, «Рабочая Группа» тонула в «общедемократическом» море. Получалось нечто вроде «вхождения» социалистов во Временное правительство в местном масштабе.

Исполнительный Комитет Общественных Организаций был составлен на паритетных началах: 5 представителей Рабочей Группы, 5 — цензовой и 5—«демократической». От Рабочей Группы в Исполнительный Комитет входили: Л. М. Хинчук, П. Г. Смидович, А. М. Никитин, В. П. Ногин, Д. С. Розенблюм (т.-е. 2 меньшевика, 2 большевика и 1 эсер).

В первом же заседании К-та Общ. Орг. единогласно было постановлено об'единить всю власть в Москве в руках Исп. К-та Общ. Орг., который должен явиться представителем Временного правительства. Во главе важнейших отраслей дела общего управления городом, милицией, продовольствием, гражданского управления — стали отдельные члены Комитета. Таким образом, при К-те Общ. Организаций были организованы: Продовольственный Комитет, Военный Совет, Со-

вет представителей Районных Дум [1]), Отдел по вопросам труда, Финансовый Комитет и другие важнейшие отрасли управления и хозяйства.

Первое принципиальное столкновение Совета Раб. Деп. с Комитетом Общ. Орг. произошло 3 марта по вопросу о династии. Совет Раб. Деп. высказался определенно: династия должна быть уничтожена. Комитет Общ. Орг. считал необходимым поддержать Комитет Госуд. Думы и пытался провести резолюцию о регентстве. Однако, в виду решительного настроения Совета, вопрос о регентстве был снят, и вынесено постановление о скорейшем созыве Учредительного Собрания.

Первые шаги Московского Совета сопровождались большой организационной работой. Так, по предложению В. П. Ногина, были посланы представители во все главнейшие центры Промышленной области для информации о текущих событиях и организации Советов Раб. Деп., по его же инициативе было создано Об'единение Профессиональных Союзов, ставшее оплотом партии большевиков в Москве. Благодаря настойчивости и энергии большевиков Обуха и Смидовича, Пленум Совета назначил выборы в Совет представителей от воинских частей, положив, таким образом, начало организации Совета Солдатских Депутатов. Большевики в Совете Раб. Депутатов настаивали на производстве выборов депутатов от солдат в один общий Совет Раб. и Солдат. Депутатов. На этой же точке зрения стоял и тов. Хинчук, выпустивший за своей и тов. Ногина подписями обращение к гарнизону о производстве выборов в Совет Раб. и Солд. Депутатов. Однако, меньшевики решительно воспротивились организации единого Совета, ссылаясь на «чис-

---

[1]) В апреле районные комитеты были уже переименованы в Районные Думы.

тоту» пролетарского состава Совета Раб. Депутатов. В конечном счете они добились организации отдельного Совета Солдатских Депутатов со своим особым исполкомом и президиумом. Так было положено начало организации, все время тормозившей развитие революции и открыто примкнувшей в Октябре к штабу контр-революции.

В первые же дни организации Совета Солдат. Депутатов в нем прочно укрепились меньшевики и эсеры. Организационная связь с Советом Раб. Депутатов поддерживалась лишь путем совместных заседаний Исполкома и Пленумов обоих Советов.

Первый состав Московского Совета в подавляющем большинстве был беспартийным, социалитические партии имели в нем своих представителей, но представительство это было незначительно. Борьба за влияние фактически начинается только с апреля, когда представители социалистических партий начинают выступать, подчиняясь директивам своих партийных организаций.

Первым председателем Московского Совета был А. М. Никитин (меньшевик). 5 марта он уходит на постоянную работу в Комитет Общественных Организаций—в частности для организации милиции. Вместо Никитина председателем Совета Пленум избирает Л. М. Хинчука, товарищем председателя—В. П. Ногина и членами Президиума—П. Г. Смидовича, Гендельмана (эсер) и Егорова (меньшевик). В том же заседании избирается и редакция «Известий» в составе И. И. Скворцова, Кипена (меньшевик) и Гендельмана, причем редакции дается указание не поднимать в газете вопроса о войне до обсуждения его в Пленуме Совета.

Первый период деятельности Совета (примерно по 1 апреля 1917 г.) отличался уступчивостью и терпимостью во взаимоотношениях представителей социалистических партий. Президиум был соста-

влен на основах паритета, председателем был меньшевик, его заместителем—большевик.

Единомыслие представителей партий в Совете сказалось, между прочим, и при обсуждении в Пленуме 2 марта вопроса об отношении к Временному правительству. По предложению тов. Хинчука, была единогласно принята резолюция о поддержке Временного правительства «постольку—поскольку оно честно и неуклонно доведет страну до Учредительного Собрания».

Примиренческое настроение большевиков в Совете в первые дни после Февральской революции и до конца марта требует некоторого пояснения.

Февральская революция вначале об'единила в одном мощном потоке широчайшие слои населения. В те дни все находились в состоянии некоего революционного угара, всеобщего ликования. Классовые противоречия не успели еще обнаружиться. «Клятвою времени» для социалистов были лозунги: Учредительное Собрание, демократическая республика. Не было разногласий в оценке роли и значения Советов. Советы считались боевыми организациями рабочего класса в борьбе за демократическую республику. Гениальная мысль Ленина о том, что Советы являют собой новую непревзойденную еще форму рабочего государства, мысль о том, что Советы призваны заменить собой насквозь прогнившую форму парламентарного государства, высказана была Лениным в России лишь 4 апреля. Что же удивительного в том, что до этого времени в Московском Совете и большевики и представители других социалистических партий сходились в оценке основных вопросов, выдвинутых революцией? И не этим ли об'ясняется выступление тов. Ногина в Пленуме Совета 2 марта с призывом к «восстановлению социал-демократической рабочей партии и собиранию ее распыленных сил?».

Несколько позже тов. Ногин должен был признать, что разногласия с меньшевиками о характере нашей революции не только не изжиты, но и обострились с еще большей силой. Но тогда, в первые дни революции все казалось в ином свете. Также «примиренчески» был настроен и председатель Совета, тов. Хинчук, который по многим вопросам шел вместе с большевиками. Ко всему этому надо добавить, что самая московская организация партии большевиков только что оформлялась по выходе из подполья, только что собирала свои силы. Говорить при таких условиях о руководстве фракцией Совета не приходится. Вот что рассказывает об этом тов. Обух, один из инициаторов образования советской фракции большевиков:

«Вначале в Совете у нас не было фракции. Директивы от МК получались таким образом, что мы, члены МК, работавшие в Совете, забегали, по большей части порознь друг от друга, на почти непрерывные, но часто неполные заседания МК и мимоходом, прерывая обсуждение какого-нибудь вопроса, согласовывали решения неотложных задач, внезапно встававших перед нами. От МК, следовательно, не было и не могло быть ни регулярных директив, ни постоянного практического руководства, так как он к тому же всецело был занят агитацией на предприятиях и организацией районов» (В. Обух. «Воспоминания о Феврале». «Год борьбы». Изд. Моск. Истпарта, М. 1927 г. стр. 24).

12 марта на об'единенном заседании Советов Рабочих и Солдатских Депутатов впервые был поставлен на обсуждение вопрос о войне и о том, как ее окончить. На совместном заседании Испол. Комиссии Совета Раб. Депутатов и Президиума Совета Солдат. Депутатов вопрос этот не вызвал разногласий. Было принято решение о необходи-

мости созыва в Москве международной социалистической конференции. Докладчиком по этому вопросу в Пленуме Советов выступил тов. Ногин.

«Товарищи,—сказал он,—...сегодня был наш первый, наш светлый день, первое красное воскресенье... Мы все выступали под лозунгом «Да здравствует мир и братство народов»... Товарищи, бедствия войны слишком тяжелы... и чувствуются не только у нас, но и во всех странах. Это надо сказать смело и прямо... Товарищи, через окопы подадим друг другу руки и скажем: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!..»

От имени Президиума тов. Ногиным была предложена следующая резолюция:

«Московский Совет Раб. и Солд. Деп., собравшись на об'единенное заседание после социалистической демонстрации 12 марта 1917 г., признал необходимым принять все меры к немедленному созыву с'езда в России, как наиболее свободной в настоящее время стране, представителей всех социалистических партий всех стран, чтобы обсудить на этом с'езде условия скорейшего заключения мира между всеми воюющими странами, причем были бы приняты во внимание интересы рабочих всех стран. Во исполнение этого постановления, Собрание поручает Исполкому Совета Р. и С. Д. обратиться к социалистическим партиям всех стран с соответствующим призывом».

Однако, это предложение Ногина, получившее одобрение в Президиуме, вызвало в Пленуме весьма бурные прения: большинству Совета оно показалось слишком смелым. Особенно горячо возражали члены Совета Солдатских Депутатов, указывая, что такая тактика ослабит фронт и что она выгодна будет только немцам, которые прежде всего должны «свергнуть своего Вильгельма». В конечном счете пришлось резолюцию снять

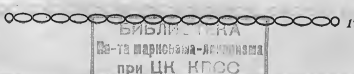
с обсуждения и было постановлено, в виду «неясности» вопроса, организовать для членов Совета... лекцию о причинах войны и как ее кончить.

Два дня спустя и Петроградский Совет вступил на тот же путь обращения к трудящимся всех стран, и прежде всего к австро-германской коалиции, с предложением последовать русскому примеру — «сбросить с себя иго самодержавного порядка» и «дружными об'единенными усилиями... прекратить страшный бич, позорящий человечество».

Приветствуя воззвание Петроградского Совета, «Известия Московского Совета» писали: «Война разрушила пролетарский Интернационал. Пролетарский Интернационал умер. Но умер только для того, чтобы воскреснуть. Когда наступает весна, реки сбрасывают оковы и рвутся из берегов. Воскресает наш великий покойник — пролетарский Интернационал. Пусть одна страна еще ощетинилась штыками против другой... Наш великий покойник воскрес. Его голос будет крепнуть с каждой неделей... И недалеко то время, когда мощный клич рабочего класса: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»,—повсюду заглушит безумные крики: «Война до полной победы»... День 14 марта — знаменательный день... Да здравствует воскресающий международный социализм!»

25 марта открылась конференция Советов Московской области. Докладчиком по вопросу о войне выступил тов. И. Скворцов. Указав на империалистский характер войны и на невыполнение постановлений Базельского Конгресса 1912 г., тов. Скворцов говорит: «Наша обязанность—созыв международной социалистической конференции. Эта конференция — второй шаг к возрождению Интернационала. Будем верить, что эта конференция возродит рабочий Интернационал, и он направит

Библиотека Института Ленина 103754О

БИБЛИОТЕКА
Ин-та марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС

свою деятельность на борьбу с буржуазными правительствами и их захватными стремлениями».

В результате продолжительных прений по докладу тов. Скворцова была принята единогласно резолюция, в которой наряду с признанием империалистического характера войны предлагалось Временному правительству «немедленно и ясно» заявить об условиях мира без аннексий и контрибуций. «...Мы считаем своим долгом заявить,—говорилось далее в резолюции,—что раз война продолжается, мы вынуждены не только в интересах русской революции, но также и в интересах международной демократии напрячь свои силы на защиту нашей свободы, на защиту русской революции от внешнего натиска... Мы призываем социалистические партии России взять на себя инициативу созыва международного социалистического конгресса для восстановления международной солидарности пролетариата и выработки условий мира и мер к проведению их в жизнь...»

13 апреля Исполнительный Комитет принимал французских и английских социалистов: Кашена, Мутэ, Лафон, Д. О'Греди, В. Торн и Сандерс. В приветственном слове тов. Хинчук вновь подтвердил основные мысли, изложенные в резолюции, принятой на областной конференции Советов, и процитировал соответствующие места из воззваний Петроградского Совета к народам всего мира. С ответными речами выступали главным образом меньшевики. Однако, соглашательские и воинственные речи английского «социалиста» О'Греди даже меньшевиков привели в раздражение. Л.М. Хинчук, отвечая в Пленуме Советов 15 апреля на приветствия иностранных гостей, закончил восклицанием: «Да здравствует Третий Интернационал!» Фракция большевиков не выдвинула в Исполкоме своих ораторов, на специальное же чествование, устроенное социалистическими партиями — Мо-

сковский Комитет (б), получивший сто гостевых билетов, посылает только тт. Сокольникова и Сахарова для того, чтобы огласить декларацию и демонстративно уйти.

Выступивший на заседании тов. Сахаров в своей речи заявил решительный протест против претензий приезжих соглашателей говорить от имени всего социалистического пролетариата.

Вслед за французскими и английскими гостями прибыл в Москву 23 апреля и выступил в Исполнительном Комитете датский социалист-соглашатель Боргбьер, уполномоченный передать социалистическим партиям в России согласие германской социал-демократии (большинства) принять все основные предложения русских товарищей по вопросу о созыве международной социалистической конференции.

Таким образом, получалось впечатление, что представители главнейших социалистических партий, в том числе меньшевики и эсеры, нашли общий язык, и созыв конференций обеспечен.

25 апреля тов. Ногин ставит на обсуждение происходившей в то время Всероссийской конференции большевиков вопрос об отношении партии к предложению Боргбьера. Высказываясь против участия в конференции «большинств» социалистических партий, Ногин говорит, что «игнорировать ее мы не можем». Необходимо добиться того, чтобы конференция приняла наши решения. «Нам необходимо делегировать туда товарищей, и если бы они могли оказать давление на решение конференции, то это было бы небесполезным...» Практически Ногин предлагает принять участие в конференции циммервальдцев и решение этой конференции «меньшинств» огласить на Стокгольмской конференции мира.

Это предложение тов. Ногина было отклонено конференцией. Ленин, возражая Ногину,

указывал на то, что «за всей этой комедией, якобы социалистического с'езда, кроется самый реальный политический шаг германского империализма. Германские капиталисты через посредство германских социал-шовинистов предлагают социал-шовинистам всех стран с'ехаться на конференцию».

Между тем, кампания соглашателей за созыв стокгольмской конференции продолжалась. 8 мая Исп. Комитет приветствовал на своем заседании Альберта Тома; 18 мая прибыли Эмиль Вандервельде, Де-Бун и Де-Ман. Всех их встречали, приветствовали, говорили речи.

Только 25 мая в Исполнительном Комитете и 30 мая на Пленуме Советов была точно и ясно формулирована точка зрения партии большевиков по вопросу о созыве социалистической конференции,—вопросу, поднятому тов. Ногиным еще 12 марта на Пленуме Советов.

В резолюции, предложенной тов. Бухариным Пленуму Советов Р. и С. Д. 30 мая, отмечалось, что Стокгольмская конференция есть «попытка предварительной дипломатической конференции, что присоединение к ней органов русской революционной власти явилось бы ослаблением позиции деятельности борцов за мир и международную революцию и блоком с активными противниками ее,—поэтому Московский Совет отказывается от участия в конференции шовинистов и «считает долгом поддержать всеми силами интернациональное об'единение циммервальдских товарищей».

Эта резолюция была отклонена большинством 420 голосов против 188, при 16 воздержавшихся, и принята резолюция, предложенная Исувом от меньшевиков и эсеров об участии в циммервальдской конференции, которая должна явиться лишь подготовкой к Стокгольмской, на которую пригласить «все отряды международного социализма».

Только осенью 1917 г. рушились надежды русских оборонцев на возможность ликвидировать войну путем созыва конференции «всех отрядов международного социализма».

Члены Советской делегации, после длительных переговоров в Стокгольме, Париже и Лондоне, вынуждены были признать (выступление Эрлиха 1 октября в Моск. Совете), что Временное правительство и его дипломатические представители за границей, совместно с английской и французской демократией, всячески тормозили организацию конференции. Помимо этого обнаружились серьезные трения между французскими и германскими социал-шовинистами. С обеих сторон были выдвинуты подозрения в шпионских намерениях и поддержке своих правительств.

Так печально закончилась история с возрождением Интернационала.

Историческое заседание Совета Раб. и Солд. Депутатов 12 марта, где впервые поднят был вопрос о том, как прекратить войну, закончившееся постановлением организовать для членов Совета... лекцию о войне, несколько омрачилось внеочередным заявлением тов. Маликова (Орехова) следующего содержания: «По поручению Московского Комитета и Центрального Бюро мне предложено обратиться к товарищам большевикам в Совете Раб. Депутатов с призывом... записаться в Бюро Москов. Комитета для того, чтобы учесть свои силы... с той целью, что, может быть, придется организоваться по фракциям. Товарищей, желающих записаться, завтра прошу обратиться в Бюро Центр. Комитета».

Это обращение тов. Маликова вызвало соответствующую реплику со стороны председателя Совета тов. Хинчука: «Конечно,—сказал он,—всякий волен записаться в те фракции, какие имеются, но я должен сказать совершенно определенно и совер-

шенно решительно и категорически, что Совет Рабочих Депутатов работает не фракционно». Тов. Хинчук был прав: в Президиуме Совета, примерно до апреля, не возникало сколько-нибудь серьезных разногласий по основным политическим вопросам. По Президиуму равнялись Исполком и Пленум.

Выступление тов. Маликова, действительно, нарушало установившееся относительно мирное сотрудничество представителей социалистических партий в Совете.

На организационном собрании фракции возникли довольно интересные прения, причем часть товарищей высказывалась против организации фракции. «На собрании,—рассказывает тов. Е. Игнатов[1]),—возник интересный принципиальный вопрос. Противники организации фракции указывали на то, что сейчас тяга к единству среди пролетариата настолько велика, что наша попытка организовать внутри Совета фракцию может вызвать против нас негодование всего Совета и мы можем очутиться совершенно изолированной маленькой кучкой, рискуя потерять всякое влияние и авторитет в рабочем классе. Необходимо сперва всеми силами укрепить Совет, а затем уже думать об укреплении своих партийных сил. Для масс сейчас на первом месте стоит Совет, а затем уже и социалистические партии. Другая точка зрения исходила из того, что мы, укрепляя и оформляя свою партийную организацию, тем самым укрепляем и будущие позиции пролетариата. Для нас партия на первом месте, а затем уже Совет. Мы не должны плыть за массой, а нам нужно массу потянуть за собой».

В тот же день фракция была организована. В бюро фракции были избраны: тт. Ногин, Владимиров, Обух, Певунов и Игнатов.

---

[1]) В. Игнатов. «Московский Совет в 1927 г.», стр. 37.

Тот факт, что часть большевиков высказывалась против организации фракции, противопоставляя Совет Партии и опасаясь «изолированности» большевиков в Совете,—говорит о том, что среди работавших в Совете большевиков не было еще ясности в основных политических вопросах.

При таких условиях организация Советской фракции являлось делом первостепенной важности. Однако, хотя фракция была уже формально организована в средине марта, но работа ее наладилась не так скоро.

Секретарь Моск. К-та Партии, тов. Землячка, на Всероссийской конференции 25 апреля так характеризовала партийную работу в Совете:

«...В Москве сознается важность организации большевистской фракции в Совете Рабочих и Солдатских Депутатов. Работа большевиков в Совете признана очень слабой. Фракция большевиков плохо организована и не оформилась еще, ибо большая работа была на местах. Мы не имеем с фракцией непосредственной связи, хотя это очень необходимо. Связь вообще бывает только тогда, когда по важным вопросам происходит заседание фракции. Все это об'ясняется недостатком времени» (Протоколы Всеросс. Конференции. М. 1925 г., стр. 91).

Но если среди московских большевиков, работников Совета, наблюдалось неправильное отношение к партии по вопросу о руководстве Советами, то надо сказать, что и среди влиятельных партийных товарищей можно было услышать не совсем лестные характеристики Советов вроде того, например, что «они сейчас представляют из себя подозрительные учреждения».

«Первое время,—говорит тов. Ногин на Всероссийской Конференции по докладу об отношении к Советам,—когда наши партийные организации

только что выползли из подполья, этот вопрос (о партийной и советской дисциплине—*Н. А.*) не возникал. Партийные организации не могли претендовать на конкуренцию с Советами Раб. Деп. Но по мере развития партийных организаций этот спор между партией и Советами выльется в два течения: Петроградский Совет, считающий себя выше всех партийных организаций, полагая, что он должен направлять пролетариат, из'являл претензию на выставление самостоятельных списков при будущих выборах в Учредит. Собрание. Московский Совет находил, что одной из задач Совета является создание сильных партийных организаций. Отсюда иное отношение к партии, отсюда ни одно решение Совета не предпринималось без партии. Но кто кому должен подчиниться — партия Совету или Совет партии?... Важно рассмотреть в каком направлении будет развиваться Совет Рабочих Депутатов» (Протоколы Всеросс. конференции, стр. 87).

Другой видный лидер большевистской фракции Совета, тов. Смидович, на той же Конференции шел значительно дальше. Сущность его речи на Конференции в прениях по докладу о текущем моменте сводилась к тому, что организация фракции и партийная обособленность «изолировали» большевиков в Совете и сплотили против них всю остальную беспартийную массу с меньшевиками и эсерами во главе.

В доказательство «изолированности» большевиков в Совете тов. Смидович ссылался на результаты голосования по вопросу о «Займе Свободы». Действительно, резолюция большевиков по этому вопросу не собрала большинства, но все же получила 127 голосов против 242. Однако и м е н н о голосованием по этому кардинальному вопросу фракция у к р е п и л а свое влияние в Совете, а партийная организация усилила свои позиции

в массах и успешно повела кампанию за перевыборы меньшевистско-эсеровских депутатов на местах.

Однако, и с организацией фракции, выступления большевиков в Совете не всегда еще согласовываются с партией. В Исполкоме, а затем в Пленуме Совета 18 марта по вопросу о 8-часовом рабочем дне выступили два докладчика-большевика: Ногин и Владимиров. Большинство Исполкома, с тов. Владимировым во главе, стояло за немедленное введение 8-часового рабочего дня явочным порядком, меньшинство, возглавляемое тов. Ногиным, высказалось за необходимость решения этого вопроса во всероссийском масштабе, требуя от Временного правительства издания соответствующего закона.

Основная мысль тов. Ногина—докладчика меньшинства Исполкома—на Пленуме 18 марта сводилась к следующему: 1) В Петрограде фактически 8-часовой рабочий день не проведен, целый ряд предприятий не затронут соглашением; введение сверхурочных работ фактически привело лишь к некоторому увеличению заработной платы. 2) Введение 8-часового рабочего дня в Москве явочным порядком, не учитывая интересов всей России, привело бы к дезорганизации рабочего класса; провинциальный пролетариат не сможет, при своей слабой организованности, достичь своей цели. Неудача в этом деле ослабит нашу общую силу и повредит в предстоящей избирательной кампании в Учредительное Собрание. 3) Введение 8-часового рабочего дня имеет большое общественное значение, явочным порядком его ввести нельзя, его надо провести только законодательным путем.

Докладчик от большинства Исполкома тов. Владимиров говорил, что если мы будем апеллировать к Временному правительству, чтобы оно издало декрет

о 8-час. рабочем дне, то может пройти много времени, и если бы петроградские рабочие не пошли захватным путем, то вопрос о 8-час. рабочем дне не был бы утвержден. Когда рушились твердыни самодержавия и все были воодушевлены победой, пролетариат инстинктивно чувствовал, что политические завоевания—одно, а экономические—другое. Совет, говорил тов. Владимиров, не должен плестись в хвосте событий, он и так отстает от запросов и требований рабочей массы, что мы находимся в процессе все нарастающей революции, когда права берутся силой, а не выпрашиваются у классовых врагов. Ждать декрета Временного правительства придется очень долго. Поэтому тов. Владимиров высказывается за немедленное введение 8-часового рабочего дня явочным порядком.

В сущности говоря, тов. Владимиров только формулировал то, что партия большевиков проводила уже в районах на фабриках и заводах.

В результате страстных прений была принята резолюция, в основном сводившаяся к следующему:

«1. Признать необходимым введение 8-часового рабочего дня во всей стране, обратиться к Временному правительству с требованием о немедленном издании соответствующего декрета.

2. В Москве же, не дожидаясь издания такого декрета, ввести 8-часовой рабочий день, а в ночных сменах 7-часовой с 21 марта.

3. Сверхурочные работы допускаются только в отраслях, работающих на оборону и производящих предметы широкого потребления и топливо.

4. Существующий размер заработка не может быть изменен с введением 8-часового рабочего дня».

Это постановление Совета имело весьма существенное значение. Широкие рабочие массы убедились, что только партия большевиков на деле защищает непосредственные нужды рабочих и к осуществлению этих нужд идет революционным путем снизу, а не сверху.

Постановление как бы предрешало роль и значение Совета Рабочих Депутатов, как боевого классового органа развивающейся революции. Случилось именно то, чего так опасались меньшевики и эсеры: вступление Совета на путь непосредственного революционного действия, т.-е. на тот путь, который неизбежно должен привести, и в конечном счете привел, к захвату власти.

Несмотря на то, что по сравнению с другими партиями в апреле 1917 года фракция большевиков являлась наиболее многочисленной, тем не менее руководящая роль в Совете все еще принадлежала меньшевистско-эсеровской коалиции. Поражение в Пленуме по вопросу о 8-часовом рабочем дне еще более сплотило эту коалицию.

К этому времени (конец марта) Совет Рабочих Депутатов представлял из себя довольно сложную многостепенную организацию, фактически же всю ответственную работу вела Исполнительная Комиссия. По инициативе Бюро фракции большевиков был внесен в Исполком, а затем и 16 марта в Пленум, проект реорганизации Исполкома и Президиума. Предлагалось упразднить Исполнительную Комиссию, сосредоточив всю работу в Исполнительном Комитете и его Президиуме. Исполнительный Комитет предлагалось сконструировать из 60 человек, предоставив в нем трем социалистическим партиям по 2 места, Бунду и латышским с.-д.—по одному. Помимо этого, Исп. К-ту предоставлялось право кооптации десяти человек. Этому проекту весьма

противились меньшевики и эсеры, требуя особого представительства от торговых служащих, больничных касс и рабочей кооперации, откуда они рассчитывали провести достаточное количество своих сторонников. В конечном счете все же был принят проект Исполнительного Комитета (фактически—Бюро фракции).

В связи с реорганизацией Исп. К-та, был поднят вопрос о вознаграждении членов Совета и особенно Исполкома. Вопрос этот имел весьма существенное значение. Общественная работа отвлекала как членов Совета, так и особенно членов Исполкома. Предприятия не выплачивали заработную плату отсутствующим членам Совета. Создавалась таким образом невозможность не только работать в Исполкоме, но и посещать Пленумы Советов.

При обсуждении этого вопроса часть ораторов предлагала переложить все расходы по оплате членов Совета на государство, мотивируя это тем, что Совет весьма много времени уделяет общегосударственным вопросам; другие пытались отнести расходы на счет предприятий и, наконец, третьи указывали, что Совет есть классовая организация пролетариата, а потому и оплачивать своих депутатов должен сам рабочий класс. В конечном счете было постановлено установить постоянное отчисление из заработка рабочих и служащих. Для членов Совета была установлена плата 10 р. за каждое посещение Пленума; для членов Исполкома—жалованье в размере 300 р. в месяц.

В том же заседании было принято постановление о том, что предприниматели не могут увольнять члена Совета без согласия на то заводских комитетов.

Оба эти постановления были встречены предпринимателями весьма враждебно. Особенно долго и упорно противились они обязательным отчисле-

ниям с заработной платы в пользу Совета, требуя от каждого рабочего личного заявления о согласии на удержание из заработка.

Сейчас же после принятия Пленумом Совета Рабочих Депутатов проекта реорганизации Исполкома и Исп. Комиссии, началась предвыборная кампания, занявшая немало времени. Кандидаты в Исполком Совета Рабочих Депутатов выдвигались заводскими комитетами, профессиональными союзами, Районными Советами и непосредственно намечались общими собраниями на предприятиях. Выборы кандидатов производились не по партийному признаку, намечались наиболее популярные рабочие на предприятиях. Тем не менее, в районах партия большевиков получила наибольшее число кандидатов. В Городском районе прошли, главным образом, большевики и им сочувствующие. Надо было учесть благоприятное положение. Фракция большевиков в Совете предложила меньшевикам и эсерам произвести выборы членов Исполкома путем персонального голосования, рассчитывая таким образом получить большинство в Исполкоме, но это предложение было отвергнуто и принята паритетная система.

11 апреля 1917 г. на Пленуме Совета были произведены выборы Исполкома и Президиума. В Исполком было выбрано 60 человек, по 20 чел. от каждой партии, а с кооптированными и представителями от партий—83 человека.

В состав Президиума вошли Хинчук (предс.), Смидович, Ногин, Никитин, Розенблюм, Егоров, Руднев.

В том же заседании Пленум принял Положение о выборах членов Совета; нормы представительства, установленные в этом Положении, в общем сохранились и до настоящего времени.

II

ОФОРМЛЕНИЕ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ФРАКЦИИ И УСИЛЕНИЕ ПАРТИЙНОГО РУКОВОДСТВА

Между тем, разногласия с меньшевиками и эсерами по целому ряду вопросов увеличивались и отношения обострялись. Выборы в Исполнительный Комитет и та кампания, которую развивала партия большевиков на местах по переизбранию «соглашательских» депутатов, заставили большинство Исполнит. К-та выступить с особой инструкцией, ограничивающей право перевыборов депутатов. Однако, инструкция эта хотя и задержала, но не остановила кампании по перевыборам депутатов, не выражавших революционного настроения масс.

К 1 июня из 625 членов Совета большевики имели 205 человек, меньшевики—172, соц.-революц.—110, с.-д. (об'единенцы)—34, беспартийные—54; сочувствовало большевикам 25, меньшевикам—49 и соц.-рев.—22.

Таким образом, несмотря на быстрый рост фракции большевиков, большинство Совета все еще находилось в руках меньшевистско-эсеровского блока.

Обсуждение в Московском Совете вопроса о «Займе Свободы» еще более обострило борьбу фракций. 7 апреля Исполком заслушал доклад о «Займе Свободы» тов. Кузовкова (тогда еще об'единенца). Тов. Кузовков высказался за возможность поддержки «Займа Свободы», но предлагал потребовать от Временного правительства немедленного введения налога на капитал, чтобы вся тяжесть платежей по займу падала на имущие классы.

Ввиду сложности вопроса, Исполком постановил создать особую финансово-экономич. комиссию, которой и поручил детальную разработку вопроса.

В. П. Ногин.

10 апреля комиссия представила доклад Исполкому и единогласно высказалась за возможность поддержать «Заем Свободы» при условии переложения тяжести платежей по займу на имущие классы.

Доклад комиссии встретил решительное возражение со стороны большевиков в Исполкоме. Попытка фракции отложить решение вопроса до пересмотра его в комиссии была отклонена меньшевиками и эсерами, и предложение комиссии было принято. Попытка большевиков спасти положение путем принятия резолюции об условной поддержке займа также была отклонена.

После довольно страстных пререканий фракция большевиков получила право выдвинуть своего докладчика в Пленуме Советов от меньшинства Исполнительного Комитета.

Борьба разгоралась. Вопрос о «Займе Свободы» неразрывно связывался с вопросом о доверии Временному правительству и с вопросом о том, как кончить войну. С обеих сторон были мобилизованы силы.

11 апреля вопрос вносится в Пленум Советов. Докладчиком от Испол. К-та выступает Кузовков, который и оглашает резолюцию Комиссии финансовой политики о поддержке «Займа Свободы». Докладчиком от фракции большевиков выступил тов. Буровцев, решительно высказавшийся против «Займа Свободы». Пленум ограничился обменом мнений и окончательное решение вопроса отложил до следующего заседания.

В Моск. Ком. (б) вопрос о «Займе Свободы» был решен 11 апреля, и выбрана специальная комиссия для подготовки доклада на Пленуме Советов. 14 апреля в «Соц.-Демократе» была напечатана резолюция МК против какой бы то ни было поддержки «Займа Свободы».

В районах и на предприятиях партия развивала весьма успешную агитацию, и можно с уверен-

ностью сказать, что Совет не отражал уже настроения широких трудящихся масс, определенно склоняющихся к точке зрения партии большевиков.

14 апреля, накануне Пленума Совета, в Исполкоме с докладом о финансовом положении страны и в частности о «Займе Свободы» выступил министр Временного правительства Терещенко, которому было чрезвычайно важно добиться поддержки со стороны Московского Совета, к голосу которого прислушивалась вся Россия. Таким образом, финансовый вопрос приобретал огромное политическое значение.

15 апреля вопрос снова вносится в Пленум Совета Р. Д. Докладчиком от всех соглашательских партий выступает Исув, от партии большевиков—Боголепов. Тов. Игнатов в своей книге «Московский Совет», сообщает что перед открытием пленума Советов меньшевики собрали представителей бюро фракций, пытаясь во что бы то ни стало «договориться». Они шли на целый ряд уступок в смысле усиления «давления» на правительство и даже пред'явления ультимативного требования—лишь бы «Заем» был поддержан. «По Займу Свободы» в первый раз произошел очень резкий принципиальный спор,—говорит Игнатов,—и мы не шли на уступки меньшевикам, а они не могли по своей мелкобуржуазной сущности отказать Вр. Пр-ву в поддержке «Займа Свободы».

Так соглашение и не состоялось. В пленуме развернулись очень страстные прения. Меньшевики и эсеры мобилизовали все свои силы, чтобы запугать беспартийную массу и, главным образом, солдат, они спекулировали на том, что большевики «губят революцию и разваливают фронт». Голосование дало следующие результаты: за резолюцию Исп. К-та (весь соглашательский блок) было подано 242 голоса, за резолюцию большевиков—127, при 16 воздержавшихся.

Апрельские события, в связи с нотой Милюкова союзным правительствам о целях войны, еще более обострили борьбу партий внутри Совета. Широкие рабочие массы поняли, что Временное правительство обманывает народ, прикрывая пустыми декларациями свои истинные империалистские стремления. Волнение солдат и рабочих в Петрограде немедленно отозвалось в Москве. В районах на многих фабриках начались забастовки. Из Замоскворечья в полной боевой готовности выступил 55 полк и шел по направлению к Совету. Десятки тысяч рабочих вышли на улицу со знаменами «Долой Временное правительство!» Возбуждение и ненависть буржуазии были столь велики, что когда группа членов МК выехала из Капцовского училища навстречу демонстрантам и войскам, шедшим из Замоскворечья, чтобы раз'яснить смысл событий, то буржуазия, окружив автомобиль близ Думы, хватала за руки ораторов, угрожала и призывала к избиению.

21 апреля собрался об'единенный Исполком Советов Раб. и Солд. Деп. Прежде чем обсуждать поведение Временного правительства, было решено принять немедленные меры против «разрозненных выступлений», т.-е. воспретить рабочим и солдатам демонстрировать свое возмущение тактикой правительства. Против этого решения возражали представители фракции большевиков: тт. Ногин и Смидович. «Совет,—говорили они,—может распубликовать свое об'явление о том, что он к выступлению не призывает, но нельзя же воспрещать массам так или иначе выражать свой протест и выявлять возмущение». Лидер меньшевиков Исув требует осуждения выступлений, приписывая их агитации большевиков. Исполком подавляющим большинством принимает текст обращения к рабочим и армии о прекращении разрозненных выступлений «впредь до особого призыва Совета».

22 апреля собрался Пленум Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

Для защиты точки зрения партии большевиков фракция выдвинула тт. Смидовича, Ангарского, Игнатова и Ведерникова; от эсеров и меньшевиков выступали Кибрик, Исув, Руднев и др.

От имени фракции тов. Ангарским была внесена следующая резолюция:

«Нота Временного правительства лишний раз подтвердила, что Временное правительство есть правительство насквозь империалистское, связанное по рукам и ногам с англо-французским и русским финансовым капиталом; что оно не может в силу этого отказаться от аннексий и контрибуций; что об'ективную задачу, поставленную революцией, может разрешить только революционная демократия, а не правительство помещиков и капиталистов; поэтому Московский Совет Р. и С. Д. выражает недоверие правительству Милюкова, Гучкова и компании и, отказываясь от тактики так называемой условной поддержки и давления на это правительство, будет подготовлять все условия для неизбежного перехода власти в руки революционной демократии».

В результате страстных прений была принята резолюция Испол. К-та, в которой на ряду с указанием на неизжитие еще «захватнических стремлений» правительства, выставлялось требование «неуклонного исполнения в вопросе о целях войны твердо выраженной воли демократии».

Эта насквозь оппортунистическая, составленная в согласии с лидерами Петроградского Совета, резолюция была принята всеми голосами против 74 голосов большевиков[1]).

---

[1]) Несомненная описка в протоколе заседания: не 74, а 174.

События 20—21 апреля, вызвавшие стихийное движение солдат и рабочих как в Питере, так и в Москве, закончились относительно благополучно. Исп. К-т Советов и Питерский Совет, а за ним и Московский, признали «инцидент исчерпанным» и «об'яснения правительства удовлетворительными».

Однако, «кризис власти» привел Временное правительство к заключению, что оно может работать только при условии полного доверия и безоговорочной поддержки со стороны демократии. Прежняя тактика Советов о поддержке «постольку—поскольку» казалась теперь Временному правительству недостаточной. Буржуазия требовала, чтобы Советы несли ответственность перед страной за работу Временного правительства, а не только занимались «безответственной критикой».

Так «кризис власти» породил идею «коалиционного правительства».

26 апреля в Московском Комитете Общ. Организаций происходили очень бурные прения по вопросу о положении Временного правительства. Предлагалось организовать при Временном правительстве государственное совещание из представителей демократии, и большинство ораторов высказалось за создание коалиционного министерства.

Председатель Торг.-Пром. Комитета Третьяков заявил: «...Правительство не чувствует той поддержки, которую сообщила бы ему власть, опирающаяся на широкие слои населения... Левые группы во Временном правительстве недостаточно представлены. Необходимо включить во Временное правительство представителей левых партий».

Большую речь произнес Биркенгейм: «Голос Советов,—сказал он,—раздается не только по

всей России, а слышен по всему миру... Авторитет Временного правительства с каждым днем падает. Выход единственный — коалиционное министерство. Мы, социалисты, должны отдать все лучшие силы: взять на себя тяжкое бремя государственной ответственности. Политические партии и Совет Раб. Депутатов должны пересмотреть свое решение».

Вопрос внесен был на обсуждение Испол. К-та Моск. Сов. Раб. Деп.

Однако, попытка Временного правительства прикрыть и оправдать свою политику именем Советов, именем социалистических партий—потерпела неудачу. Все фракции с редким единодушием в Испол. К-те Моск. Совета голосовали против образования коалиционного министерства, против вхождения социалистов в правительство. Даже об'единенцы, эти инициаторы коалиции, голосовали теперь против. Однако, вернувшись из Петрограда, председатель Совета тов. Хинчук, куда он вместе с В. П. Ногиным был послан для защиты постановления Моск. Совета, сообщил, что Петроградский Совет в конечном счете согласился поддержать идею образования коалиционного правительства, дать своих представителей, оговорив их вступление в министерство известными условиями. Подчиняясь партийной дисциплине, тов. Хинчук должен был поставить вопрос в Моск. Совете на новое обсуждение.

13 мая на Исполкоме, после информации тов. Хинчука о ходе переговоров с социалистическими партиями и условиях соглашения, Кибрик от имени партии меньшевиков заявил, что «от прежней условной поддержки мы отказываемся и переходим к полной поддержке нового коалиционного правительства, с активным проведением на местах его программы. Поскольку оно отступит от этой программы или недостаточно решительно

будет ее проводить, мы отзовем наших представителей».

Точку зрения партии большевиков защищал В. П. Ногин. Он указал, что с образованием коалиции политика правительства не изменится; получится лишь новая разновидность буржуазного правительства с социалистическими представителями, которые должны будут дать свое имя для прикрытия прежней империалистской политики. Защищая необходимость организации действительно революционной власти, тов. Ногин говорит, что такая власть должна исключительно опираться на организованные революционные силы. Власть поэтому должна перейти в руки Советов Р. и С. Д.

Исполнительный Комитет, после выступления ряда ораторов, принял резолюцию, предложенную Кибриком, основные пункты которой сводились к следующему: «Кризис власти и выяснившаяся невозможность реорганизации Временного правительства, без участия представителей революционной демократии, вынудили Петроградский Совет Р. и С. Д. согласиться на определенных условиях делегировать ответственных перед ним представителей в состав Временного правительства. Сознание того, что отныне как на Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, так и на весь рабочий класс ложится ответственность за успешное выполнение новым правительством принятых им на себя обязательств, Моск. Совет Р. и С. Д. призывает всех рабочих и солдат теснее сплотиться вокруг Советов, чтобы обеспечить им возможность оказывать Временному правительству полную и действительную поддержку».

Сущность резолюции партии большевиков, оглашенной В. П. Ногиным, в своей заключительной части сводилась к следующему: «Партия пролетариата заявляет, что всякий, кто войдет в мини-

стерство, ведущее империалистскую войну, независимо от своих добрых желаний, станет соучастником империалистской политики капиталистов. Партия пролетариата, на основании всего этого, высказывается самым решительным образом против посылки Советами Р. и С. Д. своих представителей в коалиционное министерство. Партия предостерегает народ против попыток сосредоточить внимание населения на вопросе о замене в министерстве одного лица другим, или одной группы буржуазных политиков другой. Беспринципной борьбе парламентских клик революционная социал-демократия противопоставит борьбу классов, и в особенности, вопрос о коренной перемене всей политики Советов Р. и С. Д. и о переходе всей власти к ним».

В первый период своей деятельности март—апрель Московский Совет представлял из себя главным образом политическую трибуну. Рассматривая себя как политическую организацию рабочего класса, соглашательское большинство Совета основной своей задачей считало доведение до конца буржуазной революции, борьбу за осуществление программы-минимум социалистических партий. Как логический вывод из этой основной задачи и понимания характера совершающейся революции, вытекала и тактика отношения к Временному правительству, которое, по мнению Совета, должно осуществлять требование демократии. От непосредственного участия в развитии и движении вперед революции Московский Совет (в своем соглашательском большинстве) уклонялся. Страх перед революционными методами и переходом власти в руки революционной демократии был так велик, что «социалистическое» большинство Совета шло на всякие компромиссы и сделки с контрреволюционным правительством. «Поддержка», «давление», «коалиция»,—все было

использовано, лишь бы сохранить «чистоту» теории и не посягнуть на буржуазный характер революции.

Большевики в первый период деятельности Совета (примерно до средины апреля) также не отказывались от «поддержки» Врем. Правительства, «давления» и «контроля». Однако было бы ошибочно полагать, что у большевиков не было разногласий с меньшевиками и эсерами. Разногласия были и сводились они к оценке характера революции и ее движущих сил. Меньшевики, исходя из признания буржуазного характера революции всю свою тактику связывали с Врем. Правительством, большевики — наоборот главнейшее внимание обращали на революционные методы борьбы, на непосредственную работу на фабриках и заводах, агитируя за переход власти в руки «революционной демократии» («диктатура пролетариата и крестьянства»).

В процессе борьбы, большевики после Всеросс. апрельской конференции, отказываются от старых схем 1905 г. и принимают лозунг «Вся власть Советам». Меньшевики лишь в Октябре поднимаются на одну ступень и вместе с «об'единенцами» выдавливают из себя лозунг «власть революционной демократии», однако, по условиям момента этот лозунг не являлся уже лозунгом революции и все попытки примирить, «согласовать» идею Советской власти с властью «революционной демократии», несмотря на известные колебания значительной части большевиков,—потерпели неудачу.

Никакой писаной конституции Московский Совет, как и все вообще Советы, в то время не имел, права его никем не были регламентированы, средств он не имел, если не считать процентного отчисления с заработка рабочих и, тем не менее, авторитет его был очень велик не только

среди трудящихся масс, но и среди буржуазии. Ни один сколько-нибудь значительный конфликт из области труда и капитала не обходился без вмешательства Совета, но все же главным образом Совет являлся политической трибуной.

Сейчас же после Февральской революции, как уже было сказано выше, буржуазия поспешила взять в свои руки все хозяйственные организации: продовольствие, финансы, промышленность, муниципальные дела и даже регулирование рынка труда и фабричную инспекцию.

Московский Совет Рабочих Депутатов в первой половине 1917 г. формально мало чем отличался от других «общественных» организаций, его представители на ряду с другими приглашались на с'езды, конференции, совещания, делегировались на постоянную работу в Комитет Общ. Организаций и в его различные комиссии и отделы. Немало было случаев, когда буржуазия обходила Московский Совет, лишала его представительства даже на такие важнейшие с'езды, как, напр., Областной С'езд Комитетов Обществ. Организаций, где вырабатывалось новое Положение о выборах в земства и городские думы.

21 марта в Пленуме Совета обсуждался доклад Гальперина (об'единенец) о «демократизации городского самоуправления». В Исполкоме не было достигнуто соглашения, и потому в Пленуме снова выступили два докладчика и открыты были прения. Гальперин предлагал потребовать от Комитета Общ. Организаций немедленного роспуска Думы и все ее учреждения и исполнительные органы передать в ведение Комитета Общ. Организаций. Потребовать от Временного правительства немедленного издания закона о демократизации городского самоуправления и предложить Комитету Общ. Орг. немедленно приступить к выборам с целью создания временного общего-

родского самоуправления, а также Районных Дум и, кроме того, ликвидировать Московскую Городскую Думу и все ее хозяйство передать Комитету Общественных Организаций.

Содокладчик от меньшинства Исп. К-та Киврик (меньш.) считал нецелесообразным и опасным производить ломку сложного городского хозяйства и предлагал оставить все в прежнем виде до новых выборов, усилив надзор за Думой со стороны К-та Общ. Орг. и ускорив выработку Положения о выборах.

Представители большевиков выступали не фракционно, полагая, что вопрос этот небольшой политической важности, однако, в развернувшихся прениях выяснилось большое принципиальное значение вопроса.

Против немедленной демократизации Московской Городской Думы и принятия на себя московского городского хозяйства выступил тов. Вегер, причем аргументировал он, исходя из «интересов революции». «Революция,—говорил он,—вот та царственная красавица, в которую мы страстно влюблены, которой мы безгранично преданы и которую должны защищать»... «Интересы революции—единственное мерило... Она сделала только первый шаг, и мы не должны ослаблять своего внимания... Что же нам здесь предлагают? Заняться ведением городского хозяйства, т.-е. богадельнями, мостовыми, санитарией и т. п. Все это... с революцией имеет весьма мало общего, а главное—все это отнимет у нас много сил». «Москва у всей России под горою, на нее все смотрят... Все городские революционные комитеты превратятся в городские думы, займутся богадельнями, мостовыми и пр. Тогда—точка революции! Надиях мы соберем областной с'езд. И там, если итти по этому пути, нужно будет забрать и все земские дела, заняться дорогами, лужением больничных

умывальников, санитарией, ветеринарией, мелким кредитом и т. д... Нет, не для этого вас сюда выбирали... Хозяйства мы не приведем в порядок и только уроним себя...».

Интересно отметить, что и меньшевик Никитин целиком присоединился к мнению тов. Вегера, указав, что Совет Рабочих Депутатов — политическая, революционная организация, а не хозяйственная. Против этой точки зрения возражали тт. Игнатов и Ногин, указывая, что городские и земские самоуправления — это те окопы, в коих рабочий класс должен окопаться, ибо цензовые группы пытаются использовать против демократии все свое влияние и власть. Пленум согласился с мнением большинства Исп. К-та и признал необходимым приступить к демократизации Городской Думы, для чего необходимо немедленно назначить выборы в Городскую Думу на демократических началах. Городская Дума нынешнего состава должна быть распущена, и все дело городского хозяйства должно быть передано Комитету Общественных Организаций.

Точка зрения тов. Вегера, конечно, была ошибочна. Буржуазия была весьма довольна таким пониманием задач Совета Рабочих Депутатов.

Не менее ошибочно было решение передать все дело городского хозяйства Комитету Общ. Организаций и не по тем, конечно, соображениям, которые приводил Кибрик, а потому, что Комитет Общ. Орг. в то уже время по своему составу представлял собой явно контр-революционную организацию, на это намекал даже Кибрик: «...Можно ли сказать, что Комитет Общ. Орг. действительно совершенно правильно представляет собой московское население? Мы знаем, как он создавался. То соотношение сил, которое в нем установилось, вовсе не обозначает, что и в новом городском

самоуправлении оно не будет таким же, и с этой точки зрения передача всех городских дел в Комитет Общ. Орг. не является правильным...»

С апреля Моск. К-т партии начинает уже *фактически* руководить работой советской фракции. Устанавливается живая связь с МК путем постоянного представительства фракции на заседаниях Моск. К-та. 26 апреля по докладу тов. Обуха о работе фракции МК принимает постановление о закреплении более тесной связи членов Совета Р. Д. с МК и райкомами. В Исполнительный К-т делегируются тт. Бубнов, Закс, Бухарин, Усиевич и Ломов. В мае—июне фракция уже совершенно оформляется и выступает как вполне «парламентская» партия. Все районы и партийные ячейки немедленно сообщают фракции о всех вновь выбранных в Совет членах партии. Для согласования деятельности районных комитетов и М. К. с советскими фракциями в центре и в районах постановлено устраивать совещания активных работников партийной организации с членами советских фракций.

Уже 11 апреля МК обсуждает вопрос о демократизации городского самоуправления и об участии в районных думах. Вопросу о выборах в Центральную Думу посвящается заседание 23 апреля, на котором принят был целый ряд мер к обеспечению проведения своих кандидатов в Думу. Ввиду намечавшейся в Совете Р. Д. тенденции составления общего социалистического списка кандидатов, МК постановляет о необходимости выступить с отдельной платформой и своим списком, допуская возможность об'единения только технических действий.

Однако, в работе фракции все еще встречаются недоразумения. Фракция берет еще на свою ответственность решение принципиальных вопросов без согласования с партией. Так, например, фрак-

ция голосует в Совете за об'явление ближайшего воскресенья перед 1 мая (т.-е. 16 апреля)—рабочим днем с тем, чтобы заработок этого дня отдать на «красный подарок» фронту. Мотивируется это необходимостью ввиду «тяжелого положения страны» отработать за день первого мая. Сами члены бюро фракции тт. Владимиров (Петр) и Обух не отрицали допущенной ошибки, причем тов. Владимиров указывал на то, что к фракции нельзя еще пред'являть больших требований,—она только что организуется.

Моск. Комитет постановил: осветить вопрос в «Социал-Демократе», повести агитацию за то, чтобы заработок 16 апреля был передан в фонд «Социал-Демократа» на литературу в окопы; указать фракции на неправильность ее действий.

В том же заседании 11 апреля Московский Комитет обсуждает весьма важный вопрос об условиях работы в войсках.

Докладчик от военной организации тов. Антон (Крюков) сообщил, что Совет Солд. Деп. не разрешает вести в казармах агитацию членам социалистических партий. Пропаганда может быть допущена только беспартийная. Фактически это сводилось к воспрещению большевистской агитации. Тов. Крюков просил МК воздействовать на Сов. Солд. Деп. через фракцию Совет Раб. Деп.

Тов. Смидович считал подход к решению вопроса неправильным. «Если товарищи,—заявил он,—хотят вести агитацию, нужно действовать не сверху, а изнутри. Товарищи члены военной организации должны итти в Совет Солд. Деп., приобрести там доверие и оттуда проводить все, что угодно».

Московский Комитет постановил: 1) избрать особую комиссию для всестороннего рассмотрения

вопроса совместно с тт. большевиками из Совета С. Д.; 2) предложить Исп. К-ту, совместно с военной организацией, разработать вопрос о работе среди солдат; 3) образовать фракцию в Совете Солд. Деп.; 4) организовать ряд солдатских митингов.

Надо заметить, что завоеванию Совета Солд. Депутатов Моск. К-т все время придавал исключительное значение; вопрос этот не раз ставился на обсуждение МК. Однако, Исп. К-т Совета Солд. Деп. до Октябрьской революции находился в руках меньшевиков и эсеров. Об'ясняется это в значительной степени слабостью организационной работы большевистской фракции Совета Солд. Деп. Военная организация Моск. К-та имела большое влияние в солдатских массах, организационно же влияние это не было закреплено.

Обострение продовольственного положения в Москве и других промышленных центрах московского района привлекло особое внимание Московского Совета. Недостаток продовольствия, в особенности хлеба, осложнился загрузкой московского железнодорожного узла, в котором на 1 апреля 1917 г. скопилось более 9.000 вагонов, причем количество это в связи с наступившими праздниками все увеличивалось. Рабочие-крючники, угрожая забастовкой, требовали уплаты сверхурочных и повышения заработной платы почти вдвое против получаемой. Владельцы булочных отказывались от повышения заработной платы пекарям,—на этой почве все время возникали конфликты и забастовки.

При таких условиях Московский Совет должен был активно вмешаться в продовольственное дело и не только в местном, московском, но и во всероссийском масштабе.

Формально Московский Совет не имел непосредственного отношения к продовольствию,—все

дело продовольствия находилось в ведении нескольких организаций: Городской Управы, Продовольственного Комитета, Союза Потребительских Обществ и др. Ни заготовительного, ни распределительного аппаратов означенные организации не имели. Заготовка мяса была почти монополизирована Комиссией Карпова (Уполномоч. Министерства Земледелия), транспорт находился в руках «Комитета по перевозкам» с фон-Мекком во главе. При таких условиях борьба с продовольственным кризисом была до крайности затруднена.

Еще 22 марта рабочей группой Продовольственного Комитета был внесен в Исполнительный Комитет Московского Совета доклад о критическом положении дела продовольствия в Москве и выдвигался целый ряд неотложных мероприятий как общего, так и местного значения.

Было решено немедленно приступить к организации Всероссийского с'езда представителей продовольственных комитетов; потребовать от Временного правительства установления норм потребления, учета всех продовольственных запасов, в том числе и интендантских, реквизиции всех спекулятивных запасов, установления твердых цен на предметы первой необходимости и всемерного укрепления хлебной монополии. Помимо этих общих мероприятий Московский Совет решил немедленно разослать своих представителей во все производящие губернии для принятия мер, совместно с местными Советами, об усилении погрузки хлеба в Москву и московский промышленный район. Из мер организационного порядка было решено создать в Москве единый Продовольственный Комитет, единый Транспортный Комитет, районные продовольственные комиссии и целый ряд других практических мер к упорядочению дела продовольствия в Москве.

26 апреля МК заслушивает специальный доклад о продовольственном положении и постановляет принять участие в работе бюро по созыву Всероссийского С'езда. Для работы выделяются тт. Усиевич и Знаменский.

Принятые Московским Советом чрезвычайные меры, поддержанные Петроградским Советом, широкая печатная агитация, посылка делегатов на места, усиление разгрузки железнодорожного узла, ликвидация конфликтов в пекарнях, — все это не замедлило дать положительных результатов. Острота продовольственного кризиса миновала, и Москва была обеспечена хлебом, хотя и по голодной норме, до нового урожая.

Однако, Временное правительство продолжало политику полумер и обещаний и решительно уклонялось от революционных методов разрешения продовольственного вопроса.

Такая же участь постигла и проект реорганизации Московского Продовольственного Комитета. Предложение рабочей группы о роспуске Городской Думы и ее исполнительных органов не было проведено в жизнь. Продовольственный Отдел при Городской Управе был сохранен; по-прежнему продовольственным делом ведал целый ряд организаций. По-прежнему Продовольственный Комитет продолжал работу на условиях двухстепенной подчиненности: Комитету Общ. Организаций и Московскому Совету. Это вневедомственное положение Продовольственный Комитет сохранил до Октябрьского восстания, когда, отказавшись целиком перейти на сторону Совета, высказался за питание «всего населения, без различия партий». Фактически же об'ективно этот «нейтралитет» в октябрьские дни свелся к снабжению продовольствием войск Комитета Общественных Организаций, т.-е. той организации, в ведении коей находился и Продовольственный Комитет.

А между тем, даже меньшевики в период продовольственного кризиса высказывались за переход продовольственного дела к Совету Рабочих Депутатов. Так, на заседании Исполнительного Комитета 19 апреля по докладу Шефлера один из влиятельных меньшевиков, рабочий Романов, говорил: «...Мы допустили ошибку, что до сих пор не взяли продовольственного дела в свои руки. Необходимо взять его теперь. Должен быть создан всероссийский центр, где большинство мест будет обеспечено за пролетарскими организациями. Этот центр должен быть облечен всей полнотой власти, ему должно принадлежать право конфискации и издания декретов. Изданный правительством закон об организации продовольственного дела не удовлетворителен и должен быть изменен...» Это предложение Романова не было, однако, принято Исполкомом, хотя эту же мысль развивали и другие ораторы, напр., Аванесов.

Исполком согласился с мнением т. Ногина о том, что «вопрос о переходе всего продовольственного дела в руки Советов... должен быть поставлен на разрешение Всероссийского С'езда Советов Раб., Солд. и Кр. Депутатов».

Так, Исполнительный Комитет д о б р о в о л ь н о отказался от продовольственной диктатуры в Москве в наиболее благоприятный для этого момент, когда сами же представители Городской Управы обращались в «бесправный» Совет за разрешением целого ряда важнейших продовольственных вопросов.

Отказываясь взять в свое непосредственное ведение аппарат продовольствия в Москве и оказывая в то же время огромную помощь и содействие Продовольственному Комитету (широкая агитация, посылка эмиссаров и т. д.) в ликвидации продовольственного кризиса, Московский

Совет способствовал усилению авторитета Продовольственного Комитета и, в конечном счете, авторитета Комитета Общественных Организаций.

Если в основном вопросе—об отношении к Временному правительству—у меньшевиков не было колебаний, и они вели неустанную борьбу против перехода политической власти к Советам, то в отдельных случаях и по весьма существенным практическим вопросам они выступали иногда довольно-таки радикально. Колебания были проявлены меньшевиками не только в продовольственном вопросе,—некоторая часть меньшевиков голосовала за большевистскую резолюцию тов. Владимирова по вопросу о 8-часовом рабочем дне, но наиболее определенно колебание влево выявлось при обсуждении вопроса об отношении к гражданскому управлению и милиции в Москве.

В заседании Исполнительного Комитета 19 апреля А. М. Никитин заявил о сложении с себя обязанностей начальника милиции; свой отказ он мотивировал тем, что милиция не является уже в настоящее время «вооруженной силой революции», а представляет собой обычную муниципальную полицию и всецело подчинена гражданской власти. Поэтому Никитин не считает возможным возглавлять милицию, подчиненную не Совету Раб. Депутатов, а решениям «чуждой Совету власти». «Всякие неудачи гражданского управления,—говорит Никитин,—потребуют вмешательства милиции, как вооруженной силы, ответственность за что падает на него как представителя СРД».

Комитет Общ. Организаций, учитывая авторитет Совета, предлагал соединить гражданское управление и управление милиции в руках одного лица—представителя Совета Раб. Депутатов. В Исполнительном Комитете вопрос стал принципиально: может ли Совет, отказываясь от участия

в правительстве, взять на себя гражданское управление? Т. Хинчук, высказываясь против участия во Временном правительстве и его органах, отмечает, что возможностью спокойно работать мы обязаны именно тому обстоятельству, что для управления милицией выделили А. М. Никитина. «Необходимо,—говорил он,—брать власть в свои руки, где выдвигается это самой жизнью, и не отказываться от нее там, где она уже в наших руках... Было бы хорошо взять гражданское управление в свои руки...» Однако, вопрос этот не получил окончательного решения. Колебания среди меньшевиков продолжались в связи с решением общего вопроса об участии во Временном правительстве.

Такую же нерешительность проявил Московский Совет, в лице своего соглашательского большинства, и в борьбе с экономической разрухой. Вступление «социалистов» в правительство парализовало всякую возможность борьбы с разрухой на местах, и Московский Совет вместо принятия решительных мер в борьбе с развалом производства предпочитал довольствоваться посулами министров «социалистов».

А между тем, конфликты на фабриках и заводах стали принимать массовый характер. Буржуазия, ссылаясь на введение 8-часового рабочего дня, упрекала рабочих в уменьшении производства на оборону; рабочие, наоборот, приводили неопровержимые доказательства того, что падение производства является следствием общей хозяйственной разрухи, и в частности, халатности и саботажа фабричной администрации.

В связи с приостановкой производства, начались массовые увольнения рабочих. Представители фабзавкомов шли в Московский Совет с требованием принятия решительных мер против саботажа фабрикантов, не останавливаясь перед реквизицией заводов.

Существовавшая при Отделе Труда Следственная комиссия по рассмотрению конфликтов на предприятиях, в своем докладе Исполнительному Комитету 17 апреля указывала на то, что она бессильна что-лиоо сделать; состоя только из рабочих, она не имеет никаких прав для проведения в жизнь тех или иных решений. Докладчик Комиссии эсер Пумпянский для усиления полномочий Комиссии предлагал организовать ее при Комитете Общ. Организаций, пополнив представительством от предпринимателей, фабричных служащих, инженеров, Комитета Общ. Организаций и фабричной инспекции. Комиссии должно быть предоставлено право контроля над производством.

Предложение включить в Комиссию представителей от Центр. Бюро Профсоюзов было отклонено.

Само собой разумеется, такая «паритетная» комиссия никакой пользы делу принести не могла, и роль ее в борьбе с экономической разрухой была ничтожна.

В Отделе Труда раздавались голоса о предоставлении этой Комиссии права реквизиции предприятий в случае заведомого саботажа производства, но это было отклонено по формальным соображениям.

Между тем, хозяйственная разруха все увеличивалась, транспорт разваливался, запасы сырья истощались, а Временное правительство никаких решительных мер с развалом народного хозяйства не принимало. Правда, намечалась организация Центрального Экономического Совета из представителей общественных организаций и предпринимателей, который должен был регулировать все хозяйство страны в целом, но проект этот залеживался в министерских канцеляриях шести министров-социалистов, на местах же продолжали функционировать разрозненно и несогласованно многочисленные «совещания» и «комитеты», призванные регулировать местную промышленность.

При создавшихся условиях Московский Совет решает самостоятельно, не дожидаясь опубликования государственного проекта, приступить к регулированию производства в московском (областном) масштабе. Прежде всего надо было фактически подчинить себе все «особые совещания», что и было проведено через Комитет Общ. Организаций путем усиления в них представительства Совета и рабочих организаций. Закончив эту работу, Московский Совет организует Экономический Совет, в задачи коего входит дело снабжения, труда и регулирование производства. Затем учреждается Москов. Район. Комитет по учету и распределению рабочей силы под председательством комиссара труда, с привлечением заинтересованных учреждений, рабочих и демократических организаций.

Однако, все эти благие начинания, имеющие целью регулирование производства, постигла та же участь, что и проект шести министров-«социалистов». Буржуазия, ссылаясь на отсутствие сырья и топлива, закрывала предприятия, увольняла рабочих, противилась всяким мерам, направленным к упорядочению производства, а Временное правительство устами министров-социалистов взывало к патриотическим чувствам буржуазии, «единению демократии», обещало «единый целостный план» регулирования хозяйства, и это в то время, когда надо было проявить твердую волю и реквизировать предприятия, владельцы коих саботировали производство.

Со времени вхождения «социалистов» в министерство, работа большевиков в «Известиях» стала невозможной. Вместо разоблачения контр-революционной политики правительства от большевиков требовалась «благожелательная критика».

28 мая Моск. Ком-т (б) обсуждает вопрос о выходе т. Скворцова из редакции «Известий» Совета Раб. Деп. Мотивы выхода—невозможность сов-

местной работы с меньшевиками и эсерами, пытающимися подвергать цензуре статьи, разоблачающие контр-революционную деятельность Временного правительства.

Принято было след. постановление: 1) тов. Скворцова и других товарищей отозвать из редакции «Известий». 2) Работу большевиков в редакционной коллегии и в общеполитическом отделе газеты в настоящий момент признать нецелесообразной, в виду стремления меньшевиков и эсеров, руководящих Советом, обратить эту газету в официальный орган коалиционного правительства и в виду невозможности для большевиков отстаивать свою линию. 3) Вернуться в редакционную коллегию для работы только в том случае, когда изменится соотношение сил. 4) Поручается фракции поднять вопрос о выходе из редакции в Совете Раб. Депутатов.

12 июня вопрос о финансовом положении и экономической разрухе обсуждается в Исполнительном Комитете и затем выносится на Пленум Советов.

Докладчиком от большинства Исполнительного Комитета выступает заместитель министра труда Колокольников и содокладчиком—т. Бухарин.

Колокольников, признавая невозможность устранить разруху, выдвигал ряд мер, могущих, по его мнению, улучшить положение народного хозяйства. Развивая идею вмешательства государства в регулирование хозяйства, он намечал две линии, которым должно следовать государство в данное время: максимальное развитие производства и равномерное распределение недостаточного количества продуктов. Для проведения этой политики Колокольников обещал, от имени правительства, не останавливаться на самых решительных мерах.

Тов. Бухарин, нарисовав картину катастрофического положения хозяйства, указывал на то, что

буржуазия сознательно дезорганизует промышленность и всю хозяйственную жизнь. Она боится дальнейшего развития революции и противодействует вмешательству государства в производство. Единственным выходом из создавшегося положения т. Бухарин считает переход власти к органам революционной демократии, которая должна осуществить следующие меры: 1) ликвидировать войну, 2) отказаться от платежа государственных долгов, 3) ввести беспощадные налоги на господствующие классы. Для выполнения громадной задачи организации производства необходимо, с одной стороны, использовать ряд уже имеющихся органов капиталистической буржуазии, подчиняя их Советам, с другой—создать аппарат хозяйственного управления. Этот аппарат должен иметь своим основанием фабзавкомы с обязательным привлечением служащих и технического персонала, профсоюзов, а также созданные из представителей завкомов и профсоюзов хозяйственные комитеты при местных и центральных органах власти. В области сельского хозяйства первичными ячейками должны быть продовольственные комитеты, связанные через Советы крестьянских и батрацких депутатов с городскими Советами.

В качестве немедленной меры необходимо введение публичной отчетности всех предприятий после их контроля рабочими органами.

Разумеется, Колокольников и другие выступавшие в прениях меньшевики и эсеры признали план т. Бухарина «утопичным» и вредным для рабочего класса, а между тем т. Бухарин, правда вчерне, схематически, нарисовал то, что теперь называется Советом Народного Хозяйства и что пытался в местном масштабе осуществить Московский Совет путем организации Экономического Совета, наивно полагая, что такое регулирование хозяйства не предрешает вопроса о власти.

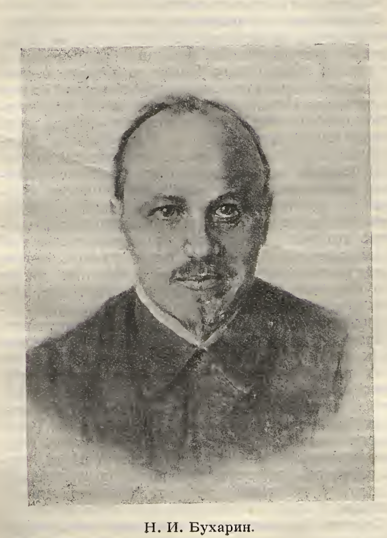
Пленум Совета большинством 262 голосов против 182 принял длиннейшую резолюцию меньшевиков, в которой, констатируя «истощение и распад народно-хозяйственного организма», предлагал Временному правительству принять неотложные меры к «планомерной организации народного хозяйства и труда».

Мы уже знаем, как выполняло эту директиву Советов Временное правительство. Разруха все более и более усиливалась, финансы пришли в катастрофическое состояние, острый недостаток продовольствия грозил серьезными осложнениями.

Эта неспособность руководящего советского большинства разрешить основные проблемы народного хозяйства и проявить твердую волю по отношению к саботажу буржуазии способствовала изживанию в широких народных массах иллюзий о возможности мирного разрешения основных, выдвинутых революцией, вопросов и подготовляла переход власти в руки Советов, руководимых партией большевиков.

10 июня в Петрограде открылся Всероссийский С'езд Советов. К этому времени ЦК партии большевиков назначил мирную демонстрацию петроградского пролетариата, которая должна была оказать известное воздействие на руководящее большинство Советов и побудила бы их взять власть в свои руки.

Такую демонстрацию отнюдь нельзя было рассматривать как демонстрацию против Советов вообще и против С'езда Советов—в частности. Однако, она именно так была понята. Не только меньшевики и эсеры, но и большевистская фракция С'езда высказалась против демонстрации и оказала давление на ЦК в смысле пересмотра своего решения. Демонстрация была отменена. В этом меньшевики и эсеры увидели как бы сла-

Н. И. Бухарин.

бость партии большевиков и попытались использовать готовящуюся мирную демонстрацию, как попытку восстания и против С'езда и против коалиционного правительства.

Московские соглашатели не упустили случая использовать положение. 12 июня, несмотря на официальные заявления фракции большевиков и секретаря Московского Комитета партии о том, что они никаких призывов к демонстрации 11 июня не делали, Исполком незначительным большинством голосов постановляет обсудить «создавшееся политическое положение» и приступает к обсуждению резолюции Руднева с осуждением партии большевиков, якобы подготовлявшей вооруженную демонстрацию, направленную против Временного правительства. Эта резолюция встречена была негодованием фракции большевиков, ораторы которой указывали, что принятие такой резолюции еще более усилит травлю большевистской партии, которая совершается при явном попустительстве меньшевиков и эсеров. Тов. Ломов предупреждал Исполком, что принятием такой резолюции Совет прикладывает свой штемпель к травле части Совета и развязывает против нее руки контр-революции.

«У нас,—говорил Бухарин,—запрещается агитация против Временного правительства и в то же время ничего не предпринимается против кадетских митингов, Государственной Думы и Государственного Совета—этих очагов реакции. Весь революционный пафос употребляется на то, чтобы запретить действия большевиков и запереть в тюрьму действительно революционное крыло Совета».

Страсти разошлись. Атмосфера накалялась. Тов. Рыков от имени фракции делает заявление, что большевики «отказываются от участия в голосовании резолюции, так как она направлена

исключительно против большевиков и является карательной по отношению к ним».

Тем не менее, Исполком подавляющим большинством принимает резолюцию, внесенную Рудневым.

Для того, чтобы подчеркнуть необходимость «единства» всей революционной демократии, об'единенный Исполком постановил устроить в день 18 июня митинги и собрания по районам и от всяких выступлений отказаться. В этом отношении московские соглашатели оказались правее и трусливее их питерских товарищей. Они как бы предчувствовали, что всякое выступление неизбежно обратится в манифестацию в честь партии большевиков—так именно и случилось в Петрограде.

15 июня т. Смидович информировал Моск. К-т партии (б) о решении Исполнит. Комитета не устраивать в день 18 июня демонстраций. После обсуждения вопроса Московский Комитет, совместно с активными работниками, единогласно постановил устроить демонстрацию, широко оповестив профессиональные союзы.

И Временное правительство и соглашательские партии в Советах поторопились использовать мнимую победу над большевиками, поторопились учесть настроение широких обывательских масс буржуазии и «революционной демократии» для того, чтобы закрепить это «переломное настроение» каким-либо крупным и показательным политическим актом. Для демонстрации такого «перелома» была избрана армия на фронте, которая в угоду русской и англо-французской буржуазии была брошена в наступление, потеряв, без всякого смысла и надобности, сотни тысяч людей.

20 июня Моск. К-т обсуждает вопрос о «наступлении» и принимает следующую, предложенную т. Бухариным, резолюцию:

«Наступление предпринято, чтобы поставить армию и революцию на службу англо-француз-

ской, американской и русской буржуазии, под лживым флагом защиты свободы. Наступление наносит удар международной революции пролетариата против войны и империализма, усиливает во всех странах контр-революцию, питающуюся шовинизмом. Поэтому наступление на фронте, одобренное меньшевиками и с.-р., непосредственно поддерживающими захватчиков, означает на деле и наступление на все завоевания революции. Наступлению, затеянному захватчиками, мы противопоставляем необходимость перехода власти к Советам Раб., Солд. и Крестьянских Депутатов и предложение от имени полновластного Совета немедленного справедливого мира всем народам.

Поскольку в настоящее время контр-революция поднимает голову, особенно опасным является вывод революционных войск из крупных центров.

Принимая все это во внимание, Московский Комитет РС-ДРП полагает:

1) что в настоящее время необходима кампания, разоблачающая правительство и партии меньшевиков и эсеров;

2) необходима организация в войсковых частях и пропаганда оставления революционных полков внутри страны для отпора контр-революции;

3) что необходима энергичная агитация за перевыборы в Совет Р. и С. Д. и отзыв тех депутатов, которые одобряют гибельную политику наступления;

4) необходима пропаганда, выясняющая, что вся ответственность за последствия этой тактики целиком ложится на Временное правительство и поддерживающий его якобы социалистический блок».

20 июня Пленум Московского Совета выслушивает сообщение эсера Розенблюма о том, что «сво-

бодная революционная армия перешла в наступление».

Депутаты встают и поют похоронный марш.

От фракции большевиков Смидович заявляет: «По предложению т. Розенблюма встал весь Совет, но мы, большевики, не присоединились к точке зрения т. Розенблюма. Армия для нас не является свободно движущейся после всех принуждений и решений по отношению к некоторым воинским частям. Армия движется по тем же мотивам, что и раньше, и жертвы наступления—жертвы империалистской войны. Мы относимся с уважением к жертвам, но похоронного гимна мы не пели, так как этот гимн мы поем только жертвам за свободу, а эти жертвы—жертвы империалистской войны».

Ложь буржуазной прессы и травля большевиков после этого заявления фракции еще более усилились.

21 июня вопрос о «наступлении» был поставлен на об'единенном заседании Исполкомов Советов Р. и С. Деп. Докладчик от большинства Исполкома Кибрик предлагал отказаться от обсуждения вопроса о целесообразности наступления, поскольку Временное правительство пользуется нашим полным доверием; мы лишь должны еще раз подтвердить нашу основную позицию по вопросу о войне, а именно: «единственный путь к миру—это борьба народов со своими империалистскими правительствами».

Содокладчиком по вопросу о «наступлении» выступил т. Бухарин, указавший на то, что наступление есть «удар по растущему международному движению рабочего класса». Бухарин предлагал отказать Временному правительству в доверии и наступления не санкционировать.

В Пленуме Советов, после весьма страстных прений, за резолюцию Кибрика было подано 391

голос, за резолюцию Бухарина—232. Значительная часть беспартийных голосовала за резолюцию Бухарина.

Так, по основным вопросам: об экономической разрухе и об отношении к войне и Временному правительству, партия большевиков в об'единенном Пленуме Советов получила весьма значительное число голосов; в общем, блок меньшевиков и эсеров собрал всего лишь на 30—40% больше. Это явилось лучшим показателем роста влияния партии большевиков в широких массах, отход этих масс от политики соглашения и определенный сдвиг влево.

III

ИЮЛЬСКИЕ ДНИ

В начале июля снова наступил «кризис власти». Непосредственным поводом к нему послужило соглашение, заключенное тремя членами Временного правительства (Керенский, Церетелли, Терещенко) с Украинской Радой и Киевским ЦИК о назначении на Украине в качестве высшего органа управления — Генерального Секретариата. Министры-кадеты потребовали пересмотра соглашения, угрожая отставкой. Собственно говоря, национальный вопрос явился только поводом для перехода кадетов в наступление на «революционную демократию», которую они решили «обуздать».

«Кризис власти» сейчас же вызвал движение в рабочих районах, а также в войсках петроградского гарнизона. Рабочие и солдаты, несмотря на прямое воспрещение партии большевиков, вышли на улицу с лозунгами: «Долой 10 министров-капиталистов», «Вся власть Советам», «Прекратить наступление» и др.

Появились вооруженные грузовики. На улицах кое-где началась беспорядочная, спровоцирован-

ная реакцией, стрельба. Таврический дворец оказался окруженным демонстрантами.

Фактически Петроград находился в руках революционных солдат и рабочих, но ВЦИК отказался взять власть в свои руки и, таким образом, об'ективно признал контр-революционную диктатуру буржуазии, в руках которой министры-«социалисты» и сам ВЦИК являлись только марионетками, прикрытием открытого наступления буржуазии.

Временное правительство мобилизовало против демонстрантов артиллерию, юнкеров и казачьи части. 5 июля подверглись разгрому типография и редакция газеты «Правда». 7 июля оставшиеся в министерстве «социалисты» издают приказ о разоружении команд линейных кораблей в Кронштадте и привлечении их к суду, арестуется делегация Балтийского флота и, наконец, издается приказ об аресте Ленина, Зиновьева, Каменева, Луначарского и Троцкого. Ренегат Алексинский выступает с грязными инсинуациями о связи тт. Ленина и Зиновьева с германской контр-разведкой. Буржуазная пресса заливает потоком лжи и клеветы партию большевиков.

О петроградских событиях в Московском Совете стало известно только 4 июля. В тот же день был созван Пленум Советов, принявший по докладу Исува постановление о воспрещении каких бы то ни было демонстраций, которые, по мнению докладчика, будут лишь использованы организующейся контр-революцией.

С защитой права партий на демонстрации выступил т. Ногин, указавший на то, что демонстрация возмущенных масс является вполне естественным протестом против доверия Временному правительству, которое ему оказал Всероссийский С'езд Советов, добровольно отказавшийся от власти.

За резолюцию Исува, поддержанную эсерами, было подано 442 голоса и 242 против.

После голосования большевистская фракция покинула заседание, сделав следующее заявление:

«Фракция большевиков отмечает, что при всяком обострении политической жизни, она встречает со стороны большинства Совета Р. и С. Д. препятствие к тому, чтобы принять участие в текущей политической жизни. Мы выражаем протест, в знак которого покидаем собрание».

Вечером в тот же день Московский Комитет партии большевиков организовал демонстрацию для поддержки петроградского пролетариата. Времени на подготовку демонстрации было очень мало, и потому она оказалась немногочисленной. По дороге демонстранты подвергались оскорблениям, ругани, а кое-где и нападениям обнаглевшей и озлобленной буржуазии. Были попытки разгрома газеты «Социал-демократ» и Капцовского училища, где помещался Московский Комитет большевиков. Как ни малочисленна была демонстрация, но она имела большое политическое значение. Она показала, что пролетариат не запуган и что партия большевиков открыто выступает на борьбу с черной реакцией.

Московские газеты были переполнены гнусными инсинуациями Алексинского, воспринятыми буржуазной прессой с особенным удовольствием. Вдохновляемые газетной травлей, черносотенцы стали открыто вести погромную агитацию. Дело зашло так далеко, что даже Московский Совет в лице своего соглашательского большинства должен был опубликовать постановление против травли большевиков, указав, что «обвинение фракции большевиков в шпионстве является клеветой и происками контр-революции». Помимо этого, Совет постановил поднять в Известиях Совета кампанию, против травли и предложить социалисти-

ческим партиям поддержать эту кампанию в своих органах.

Положение большевистской фракции в Московском Совете становилось весьма тяжелым. Травля, несмотря на статьи в «Известиях» и декларативные заявления меньшевиков, не прекращалась, в повседневной советской работе большевики встречали недоверие и явное противодействие. В широких массах нарастало, с одной стороны, озлобление против предательской политики Советов, с другой—пассивное к ним отношение.

6 июля фракция Совета вносит в Московский Комитет партии предложение о временном выходе из Советов. Исполнительная Комиссия МК, обсудив заявление представителя фракции т. Смидовича, постановляет из Советов не выходить, продолжать там работу попрежнему, но выйти из рабочих комиссий.

Вопрос переносится в Пленум МК. Тов. Смидович предлагает временно воздержаться от посещения Совета, мотивируя это тем, что в виду травли работа там абсолютно невозможна; к тому же временный уход «будет носить характер демонстрации, потому что Совет почувствует сильное оскудение с уходом большевиков». Тов. Попов поддерживает предложение Смидовича; в прениях принимают участие почти все члены МК. Большинство высказывается против ухода из Советов, но склоняется к мысли о выходе из комиссий. Тов. Сокольников, ссылаясь на отсутствие фактических сведений о положении в Петрограде, высказывается за неизменение политики, т. Бубнов предлагает сохранить лозунг «Вся власть Советам», из Совета не уходить, но пред'явить ультимативную резолюцию. Резко высказывается против выхода не только из Совета, но и из комиссий т. Бухарин. «Нашим выходом из Советов,—го-

ворил т. Бухарин,—мы, во-первых, в корне подрываем авторитет Совета. Ведь, несмотря на его скверный состав, мы ведь противопоставляем власть Совета диктатуре Керенского и наш выход был бы противоречием нашему лозунгу: «Вся власть Советам»; во-вторых, наш выход означал бы растерянность, а мы должны, несмотря ни на что, держаться на постах и вести ту же политику перевыборов Совета, как и раньше...» Тов. Бухарин рекомендует лишь отказаться от участия в голосованиях при обсуждении вопроса о митингах и демонстрациях, чтобы не принимать на себя никаких обязательств. Московский Комитет постановил ни из Совета, ни из комиссий не выходить.

Не имея достаточной информации о положении дел в Петрограде, МК, естественно, не спешил со снятием лозунга: «Вся власть Советам»,—лозунг этот был изменен несколько позже,—но решительным запрещением выхода из Советов и комиссий МК предупредил опасный политический шаг, который пыталась совершить фракция.

10 июля в Исполнительном Комитете Московского Совета снова ставится на обсуждение вопрос о «кризисе власти», и меньшевистский лидер Исув громит большевиков за «заговорческий характер их тактики и анархические приемы борьбы». Он требует от большевиков отмежевания от «темных элементов, которые приспособляются к их лозунгам». Целый ряд ораторов меньшевиков и эсеров упрекает большевиков в гибели революции, в поражении на фронте, в прорыве «единого фронта демократии» и, указывая на то, что дальнейшая совместная работа невозможна, предлагает большевикам или подчиниться большинству, или уйти из Совета.

В своем ответе меньшевикам т. Смидович заявил, что «если революция гибнет, то потому толь-

ко, что пролетариат в своей борьбе оказался изолированным». Указывая на предпринятые против большевиков репрессии, Смидович упрекал советское большинство в том, что оно ведет недостаточно решительную борьбу с Временным правительством.

В результате прений Исполнительный Комитет принял длиннейшую резолюцию меньшевиков и эсеров, сущность которой сводилась к следующему:

Уход кадетов из правительства знаменует собой «откол части либеральной буржуазии от революции». Если вне революционной демократии не найдется других организованных сил, способных организовать сильное правительство, то «классы, организованные вокруг Советов, не могут останавливаться перед тем, чтобы взять власть в свои руки». Что касается событий 3—5 июля, то резолюция квалифицирует их как «авантюристскую попытку вооруженного выступления против Временного правительства и решений Всероссийского С'езда Советов, подготовленного анархо-большевистской агитацией».

При голосовании этой резолюции большевистской фракцией было сделано следующее заявление:

«Считая, что осуждение большевиков является... уступкой требованиям контр-революции, фракция большевиков категорически протестует и в знак протеста не принимает участия в голосовании».

11 июля этот же вопрос внесен был на обсуждение Пленума Совета. Докладчик от большинства Исполн. Комитета меньшевик Кибрик повторил все то, что говорил на Исполкоме Исув: о «преклонении перед стихией», о том, что «арестом двух-трех десятков капиталистов мы разрухи не устраним» и т. д. В заключение «оценки

момента» Кибрик призывал к соглашению с буржуазией, которая «еще способна поддержать революцию»; что же касается захвата власти, то на это можно итти лишь в том случае, если иного выхода не будет.

От фракции большевиков выступал тов. Смидович. Отметив, что меньшевики вынуждены, наконец, признать, что в основе июльских событий лежит не заговор, а более глубокие причины, Смидович пытался «толкнуть» меньшевиков влево, убедить их в необходимости немедленного перехода власти к Советам.

«Когда мы говорим о передаче власти в руки Советов, это не значит, что она переходит в руки пролетариата, ибо Советы состоят из рабочих, солдат и крестьян; это не значит, что мы переживаем сейчас социальную революцию, ибо настоящая революция есть не социальная и не буржуазная, а буржуазно-демократическая».

Но попытка т. Смидовича успокоить испуганное советское большинство не имела успеха, и предложенная им резолюция, составленная в весьма осторожных выражениях, была отклонена, и Пленум, большинством 380 против 195, принял резолюцию меньшевиков и эсеров.

Между тем «кризис власти» затягивался. Советы брать эту власть боялись, контр-революция не была еще как следует сорганизована. Керенский от имени всех министров, «вручивших ему свои портфели», продолжал упрашивать ушедших из министерства кадетов. Чувствуя силу, кадеты ответили кратко, но вполне определенно: 1) невмешательство Советов и других организаций в дела управления, 2) полное единение с союзниками, 3) вопрос о форме государственного строя—дело Учредительного Собрания, 4) решительная борьба с анархией и антигосударственными элементами.

Уже самый факт возможности пред'явления таких условий говорит о том, что контр-революция подняла голову.

Потерпев поражение справа, Керенский усиливает репрессии слева. Вводятся так называемые «внесудебные аресты». Церетелли, в качестве министра внутренних дел, посылает карательные экспедиции против крестьян, начавших запахивать помещичьи земли; тот же Церетелли предлагает Советам на местах всемерно поддерживать правительственных комиссаров, которые являются «полномочными представителями правительства» (для Москвы это означало поддерживать контр-революционера Кишкина, одного из авторов пред'явленных Керенскому «условий»).

В то же время на фронте солдатские митинги рассеиваются оружием. В Петроград прибывает с фронта сводный отряд с требованием немедленного разоружения рабочих. На частном совещании Государственной Думы Родичев, Милюков и Пуришкевич требуют «сильной власти».

Ленин, Зиновьев, Каменев привлекаются по 251 и 100 ст. Угол. Уложения. Корнилов назначается верховным главнокомандующим и прежде всего требует восстановления смертной казни на фронте и в тылу —«в местах войсковых пополнений».

Только 24 июля, после 3-недельной министерской чехарды, составляется, наконец, кабинет с преобладанием правых кадетов, эсеров и меньшевиков.

В первом же обращении к населению новое правительство заявляет твердую решимость стремиться к «достойному завершению борьбы с внешним врагом».

Репрессии продолжаются. Арестовываются Троцкий, Луначарский, Крыленко.

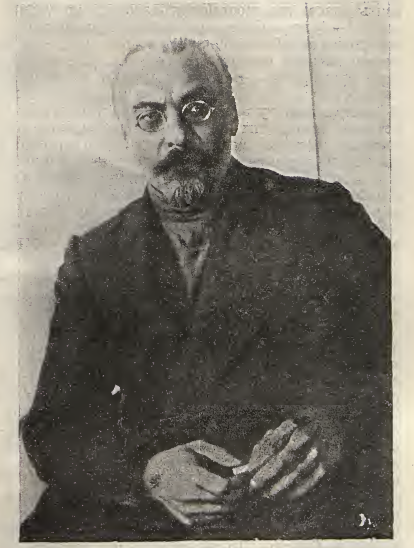
Между тем, контр-революция продолжает мобилизовать свои силы. На Дону происходит конспиративное совещание при участии генералов Каледина, Богаевского и ряда «общественных» деятелей. На фронте восстанавливается смертная казнь.

Таким образом, Временное правительство и ВЦИК Советов, борясь против «анархии», преследуя большевиков, вводя смертную казнь в тылу и на фронте, лишь помогали организации сил контр-революции. Более того, Керенский и его министры - «социалисты» пытались при помощи «живых сил страны», то-есть при помощи контрреволюционных генералов, уничтожить партию пролетариата. Однако, генералы шли много дальше: «болтунишка» Керенский, его министры - «социалисты» и советские «либерданы», по мнению генералов, должны быть свергнуты в первую очередь, как неспособные расправиться с большевиками.

Во второй половине июля Ленин прислал из «подполья» свою замечательную статью «К лозунгам», изданную в виде отдельной брошюры Кронштадтским Комитетом партии. Эта статья, насколько нам известно, впервые ставит вопрос о необходимости отказа от старых лозунгов периода «мирного развития революции».

Ленин писал:

«...Лозунг «переход всей власти к Советам»... был лозунгом «мирного развития революции», которое было с 27 февраля по 4 июля возможно и, конечно, наиболее желательно и которое теперь безусловно невозможно... Перелом 4 июля именно в том и состоит, что после него об'ективное положение круто изменилось. Колеблющееся состояние власти прекратилось, власть перешла в решающем месте в руки контр-революции... Лозунг перехода власти к Советам звучал бы теперь как донкихотство или как насмешка. Этот лозунг, об'ективно,

П. Г. Смидович.

был бы обманом народа, внушением ему иллюзий, будто Советам и теперь достаточно пожелать взять власть или постановить это для получения власти,—будто в Совете находятся еще партии, не запятнавшие себя пособничеством палачам,—будто можно бывшее сделать небывшим... Данные Советы провалились, потерпели полный крах из-за господства в них партий эсеров и меньшевиков. В данную минуту эти Советы похожи на баранов, которые приведены на бойню, поставлены под топор и жалобно мычат. Советы теперь бессильны и беспомощны против победившей и побеждающей контр-революции. Лозунг—передача власти Советам—может быть понят, как «простой» призыв к переходу власти именно к данным Советам, а говорить это, призывать к этому значило бы теперь обманывать народ...» (Н. Ленин. Соч., т. XIV, ч. II, стр. 14).

В двадцатых числах июля (24?) московская областная конференция по докладу тов. Сокольникова приняла следующую резолюцию:

«...Партия должна взять на себя роль передового бойца с контр-революцией, давать энергичный отпор каждому покушению на завоевание свободы..., отстаивать все созданные в мирный период революции массовые организации (Советы Р., С. и К. Деп., фабрично-заводские комитеты, солдатские и крестьянские комитеты), добиваясь превращения их при наличности массового под'ема в революционные центры, сосредоточивающие всю власть в руках рабочих, солдат и крестьян».

Однако, выраженная в этой резолюции мысль воспринималась широкими кругами партии и в особенности членами фракции Советов, как «ликвидация» Советов. Такие упреки раздавались на происходившем в то время партийном с'езде не только против т. Сокольникова, но и против т. Сталина в прениях по докладу о текущем моменте.

Настроение этой части с'езда выразил в своем выступлении т. Ногин, заявив, что лозунг «Вся власть Советам» не может быть ликвидирован. «Активную поддержку при неизбежном обострении отношений с Временным правительством мы,— говорил т. Ногин,—найдем только в «гнилых» Советах». «...Отношение наше к Советам не может быть пренебрежительным, и поддержка их необходима...»

В результате весьма продолжительных прений с'езд, для окончательной редакции внесенной т. Сталиным резолюции, выделил редакционную комиссию, составленную из представителей всех наметившихся течений, и затем резолюция с небольшими редакционными поправками была принята единогласно. Приводим §§ 7 и 8 этой резолюции.

«... Лозунг передачи власти Советам, выдвинутый первым под'емом революции, который пропагандировала наша партия, был лозунгом мирного развития революции, безболезненного перехода власти от буржуазии к рабочим и крестьянам, постепенного изживания мелкой буржуазией ее иллюзий. В настоящее время мирное развитие революции и безболезненный переход власти к Советам стали невозможны, ибо власть уже перешла на деле в руки контр-революционной буржуазии. Правильным лозунгом в настоящее время может быть лишь полная ликвидация диктатуры контр-революционной буржуазии» (§ 7).

«...Партия должна взять на себя роль передового борца против контр-революции, энергично отстаивать все завоевания свободы, явочным порядком утвержденные права; отстаивать против контр-революционных покушений все массовые организации (Советы, фабрично-заводские комитеты, солдатские и крестьянские комитеты) и в первую голову Советы Рабочих, Солд. и Крестьянских Депутатов; всеми силами сохранять и

укреплять позиции, завоеванные в этих органах интернационалистским крылом; энергично бороться за влияние в них, сплачивая вокруг себя все элементы, переходящие на точку зрения последовательной борьбы с контр-революцией» (§ 8).

25 июля Московский Совет Р. и С. Депутатов снова обсуждает вопрос об отношении к коалиционному правительству. Докладчик от меньшевиков Кипен одной из существенных причин кризиса революции считает «ошибочность» тактики революционной демократии. «Мы шли,—говорит Кипен,—за стихией и рисовали дело так, как будто борьба за мир может быть легкой... Мы полагали, что нужно бороться с капитализмом, а оказывается, нужно развивать его. Мы пришли к падению производительности хозяйства и труда. Мы плодили иллюзии и мало делали... Нам не доверяет буржуазия, не доверяют и широкие массы... Признав свои ошибки, революционная демократия пойдет по иному пути... Только общенациональные усилия спасут революцию... Взять всю власть было бы ошибкой. Новая власть должна быть коалиционной. Это не есть уступка в области программы, так как правительство взялось выполнить нашу программу».

Этой покаянной речи вторил и эсер Гавронский, упрашивавший большевиков оставить пагубную тактику и об'единиться со всей демократией.

От фракции большевиков выступил т. Рыков. Высказываясь против какой бы то ни было поддержки коалиционного правительства, т. Рыков указал, что одной из характерных черт обстановки, при которой происходит кризис, является «организованное молчание народа».

«Это молчание органов революционной демократии привело к падению престижа партий. В этом одна из причин усиления контр-революции. Боль-

шинство революционной демократии разошлось с частью пролетариата. Настоящее Временное правительство прошло через разоружение рабочих, Петроград прошел через военную диктатуру казаков, юнкеров. Это—уступка империалистской буржуазии. За этой уступкой пойдут другие. В армии введены военно-полевые суды, расстреливающие солдат. Об'явлена война всему левому крылу социал-демократии. Новое правительство, организованное на тех же началах, что и прежде, бессильно будет осуществить задачи, поставленные революцией. Движущие силы революции приведут к переходу власти в руки Советов Раб., Солд. и Кр. Депутатов».

В заключительной части предложенной от фракции большевиков резолюции говорилось: «...Единственным выходом из пережитого кризиса,—выходом, который бы обеспечил интересы революции, является образование однородного правительства, выдвинутого Советами и ответственного перед ними».

На голосование были поставлены две резолюции: одна от фракции большевиков, другая—от меньшевиков и эсеров. Большинством 363 против 192, при 25 воздержавшихся, принята резолюция меньшевиков и эсеров о доверии Временному правительству.

В то время как советское большинство выражало доверие Временному правительству и оправдывало репрессии против партии пролетариата, широкие рабочие массы все более и более отходили от соглашателей и определенно переходили на точку зрения большевиков.

Одновременно с Пленумом Советов в Москве происходила окружная конференция фабзавкомов. Конференция приняла резолюцию о стачечном движении, о борьбе с локаутами и безработицей, в которых указывается, что, несмотря на

крайнюю необходимость усилить производство, рабочий класс не может отказаться от стачек в защиту своих экономических и классовых интересов, что локауты предпринимателей имеют целью не только экономическую, но и политическую борьбу с рабочим классом в целях обессиления его, как главной опоры революции, поэтому необходимо скорейшее введение общественного контроля над производством, взятие предприятий от хозяев-локаутчиков в ведение казны...». Эта же конференция высказалась за однородное правительство, выдвинутое Советами и перед ними ответственное.

IV

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОВЕЩАНИЕ

31 июля было опубликовано постановление Временного правительства о назначении в Москве Государственного Совещания и в тот же день—знаменательное совпадение—было об'явлено о восстановлении смертной казни во флоте и для военнослужащих в тылу.

С одной стороны, Временное правительство пытается опереться на все «живые силы страны»,—с другой, рабски выполняет требования генерала Корнилова о введении смертной казни. Министры-«социалисты» перерастают «узкие» рамки классовой борьбы и позёр-Керенский пытается говорить языком национального «героя».

Преобладающий состав Государственного Совещания не оставлял никаких сомнений в том, что дело идет о смотре и демонстрации сил контрреволюции. Были приглашены все члены всех четырех Госуд. Дум, торгово-промышленные деятели, кадетская партия, городские думы, черносотенные генералы, духовенство и, наконец, «ре-

волюционная демократия», в лице «соглашателей» всех оттенков. Профсоюзы и представители революционных рабочих представлены были в очень незначительном количестве.

8 августа ЦК РСДРП (большевиков) принимает резолюцию о необходимости разоблачать Московское Совещание как орган заговора контрреволюционной буржуазии, разоблачать контрреволюционную политику эсеров и меньшевиков, поддерживающих это Совещание, и организовать против него массовые протесты.

В тот же день (8 августа) вопрос об отношении к Московскому Совещанию по докладу Ногина обсуждается в МК партии большевиков. Собрание было многолюдное. Присутствовали не только представители районов, но и представители ячеек с предприятий.

Указывая на то, что партийный с'езд высказался в данное время против открытых столкновений с контр-революцией, т. Ногин предлагает организовать митинги протеста и решить вопрос «будем ли мы считаться с Советом».

До принятия того или иного решения, заслушиваются доклады с мест. Выясняется, что на всех главнейших предприятиях, в том числе и на городских, революционное настроение крепнет, масса определенно переходит на сторону большевиков и что политическая забастовка - протест обеспечена; что же касается демонстрации, то она вряд ли будет осуществлена.

Часть товарищей, видных членов МК, высказалась только за митинги протеста, опасаясь всяких столкновений с контр-революцией. Тов. Ногин полагает, что Московский Совет будет призывать к протесту. Некоторые товарищи указывали, что если Совет будет против забастовки, то она не удастся. Против обязательного координирования своих действий с Советом решительно возражал

т. Пятницкий. «Бывают моменты,—сказал он,— когда мы не должны считаться с Советом. Удастся или не удастся протест, но протестовать необходимо, чтобы нас снова не разогнали по тюрьмам и ссылкам. Мы должны сегодня же высказаться за забастовку и так же определенно высказаться в Совете. Формы протеста решит общегородская конференция, а пока по заводам и фабрикам надо вести агитацию».

В конечном счете МК принимает следующую резолюцию:

«Межрайонное совещание признает необходимым в виде протеста против Московского Совещания призвать московский пролетариат к однодневной забастовке и в день Совещания устроить в Москве ряд митингов протеста. В целях успешного проведения забастовки, поручить представителям партии в предстоящем заседании Исполнительного Комитета Советов с представителями районных Советов и профсоюзов настаивать на необходимости призвать от их имени к устройству однодневной забастовки трамвая, освещения, наборщиков буржуазных газет, служащих в первоклассных ресторанах, водопровод же и предприятия, снабжающие население продовольствием, не должны прекращать своей работы. В случае, если правления профсоюзов не присоединятся к забастовке, собрание признает организацию таковой трудно выполнимой. В последнем случае собрание считает необхсдимым в день созыва Московского Совещания устроить ряд митингов протеста».

10 августа вопрос об отношении к Совещанию ставится на обсуждение соединенного заседания Исполнительного Комитета Московского Совета Р. и С. Деп. с представителями районных Советов.

Тов. Усиевич требует, в виду важности вопроса, предоставления районам решающего голоса. Предложение это было отклонено, точно так же

было отклонено и предложение т. Смидовича о двойном подсчете голосов.

С внеочередным заявлением выступает от имени 41 профессионального союза т. Познанский и заявляет, что профсоюзами вопрос уже предрешен. В виду того, что Московское Совещание есть, в сущности, одно из проявлений поднявшей голову контр-революции, профсоюзы решили выразить свой протест против него однодневной забастовкой и демонстрацией. Тов. Познанский, выражая уверенность в том, что и С. Р. и С. Д. поддержит рабочие массы, информирует собрание о том, что металлисты и текстильщики разослали уже соответствующие телеграммы по области.

Что касается самого вопроса о присутствии на Совещании, то в оглашенной от имени профсоюзов резолюции говорилось, что они считают необходимым войти в Московское Совещание с тем, «чтобы организовать в нем все революционные элементы вокруг требований последовательной революционной демократии, огласить там декларацию, в которой беспощадно разоблачить контр-революционную сущность самого Совещания и политики господствующих классов, и затем демонстративно удалиться». Профсоюзы в данном случае целиком присоединились к тактике ЦК и МК партии большевиков.

Выступивший с протестом против резолюции профсоюзов министр А. Никитин указывал на то, что идея Совещания зародилась у министров-социалистов, кадеты же были против Совещания. Затем, как обычно, от партии меньшевиков выступил Исув, предлагая «смело итти на Совещание, нарисовать там программу наших действий и дать решительный бой контр-революции, заставив ее раскрыть свои карты...»

Исув приводит ряд доказательств усиливающегося разрыва между солдатами и крестьянами,

с одной стороны, и рабочими—с другой. «Надо ли нам изолировать себя,—восклицает Исув,—от всей России? Неужели мы еще более должны расширить пропасть между рабочим классом и всей остальной Россией? Довольно споров, слов, бесплодных резолюций, когда все кругом рушится и гибнет!»

Меньшевикам от фракции большевиков отвечал Смидович: «...Отказавшись взять власть в свои руки,—говорил он,—Советы откололи себя от масс. Силы революции ослабли, а силы контрреволюции окрепли... Рабочий класс это понял и начал сплачиваться на почве классовой борьбы. Это показывает резолюция профсоюзов... Политика соглашательства с буржуазией затуманивала классовую борьбу. Теперь эта грань пройдена... Не в соглашательстве теперь самый смысл событий, скоро мы будем говорить только о классовой борьбе... Соглашательство обесценивает движение рабочего класса и вносит замешательство в ряды солдат и крестьян... Встанут ли Советы во главе движения? Если нет, то Советы умрут самой позорной смертью...»

От фракции об'единенцев выступал т. Яхонтов; его аргументация за необходимость принять активное участие в Совещании отличалась от меньшевиков тем, что он предлагал «разоблачать классовый характер программы цензовых элементов и противопоставить этой программе программу демократии, формулированную Советами».

Тов. Усиевич от имени городского района оглашает резолюцию, в которой предлагается «заклеймить во внеочередном заявлении на Совещании поведение Временного правительства, взявшего на себя постыдную роль созыва этого Совещания, организующего контр-революционные силы для решительного натиска на революцию... и покинуть демонстративно Совещание...» Затем об'явить

12 августа общую демонстративную забастовку протеста.

К этой резолюции, а также к резолюции Центрального Бюро Профсоюзов присоединяются следующие районы: Симоновский, Даниловский, Басманный, Замоскворецкий, Железнодорожный, Лефортово-Благушинский, Бутырский. Против этой точки зрения и за то или иное участие в Совещании высказываются: Областное Бюро Советов, Сокольнический, Хамовнический, Пресненский и Рогожский районы. Прения приняли бурный и затяжной характер. Внесен был целый ряд резолюций. Выступали лидеры всех фракций. В конечном счете Исполком принял резолюцию меньшевиков, представляющую собой бесконечное повторение общих мест о «единой демократии», о «сплочении вокруг Советов», о необходимости принять участие в Совещании и о воспрещении каких бы то ни было против него выступлений, не санкционированных Советом.

Эта резолюция была принята большинством 46 против 18, при 7 воздержавшихся.

11 августа вопрос обсуждается в Пленуме Советов с представителями районов. Из их докладов выяснилось, что всюду на местах Московское Совещание рассматривается как контр-революционное, как стремление использовать Совещание для нанесения удара революционной демократии. В силу этого, значительная часть районов вынесла уже определенное мнение о непринятии участия в Совещании и настаивает на забастовке-протесте, другие же ждут решения Советов. Было оглашено также мнение полковых комитетов шести полков и артиллерийской бригады на Ходынке, поддерживающих точку зрения Исполнительного Комитета Советов. Затем доводится до сведения Совета решение Центрального Бюро Профсоюзов о необходимости об'явить в день Совещания забастовку-протест. После бурных прений Пленум

большинством 364 голосов против 304 (большевиков и об'единенцев) принимает резолюцию меньшевиков и эсеров об участии в Совещании.

Таким образом, несмотря на явно выраженное настроение масс, несмотря на решение профсоюзов, безвольный, покорный приказу ВЦИК и министров-«социалистов» Пленум принимает решение, убийственное для его дальнейшей судьбы.

Подавляющее большинство рабочей секции Советов голосовало за резолюцию большевиков.

12 августа «Известия Московского Совета» писали о недопустимости забастовки, о «большой политической ошибке», которую совершают профсоюзы, об «изолированности» пролетариата от крестьянства и, ссылаясь на то место резолюции профсоюзов, где говорится о том, что «санкцию стачки должны взять на себя политические партии и Совет»,—высказывали уверенность, что з а б а с т о в к и н е б у д е т, так как только одна партия большевиков поддерживает мысль о забастовке.

В тот же день от имени Московского Совета Раб. и Солд. Депутатов было распубликовано воззвание о недопустимости забастовки и о том, что Советы выставят в Государственном Совещании все требования рабочего класса. Однако, это воззвание не имело успеха. Однодневная забастовка-протест была проведена с большим успехом. Бастовали: трамвай, газовый завод, прислуга, фабрики, электрическая станция и целый ряд других предприятий. Рабочие массы пошли не за Советом, а за Моск. К-том партии большевиков.

«Живые силы страны» встречены были московским пролетариатом так, как они того заслуживали, и представители «революционной демократии», выступая на Московском Совещании, должны были, как говорится, «делать хорошую мину в плохой игре».

V

КОРНИЛОВ И КОНТР-РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ЗАГОВОР В МОСКВЕ

Большевики оказались правы. Московское Государственное Совещание контр-революция предполагала использовать для организации сил и, в случае надобности, открытого выступления.

14 августа т. Хинчук на заседании Испол. Комитета Совета Раб. Деп. сообщил о полученной им по этому поводу информации из Штаба Округа. Самый уже в'езд генерала Корнилова в Москву был обставлен довольно-таки торжественно. На вокзал прибыли георгиевские кавалеры, юнкера и «батальон смерти». Предполагалось из всех этих воинских частей выстроить цепь от вокзала до Иверских ворот. По пути следования Корнилова под ноги ему бросались цветы. Одной офицерской организацией с фронта был вызван казачий полк, о чем не знали ни Советы, ни Штаб. Благодаря настоянию Штаба, Корнилов издал приказ о задержке казачьего полка, прибывшего уже на ст. Вязьма.

В эти тревожные дни между Штабом Округа и Моск. Советом был установлен полный контакт. В Московском Совете был организован свой штаб из 6 человек, по 2 от каждой фракции (Ногин и Муралов от большевиков, Хинчук и Матвеев от меньшевиков, Гавронский и Шубников от эсеров, кроме того, от ЦИК—Чхеидзе и Денс). Были приняты меры на случай открытого выступления Корнилова и возможности ареста Временного правительства.

Из разговора командующего МВО Верховского с Корниловым выяснилось, что последний не думает распускать армейские комитеты, но думает, что их нужно ограничить чисто хозяй-

ственными функциями. Верховский вынес такое впечатление, что не Корнилов собирается об'явить себя диктатором, а его выдвигают на эту роль.

По докладу т. Хинчука постановлено установить охрану Советов, «Дрездена», Городской Думы, Капцовского училища и др. учреждений, где помещаются партийные или советские организации. Решено ввести дневное и ночное дежурства членов Испол. Комитета в количестве 6 человек, по 2 чел. от каждой фракции.

Таким образом, при первой же попытке открытого выступления контр-революции, Советское большинство обращается к партии пролетариата, против которой еще не прекратились репрессии. Советское большинство прекрасно понимало, что партия большевиков имеет за собой огромные рабочие массы и что только эти массы и могут предотвратить выступление контр-революции. А между тем большевики попрежнему не имели права доступа в казармы с изложением своих взглядов перед солдатской массой.

«...В начале революции,—говорил тов. Муралов 19 августа в соединенном заседании Исп. Комитетов Р. и С. Д.,—никому бы в голову не пришло, что для одной из социалистических фракций будет ограничена свобода слова и печати... В казармах растет недовольство этим запрещением. Авторитет большевиков среди солдат не только не упал, но значительно поднялся. Этим запрещением Советы подрывают тот сук, на котором сидят».

Меньшевик Маневич раз'ясняет Муралову и другим членам фракции, что 5 месяцев тому назад «мы не думали, что большевики поведут агитацию против Советов. Теперь же мы вынуждены были отобрать от них мандаты. Пропуск и сейчас дается всем, кто стоит на платформе Советов».

Эсер Шубников раз'ясняет, что когда открылся корниловский заговор и была организована ко-

миссия из шести членов Исполкома—представителей всех фракций — большевикам предоставлено было право выступления в казармах в течение трех дней; теперь же вопрос может решаться не здесь, а в партийных организациях.

Вопрос вызвал весьма страстные прения, в результате коих была принята предложенная т. Аванесовым следующая резолюция:

«Принимая во внимание, что Советы Р. и С. Деп. выступили на защиту всех гражданских свобод, Исп. Комитет Р. и С. Деп. категорически высказывается за отмену ограничений свободы агитации и пропаганды среди солдат, выразившихся в фактическом отказе большевикам в праве посещения казарм».

Предложенное меньшевиками дополнение о недопущении в казармы лиц, не подчиняющихся постановлениям Советов, большинством 22 против 18, при 2 воздержавшихся, отклоняется.

Результаты голосования были столь неожиданны для меньшевиков и эсеров, что член Исполкома солд. секции эсер Шубников потребовал перенесения вопроса в Пленум Советов.

Так, шаг за шагом большевистская фракция завоевывала большинство в Советах.

22 августа Московская Городская Управа опубликовала постановление о выборах в Районные Думы; одновременно Московский Совет обратился с воззванием к рабочим, служащим, «ко всему неимущему и малоимущему населению» с призывом принять активное участие в выборах.

В этот же день МК обсуждает доклад т. Владимирского о муниципальной кампании и постановляет ни в какие соглашения ни с об'единенцами ни с оборонцами вообще не вступать.

В связи с выборами, в Исполнительном Комитете по докладу Гальперина был поднят вопрос об отмене постановления Совета о воспрещении откры-

тых митингов. Докладчик указывал, что открытые митинги необходимы для неорганизованной части населения, и если мы запрещения не снимем, — митинги все равно будут возникать. Как известно, запрещение открытых митингов было проведено Советом в июльские дни против большевиков, в данное же время советское большинство не торопилось с отменой этого постановления.

Лидер меньшевистской фракции Кибрик заявляет: «Создавшееся положение долго продолжаться не может. Скоро что-то должно произойти, что нас сдвинет, либо мы сдвинем и в зависимости от этого будет решен вопрос об открытых митингах...»

Предчувствие не обмануло Кибрика. В ближайшие же дни Корнилов начал открытый мятеж против революции, — это событие лишь на время об'единило советские фракции, но так и «не сдвинуло» меньшевиков и эсеров влево,— они попрежнему связывали судьбы революции с коалицией и соглашением с буржуазией.

Политическое положение в Москве и настроение неорганизованных масс было далеко не благополучно. Авторитет Советов упал. Погромная агитация усиливалась, продовольственное положение было весьма тяжелое. В некоторых районах были уже случаи разгрома лавок с продовольствием, и на этой почве велась антисемитская агитация.

«Можно с несомненностью сказать, — заявил один из членов Исполкома,—что отмена запрещения митингов приведет «к всеобщему, явному и равному погрому».

Продовольственный кризис и острый недостаток предметов широкого потребления сопровождался еще все возраставшей безработицей. Фабриканты систематически проводили явные и скрытые локауты, в особенности тяжело было положение рабочих-текстильщиков, которым фабриканты, в

связи с закрытием фабрик, отказывались уплачивать $^1/_3$ заработка. Все это сгущало атмосферу и создавало в отсталых массах озлобление и против революции и против Советов.

Из доклада представителя Штаба Округа на Исполкоме Советов выяснилось, что настроение московского гарнизона далеко не благополучно и можно ожидать стихийных беспорядков. Произошли беспорядки в Коломне. В Серпухове солдаты совместно с обывателями разгромили винные склады и перепились. Пришлось послать для их усмирения вооруженный отряд с пулеметами. В Москве на Ходынке ведется определенная агитация против евреев и твердых цен на хлеб. Солдат подстрекают к требованию поездок в деревню, якобы за хлебом для армии.

В различных районах Москвы на почве продовольственного кризиса стали стихийно возникать беспорядки. На Солянке, у Софийского подворья большая толпа, явно черносотенного характера, произвела разгром ряда квартир, в коих обнаружены большие запасы различных товаров. Наряд милиции, посланный для прекращения беспорядков, подвергся нападению, причем был ранен пом. нач. милиции Коварский. В свалке раздались выстрелы, были убитые и раненые. Движение носило явно антисемитский характер. Всех проезжающих евреев стаскивали с извозчиков и некоторых избивали.

На Хитров рынок неизвестными лицами направлялось большое количество спирта и велась открытая антисемитская агитация.

Толпа на Солянке и Хитровом рынке требовала от явившихся туда членов Исполкома Советов принятия решительных мер против спекуляции, угрожая в противном случае погромами.

24 августа на об'единенном заседании Исполнительных Комитетов Советов т. Шефлер заявил: «Положение с продовольствием в Москве ката-

строфическое. Запасы имеются на 2 дня. Приходит ежедневно не более 20—25 вагонов муки. Для удовлетворения населения по ½ фунта хлеба требуется 26 вагонов в день. Перед нами перспектива голода, тогда как хлеба в России достаточно».

Министерство продовольствия не только ничего не предпринимает, но и срывает всю работу Продовольственного Комитета.

В области хлопчатобумажных тканей дело обстоит не лучше. Из 40 милл. аршин, предназначенных для хлебородных губерний, отправлено на места 6 с половиной миллионов, в виду якобы невозможности погрузить, тогда как частные торговцы за 3 дня вывезли около 100 вагонов.

По докладу Шефлера Исполнительный Комитет постановил:

1) Командировать в Петроград в Министерство Продовольствия представителей Совета для ультимативного требования немедленной реорганизации отдела предметов первой необходимости при Министерстве Продовольствия. 2) Предоставить право Продовольственным Комитетам на реквизицию и распределение предметов первой необходимости. 3) Настаивать на частичной демобилизации армии и приспособлении промышленности для нужд деревни. 4) Принять меры по прекращению агитации против хлебной монополии и начать борьбу со спекулятивными закупками выше твердых цен.

Помимо перечисленных и ряда других требований, обращенных к Временному правительству, Исполком постановил предложить Московскому Городскому Самоуправлению, совместно с Продовольственным Комитетом и Советом Р. и С. Д., произвести обследование всех складов продовольствия и предметов широкого потребления и о результате обследования оповестить население.

Все эти постановления как общего, так и местного значения, само собой разумеется, не имели

практического значения. Временное правительство, связанное известными обязательствами с буржуазией, не могло вступить на путь непосредственных революционных действий; что же касается мер местного значения, как, напр., учет всех продовольственных запасов, то Городская Управа и Продовольственный Комитет учетам продуктов и обыскам придавали более демонстративный характер, с целью успокоения населения.

В такой напряженной политической атмосфере Московский Совет получил первые известия о контр-революционном выступлении Корнилова.

Известия эти, сообщенные Хинчуком и Исувом в заседании Исполкома 28 августа, сводились к тому, что генерал Корнилов поднял мятеж против Временного правительства, двинул части войск на Петроград и предложил Керенскому передать ему, Корнилову, всю полноту власти. Повидимому, ни Хинчук, ни Исув в те дни еще не знали, что между Корниловым и Керенским намечалось известное соглашение, направленное против «анархии», против ненужного «привеска» к власти в виде Советов.

Входившие в правительство Керенского кадеты ждали Корнилова как спасителя отечества. 26 августа Керенский принял Львова (синодского), который от имени генерала Корнилова заявил Керенскому, что никакой помощи правительству в борьбе с большевиками оказано не будет, что дальнейшее пребывание правительства у власти недопустимо, ибо оно лишь способствует усилению большевиков. Что касается Керенского и Савинкова, то они могли бы быть включены в состав нового правительства, если бы явились в Ставку.

Известие о мятеже Корнилова вызвало революционный под'ем как в Совете, так и в рабочих массах. Немедленно была создана так называемая

«шестерка быстрого действия» из представителей Советов, Областного Бюро и Штаба. При «шестерке» для связи с другими организациями был создан Совет из представителей партий, совета городов, профсоюзов, кооперативов и торгово-промышленных служащих.

При первом же известии о восстании, Штабом Московского Военного Округа было послано три отряда войск в Ставку для ареста Корнилова и разоружения преданных ему воинских частей. Таким образом, эти отряды были авангардом войск, идущих на корниловцев.

Благодаря отправке московских войск и приближению к Ставке Оршанского отряда полковника Короткого, Корнилов сдался Временному правительству без всяких условий.

Президиум Московского Совета, по соглашению со Штабом, послал в Ставку своих представителей во главе с членом Президиума Совета Солдатских Депутатов Шубниковым для принятия мер к ликвидации заговора и выяснению всех его участников.

8 сентября Шубников в заседании Исполкома Советов Р. и С. Деп. выступил с обширным докладом о ликвидации заговора Корнилова и о работе следственной комиссии. Шубников указал, что он вынужден был покинуть Ставку в виду явного противодействия, которое ему оказывал штаб Главнокомандующего и следственные власти. И генерал Алексеев и следственная комиссия демонстративно не обращали внимания на все те данные и материалы, которые сообщал Шубников в интересах выяснения заговора в целом. Следствие велось формально. Фактические вдохновители восстания оставались в тени. Главная фигура прячется за Корнилова. Из Могилева выводятся не корниловские войска, а верные правительству.

Исполком по докладу Шубникова постановил настаивать на немедленном включении представи-

телей Совета и социалистических партий в следственную комиссию.

29 августа за подписями Московского Совета, М. К-та РСДРП (б.), Комитета Московской организации РСДРП (меньшевиков), Моск. К-та партии соц.-революционеров и Московской Об'единенной Организации РСДРП было издано воззвание к населению Москвы с раз'яснением текущих событий и с призывом к организованности и дисциплине.

Таким образом, в Москве был заключен временный союз большевиков с меньшевиками и эсерами, в целях борьбы с контр-революцией. Фракция большевиков, посылая своих представителей в «шестерку» и «Совет», оговаривалась, что она ставит себе только одну задачу—борьбу с контр-революцией.

29 августа в заседании Исполнительного Комитета Р. и С. Д. т. Ногин заявил:

«Мы пришли к выводу о необходимости полного единства действий со всей демократией, но травля большевиков не прекращается; необходимо, чтобы Совет заявил ясно и громко, чтобы репрессии прекратились».

Испол. К-т, а затем и Пленум принял по этому поводу следующее постановление:

«Обсуждая применение репрессий к целому течению внутри революционной демократии, Соединенное Заседание Советов Р. и С. Д. и Испол. К-т Крест. Деп. высказываются за прекращение этих репрессий, особенно вредных в настоящий момент, когда необходимо об'единение всей революционной демократии для борьбы с контр-революционным заговором и изменой».

Только грозная опасность победы контр-революции заставила меньшевиков и эсеров отказаться от репрессий против партии пролетариата.

Выступление Корнилова целиком подтвердило правильность тактики большевиков, которую они

проводили в массах. Предупреждение, что соглашательская политика партий меньшевиков и эсеров неизбежно приведет к усилению контр-революции, теперь блестяще подтвердилось. Выступление контр-революции неизбежно привело к постановке вопроса о вооружении рабочих.

31 августа в заседании Исп. К-тов С. Р. и С. Д. явились представители заводских комитетов с только что закончившегося Совещания и потребовали немедленного рассмотрения их требований, изложенных в принятой на Совещании резолюции. Требования эти сводились: 1) к вооружению рабочих, 2) аресту и преданию суду генералов-контрреволюционеров и 3) к закрытию буржуазной прессы.

Все выступавшие в Исполкоме представители заводских комитетов указывали на особенную необходимость вооружения рабочих. «Мы,—говорили делегаты,—неоднократно обращались к Совету с просьбой дать оружие рабочим и всегда слышали отрицательный ответ—нет оружия. Если у Совета нет оружия, дайте нам разрешение, и мы сами его найдем. Иначе рабочие будут вынуждены действовать помимо Советов». Ряд ораторов указывал на необходимость разоружения милиции, которая не надежна.

Меньшевики и эсеры пытались возражать, что «вооружением рабочих мы ослабим вооружение солдат», которые из-за недостатка оружия вооружены весьма плохо. «Создавать же армию параллельно регулярной армии мы не хотим».

В результате прений было решено для разработки вопроса о создании рабочих вооруженных дружин, а также реорганизации милиции,—создать комиссию из представителей С. Р. и С. Д. и по одному представителю от Районных Исп. Комитетов Советов, обеспечив в комиссии представительство всех фракций.

Контр-революционное выступление Корнилова, поддержанное кадетами и всеми «живыми силами страны», было ликвидировано революционными частями петроградского и московского гарнизонов при участии революционных рабочих.

И сейчас же, едва лишь миновала опасность, Керенский снова ведет торговлю с промышленниками и кадетами, т.-е. с явными пособниками контр-революции, и в то время как революционные рабочие Москвы и Петрограда требуют решительных мер против контр-революционеров, Керенский, сам запутанный в заговоре, торопится амнистировать изменников и окружает себя такими скрытыми корниловцами, как, напр., генерал Алексеев.

В то время как в кабинетах и кулуарах ВЦИКа и Зимнем Дворце, за спиной революционного народа, готовилось новое предательство революции, — рабочие массы все более левеют и порывают с соглашательскими партиями в Советах.

31 августа Петроградский Совет впервые принимает резолюцию большевиков по текущему моменту, признающую единственным выходом из положения в создании власти из представителей пролетариата и революционного крестьянства.

1 сентября Моск. Комитет партии большевиков заслушивает доклад т. Ногина о текущих событиях и ликвидации корниловского заговора.

«Наша политика,—говорит т. Бухарин в прениях по докладу,—должна сейчас заключаться в борьбе с Временным правительством; нашим очередным лозунгом должен быть лозунг: «Долой соглашательство с буржуазией». Необходимо развить широкую политическую кампанию в виде демонстраций, митингов и т. д.».

Поддерживая мысль об организации демонстраций, т. Смидович высказывается за лозунг: «Вся власть Советам». Большевики всюду в Со-

ветах получают большинство. Мы не должны подрывать авторитет Совета: нужно его поднимать и тесно вокруг него сплотиться.

Тов. Смидовичу возражал т. Стуков, указывая, что Советы не способны взять власть в свои руки и что нашим лозунгом должен быть лозунг: «Вся власть революционной демократии». «Теперь,—говорил Стуков,—ощущается потребность в создании нового учреждения, которое бы опиралось на широкие массы».

По докладу принимается с некоторыми изменениями резолюция, предложенная т. Каменевым в Пленуме ВЦИКа 31 августа. Резолюция требовала создания власти пролетариата и революционного крестьянства, которая должна немедленно декретировать: 1) демократическую республику, 2) конфискацию помещичьих земель и передачу их в заведывание крестьянских комитетов, 3) введение рабочего контроля над производством и распределением, 4) национализацию важнейших отраслей промышленности, 5) беспощадное обложение крупных капиталов и конфискацию прибыли, 6) об'явление тайных договоров недействительными, 7) немедленное предложение демократического мира и 8) роспуск Госуд. Совета и Госуд. Думы и немедленный созыв Учредительного Собрания.

Резолюция не восстанавливает лозунга «Вся власть Советам», она говорит о создании власти пролетариата и революционного крестьянства и о решительной борьбе с контр-революцией. Лозунг «Вся власть Советам» снова получает права гражданства лишь с образованием в Советах большинства партии большевиков, то-есть со второй половины сентября.

1 сентября Испол. К-т С. Р. и С. Д. снова обсуждает вопрос о текущем моменте. В отличие от прежних «перманентных» кризисов, настоящий именуется «реконструкцией» власти.

Докладчик от меньшевиков Кипен снова защищает идею коалиции. Власть, по его мнению, должна опираться на всю организованную демократию, промежуточные слои должны принять участие в этой комбинации. «Отбрасывание этих слоев есть шаг назад, ибо всякая попытка отметания демократических слоев, недовольных создавшейся анархией—наше ослабление. Нашу классовую борьбу мы должны вести совместно с сопутствующими слоями, ибо борьба с контр-революцией есть борьба не одного пролетариата».

Эсер Черепанов также высказывается за коалицию из представителей Советов, земств, городов, кооперативов. Правительство должно быть ответственно перед этим «демократическим парламентом».

Тов. Смидович от партии большевиков указывает, что промежуточные слои слишком склонны к соглашательству, слишком шатки, чтобы можно было опираться на них в революционном строительстве. Рассчитывая на революционный пролетариат и крестьянство, можно отказаться от сотрудничества с промежуточными слоями. Власть, опирающаяся на эти слои, фактически будет опираться и на корниловцев...

Тов. Смидович оглашает резолюцию, принятую МК партии большевиков 1 сентября.

Смидовичу возражал Исув:

«... Думы и земства,—доказывал лидер меньшевиков,—избираемые всем населением, являются прообразом власти, который станет при Учредительном Собрании... Новая власть должна опираться не только на Советы, но, в первую голову, на демократические городские и земские самоуправления, избранные всем народом...»

Большевики в этом заседании Исполкома были настроены примиренчески, они не теряли надежды, что меньшевики и эсеры в конечном счете пой-

дут на образование правительства, ответственного только перед Советами.

«...До сих пор, — говорил тов. Смидович, — большевиков отделяло от меньшевиков и эсеров создание невозможности какого-либо сотрудничества с теми слоями, которые пошли за Корниловым... В данный момент все фракции сошлись на том, что этим элементам нет места в министерстве...»

В результате прений Исполком все же принимает за основу резолюцию меньшевиков и постановляет избрать комиссию (по 2 представителя от каждой фракции) для согласования всех внесенных резолюций и делегировать в Петроград по одному представителю от фракций для сообщения Президиуму ЦИКа и министрам-социалистам мнения Московских Исполнительных К-тов Советов.

Чем кончилась эта попытка «согласования» резолюций, достигнуто ли было какое-либо соглашение и как далеко шли представители фракций во взаимных уступках—неизвестно, на это никаких указаний в протоколах Испол. Комитета не имеется.

В эти дни Ленин писал: «...Лишь как исключение, лишь в силу особого положения, которое, очевидно, продержится лишь самое короткое время, мы можем предложить компромисс этим партиям (меньшевиков и эсеров.—*Н. А.*) и мы должны, мне кажется, это сделать... Компромиссом является, с нашей стороны, наш возврат к доиюльскому требованию: вся власть Советам, ответственное перед Советами правительство из эсеров и меньшевиков. Теперь, и только теперь, может быть, всего в течение нескольких дней или на 1—2 недели, такое правительство могло бы создаться и упрочиться вполне мирно. Оно могло бы обеспечить с гигантской вероятностью мирное движение вперед всей российской революции и чрезвычайно больших шагов вперед всемирного движения к миру и к победе социализма. Только

во имя этого мирного развития революции—возможности к р а й н е редкой в истории и к р а й н е ценной, возможности исключительно редкой,—только во имя ее большевики—сторонники всемирной революции, сторонники революционных методов, могут и должны, по моему мнению, итти на такой компромисс...» (Н. Ленин. Соч., т. XIV, ч. 2, стр. 98, 99).

Однако, допуская возможность такого компромисса, Ленин, разумеется, был далек от мысли вступления большевиков в правительство.

«... Компромисс, — писал Ленин,—состоял бы в том, что большевики, не претендуя на участие в правительстве (невозможно для интернационалиста без фактического осуществления условий диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства), отказались бы от выставления немедленно требования перехода власти к пролетариату и беднейшим крестьянам, от революционных методов борьбы за это требование...» При таких условиях было бы возможно «м и р н о е и з ж и в а н и е партийной борьбы внутри Советов».

Однако «компромисс» не был осуществлен. Когда Ленин писал эти строки (3 сентября), события так стремительно развивались, что «те несколько дней, в течение которых мирное развитие было е щ е возможно, т о ж е п р о ш л и...»

VI

ОБРАЗОВАНИЕ БОЛЬШИНСТВА РСДРП (б) В СОВЕТЕ

Не осуществился «компромисс» и между фракциями Московского Совета.

Докладчиком в Пленуме Советов 5 сентября по вопросу о власти выступил тов. Рыков.

«Последние события,—сказал он,—действительно соединили те элементы, которые раньше расхо-

дились... Те самые матросы с крейсера «Аврора», которые Керенским и Зарудным были отданы под суд... защищали того же самого Керенского и Зарудного. Петроградский пролетариат, испытавший немало гонений от правительства, вооружился на его защиту и защиту революции, но правительство от этого отнюдь ничему не научилось, и ЦИК, об'единивший все партии, не мог об'единиться с правительством». Это расхождение наблюдается по целому ряду вопросов: по вопросу об освобождении арестованных в июльские дни, против чего возражают Керенский и Зарудный, по вопросу о закрытии «Новой Жизни» и «Рабочего». Дело дошло до того, что ЦИК послал даже матросов для защиты печати... «Самый заговор Корнилова,—говорит Рыков,—имел силу потому, что аппарат власти был к его услугам в лице ряда чиновников. Это явилось результатом политики соглашательства... Без захвата власти рабочими и крестьянами немыслимо торжество революции, немыслимо спасение родины».

Докладчики от меньшевиков и эсеров снова защищали идею образования власти на основе широкой демократии, т.-е. идею привлечения к власти «живых сил страны» без кадетов и крупной торгово-промышленной буржуазии.

Пленум на этот раз пошел за большевиками. Большинством 355 против 254 была принята резолюция тов. Рыкова.

С этого исторического дня партия большевиков фактически начинает руководить Советом. Соглашательская политика меньшевиков и эсеров все более и более теряет доверие масс. Совет начинает выступать как орган власти и лозунг «Вся власть Советам» имеет теперь уже не прежнее значение, и знаменует собой не мирный переход власти к партиям меньшевиков и эсеров, а захват власти большевистскими Советами для осу-

ществления диктатуры пролетариата и организации государства Советов.

Вопрос об организации Красной гвардии впервые обсуждается в Исполнительном Комитете С. Р. и С. Д. 2 сентября.

Тов. Рыков в своем информационном докладе о положении дел в Петрограде, между прочим, сказал: «...В связи с корниловским заговором было постановлено Комитетом по Обороне организовать «Красную гвардию» из рабочих, приглашены инструктора, на заводах отливаются пушки, изготовляются ручные гранаты, раздаются винтовки рабочим, вокруг Петрограда роются окопы, идет самая настоящая боевая работа...»

Эту информацию тов. Рыкова тов. Ногин дополнил сообщением, что положение в связи с заговором Каледина весьма серьезно. Калединские войска находятся более чем в 100 пунктах Московского Округа... Московский Военный Округ—единственная организация, принявшая в эти тревожные дни решительные меры для ликвидации заговора...»

В этом же заседании Исполкома тов. Ведерников от фракции большевиков вносит выработанный особой комиссией устав «Красной гвардии». Штаб Красной гвардии организуется при С. Р. и С. Д.; тов. Ведерников сообщает о серьезном затруднении с получением оружия. В арсенале, по его сведениям, имеется около 50.000 берданок,—не имея другого оружия, он предлагает ими воспользоваться; имеется еще в комиссариатах оружие, отобранное у рабочих, надо получить и это оружие. Затем необходимо заказать на Тульском, Ижевском и Воткинском заводах трехлинейные винтовки. В Красную гвардию, по мнению Ведерникова, следует записывать лишь по рекомендации партии; за оружие отвечает партия. Президиум Штаба Красной гвардии тов. Ведерников

предлагает составить из 7 человек—представителей всех партий.

В связи с организацией городской милиции, Ведерников предлагает прекратить разоружение рабочих милицией.

Обсуждение устава «Красной гвардии» заняло два заседания Исполкома.

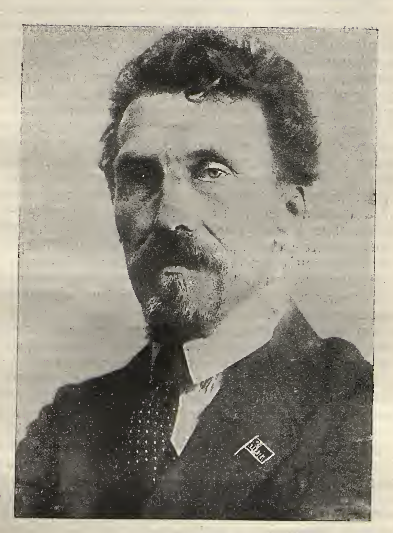
Доклад тов. Ведерникова, как и следовало ожидать, вызвал возражения со стороны, главным образом, меньшевиков. Гильман, один из членов комиссии по выработке устава, указывал на то, что большевики неправильно понимают задачи и цели Красной гвардии, которая нужна лишь для борьбы с контр-революцией, как известная помощь постоянной армии, а потому имеет временный характер.

Меньшевик Маневич, член Президиума Совета Солд. Деп., возмущается предложением брать винтовки у солдат. Маневич доказывает, что московский гарнизон сам недостаточно вооружен и о снабжении оружием рабочих не может быть и речи. В организации Красной гвардии Маневич видит преследование рабочими чисто классовых интересов, и что в данный момент такая классовая Красная гвардия не нужна, ибо мы не переживаем сейчас социальной революции.

Гильмана и Маневича поддерживает лидер меньшевиков Исув, считая организацию Красной гвардии «игрой в солдатики». «Нам,—говорит Исув,—нужны дружины для охраны базаров, «хвостов» и на случай погромов». Исува поддерживает Кибрик и ряд других меньшевиков и эсеров.

Всем этим противникам организации Красной гвардии отвечает тов. Рыков.

Он говорит, что все выступавшие здесь «чужды моменту, который мы переживаем... Соображения о том, что рабочих надо вооружать лишь тогда, когда начнется социальная революция—несостоя-

А. И. Рыков.

тельны». Тов. Рыков указывает на французскую революцию, когда социального строя еще не было, а Красная гвардия была.

«...Я,—говорит тов. Рыков,—замечаю здесь боязнь со стороны солдат вооружения рабочих. Но по принципу демократии никакого стеснения в вооружении народа не должно быть, и все высказавшиеся против этого хотят иметь армию над народом, а не для народа. Мы, большевики, независимо от решения этого вопроса здесь, поставим вопрос о праве и обязанности рабочих вооружаться в критический момент революции. Этот момент, по нашему мнению, наступил... Нас упрекают в том, что мы играем в солдатики, а я говорю, что наши политические оппоненты играют в генералов, и эта игра привела их к корниловщине; мы желаем, чтобы народ имел определенные боевые единицы для защиты своих прав; рабочие создадут армию, являющуюся опорой их классовой политики.

До сих пор мы выезжали для усмирения солдатских бунтов, а не рабочих; солдатские организации постановили вывести революционные войска, и эта история будет повторяться; революционные войска будут отсылать на фронт, а в центры будут свозить войска реакционные. В Петрограде вопрос о вооружении рабочих стоит на первой очереди, робость обывателя нас не пугает, при развитии революции нам, быть может, придется сражаться и с обывателем».

Это выступление тов. Рыкова в известной части оказалось пророческим: пролетариат должен был создать и создал свою армию, предшественницей коей явилась Красная гвардия. Эта «гвардия» в Октябрьские дни сражалась с «белой гвардией», против создания которой соглашательские партии не возражали.

В результате прений Исполнительный Комитет постановил срочно разработать подробный устав

Красной гвардии, с указанием способа добывания оружия, места его хранения и способа изыскания средств для его приобретения. 3 сентября Исп. К-т вновь обсуждает вопрос о Красной гвардии и заслушивает доклад согласительной комиссии из представителей фракции. Устав постановлено утвердить и немедленно приступить к организации дружин.

Как уже было сказано выше, 5 сентября в принятой по докладу тов. Рыкова резолюции о текущем моменте значился и пункт о необходимости вооружения рабочих и создания Красной гвардии. Однако, работа Красной гвардии, несмотря на постановление Пленума Советов, протекала при весьма неблагоприятных условиях. Совет Солд. Деп. и Штаб Округа саботировали вооружение рабочих. Оружия в распоряжении Штаба Красной гвардии было ничтожное количество, и фактическое вооружение началось только во время Октябрьского восстания.

В том же заседании был заслушан доклад Кузнецова о закрытии буржуазных газет. Докладчик указал на то, что в первые дни революции, когда авторитет Советов стоял высоко, буржуазная пресса не рисковала выступать против них. Потом, когда начался фракционный раскол, буржуазная пресса начала сначала травить большевиков, а потом и Советы. Во время корниловского выступления эта пресса заняла явно контр-революционную позицию, хотя и замаскированно. «Надо заставить ее,—говорит Кузнецов,—быть корректной в отношении революционных организаций и прежде всего закрыть «Русское Слово» и «Время».

Кузнецова поддерживает тов. Розенгольц. «Мы,—сказал он,—стоим накануне гражданской войны. Разрастается калединское движение. Роль буржуазной прессы громадна. Осуществление закры-

тия газет тов. Розенгольц предлагает проводить через Союз Печатников и ЦБ профсоюзов.

Меньшевики и эсеры, соглашаясь в принципе о необходимости применения репрессий к буржуазной прессе, указывают (Рыбальский) на необходимость «самим быть осторожными и не допускать таких статей, как сегодня в «Социал-Демократе», где Керенский называется «корниловцем».

В результате прений Исполком принимает резолюцию Рыбальского, которая конкретное предложение о закрытии газет «Русское Слово» и «Время» заменяет общими фразами «о тщательном надзоре» за буржуазной прессой. Поручается это дело «шестерке», которая должна войти в «Орган Спасения Революции» с предложением «следить, чтобы в буржуазной прессе не появлялось статей контр-революционного содержания», причем «Орган Спасения» все свои мероприятия должен согласовать с Испол. К-ом, т.-е. опять-таки с соглашательским большинством.

Таким образом, предложение Кузнецова и Розенгольца фактически было отклонено. Буржуазная пресса была спасена соглашателями и по-прежнему продолжала соответствующую обработку общественного мнения.

Постановление Пленума Советов 5 сентября по докладу тов. Рыкова, как и надо было ожидать, привело к «кризису власти» в московском масштабе.

9 сентября в заседании Исполн. К-та Совета тов. Хинчук огласил следующее заявление:

«Ввиду того, что последнее постановление общего собрания Советов Р. и С. Д. идет в разрез со всей политической линией, лежавшей доныне в основе их деятельности, я, как представитель Совета, избранный по соглашению всех фракций, не видя путей для проведения в жизнь политических лозунгов, принятых Советами, и считая необходимым предоставить Президиуму с другими

представителями возможность изыскать эти пути— слагаю с себя полномочия...»

Вслед за тов. Хинчуком, Канделаки от имени фракции с.-р. заявил, что представители с.-р. в Президиуме и Исп. К-те слагают с себя полномочия по тем же мотивам, что и председатель Совета.

Кибрик от фракции меньшевиков заявил, что они от работы не отказываются, но слагают с себя полномочия в Испол. К-те вследствие несоответствия состава Исп. К-та с составом Совета. В Пленуме Советов 12 сентября меньшевики выступили с обширной декларацией, в которой заявили, что «большевики ведут рабочий класс по ложному пути, и что диктатура пролетариата, которую сейчас пытаются осуществить большевики, есть «вовлечение рабочего класса в авантюру» и что «прольется море крови, и русская революция будет загублена».

Все эти заявления Исполком принимает к сведению. Ногин от имени фракции большевиков обращает внимание Хинчука, что «он избран независимо от принадлежности к той или иной фракции...» Ногин был прав: на заре Февральской революции Совет работал не фракционно.

Московский «кризис власти» продолжался недолго и закончился безболезненно. 19 сентября были произведены перевыборы Исполнительного Комитета Совета Раб. Деп. и его Президиума. Председателем был избран В. П. Ногин, в состав Президиума вошло 5 большевиков: Ногин, Рыков, Смидович, Аванесов и Игнатов, меньшевики: Хинчук и Кибрик, об'единенец Гальперин и от эсеров—Зитта. В Исполнительный Комитет вошло 32 большевика, 15 меньшевиков, 9 эсеров и 3 об'-единенца.

Однако, перевыборы Исполкома и Президиума Совета Раб. Депутатов не давали еще партии большевиков возможности нормально руководить ра-

ботой Совета. Имея значительное большинство в Пленуме Советов Р. и С. Д.,—фракция большевиков по-прежнему оставалась в меньшинстве в об'единенном Исполкоме Р. и С. Деп. Несмотря на значительное полевение Пленума солдатской секции,—Исполком Совета Сол. Деп. по-прежнему оставался в руках меньшевиков и эсеров. Если позволительно теперь, по истечении десяти лет, говорить о наших «ошибках», то, быть может, следовало бы признать ошибкой непринятие мер к перевыборам Исполкома солдатской секции,—Исполкома, который все время, до Октябрьского восстания включительно, не только тормозил развитие революции, но и пытался в Октябре, совместно с Городской Думой, подавить восстание вооруженной силой.

VII

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В МОСКВЕ И ОБЛАСТИ И ВЫБОРЫ В РАЙОННЫЕ ДУМЫ

Нельзя сказать, чтобы политическая обстановка в Москве и Московской области была благоприятна для большевиков в момент перехода к ним руководства работой Совета, и тем не менее только с этого момента и можно говорить о революционных методах борьбы за власть.

21 сентября представители Штаба Моск. Военного Округа (Шер и Рябцев) выступали в Исполкоме с докладом о беспорядках в войсках МВО. В этом заседании Исполкома командующий войсками полковник Рябцев впервые встретился со ставшей во главе Совета фракцией большевиков,—второе свидание состоялось уже в грозные Октябрьские дни...

«Зная лицо обновленного Совета,—заявил полковник Рябцев в заседании 21 сентября,—я думаю,

что и теперь, как прежде, Совет может действовать солидарно с нами. Большевики говорят об углублении революции, но ведь им дорого и спасение ее. Со стороны правого лагеря ведется в настоящее время натиск на демократию и ее армию. С этим натиском ни нам без вас, ни вам без нас не справиться...»

Далее, полковник Рябцев указывает на необходимость выяснить отношение демократии к посылке МВО отрядов для подавления беспорядков. Полк. Рябцев высказывает уверенность, что ни один демократический орган не поддержит клеветы буржуазной прессы о том, что мы посылаем «карательные» отряды.

Из доклада начальника Штаба МВО Шера выяснилось, что погромы и беспорядки вспыхнули в Серпухове, Ржеве, Туле, Харькове, Бахмуте, Козлове, Орле, Тамбове и других местах. В погромах принимали участие амнистированные уголовные, пехота, отчасти кавалерия. Громили лавки, магазины, разбивали склады спирта и т. д. В Козлове движение носило аграрно-погромный характер: сжигали скирды хлеба, амбары. В Орле полк отказался подчиняться командному составу и местным Советам. В Тамбове беспорядки носили антисемитский характер.

Из докладов представителей Совета, сопровождавших отряды, выяснилось, что положение местных гарнизонов ужасающее. Солдаты оборваны, в рваной обуви и в рваных, старых, полуистлевших шинелях. Бараки в Орле пришли в полную негодность, грязь неимоверная, постелей нет, вши ползают целыми армиями. Многие солдаты, при окружении нашим отрядом, вскакивали заспанные из кустов близ бараков. Протирая глаза и дрожа от холода, на вопрос почему они здесь ночуют, отвечали, что лучше спать на земле, чем в бараке, где живым заедают вши.

Перед Советом встал весьма серьезный вопрос: в какой мере допустимо применять вооруженную силу? В какой мере можно оправдать «карательные» экспедиции МВО? Обнаружились серьезные разногласия и в методах подавления беспорядков. Никто не сомневался в необходимости подавления погромных беспорядков, но вопрос об отношении к аграрным волнениям и к солдатским бунтам разрешался не так просто, как это казалось «демократам» из МВО, полковнику Рябцеву и Шеру.

В результате обмена мнений Исполком высказал необходимость образования особой комиссии, которой и поручил, совместно со Штабом Округа, выработать инструкцию для вооруженных экспедиций и установить взаимоотношения начальников отрядов с представителями Совета.

Между тем, оправившись от политических осложнений в связи с заговором Корнилова, Керенский снова хлопочет о коалиции и ведет переговоры с кадетами, в лице московского комиссара Кишкина, и представителями промышленности и торговли Коноваловым и Третьяковым.

Исполнительный Комитет реагирует на эти переговоры требованием немедленного отстранения Кишкина от обязанностей московского комиссара Временного правительства, мотивируя свое требование принадлежностью Кишкина к кадетской партии. Одновременно почти на всех крупнейших предприятиях в Москве выносятся резолюции с требованием создания правительства, ответственного перед Советами. Такое же требование заявляют на Демократическом Совещании представители петроградских солдат и рабочих.

И тем не менее, Демократическое Совещание, по предложению Церетелли, высказывается за образование коалиции и выбирает особый орган—

Предпарламент,—перед которым должно быть ответственно новое коалиционное правительство.

Большевики на Демократическом Совещании заявляют, что они пойдут в этот Предпарламент только для разоблачения перед широкими массами предательской политики соглашателей и облегчения Советам создания истинно-революционной власти.

25 сентября образуется новое коалиционное правительство из «социалистов», кадетов и торгово-промышленной партии.

27 сентября об'единенное заседание Исполкома Моск. Советов слушает отчет Ногина и Исува об итогах Демократического Совещания. Ногин приходит к выводу, что теперешнее правительство не может быть долговременным, и Советы должны реагировать на это на предстоящем С'езде Советов, где должен быть ребром поставлен вопрос о власти. Из создавшегося положения нет иного выхода, как переход власти к Советам. Исув по-прежнему защищает и коалицию, и Предпарламент.

Таким образом, новое коалиционное правительство фабрикантов, «социалистов», кадетов и «демократов» типа Прокоповича появилось на свет вопреки ясно выраженной воле Петроградского и Московского Советов, вопреки воле миллионов рабочих и революционных солдат. Новая коалиция советской демократии предпочла «демократию» земств, городов и кооператоров кулацкого типа.

25 сентября тов. Троцкий на Пленуме Петроградского Совета заявил, что новое коалиционное правительство «войдет в историю революции как правительство гражданской войны». Он был прав.

В это время, не зная еще результатов выборов в Районные Думы, Ленин в статье «Большевики должны взять власть» [письмо в ЦК, ПК и МК (б)] писал: «Получив большинство в обоих столичных Советах Р. и С. Д., большевики могут

и должны взять государственную власть в свои руки... Вопрос идет не о «дне» восстания, не о «моменте» его в узком смысле. Это решит лишь общий голос тех, кто соприкасается с рабочими и солдатами, с массами. Вопрос о том, что наша партия теперь на Демократическом Совещании имеет свой с'езд, и этот с'езд решить должен (хочет или не хочет, а должен) судьбу революции. Вопрос в том, чтобы задачу сделать ясной для партии: на очередь дня поставить вооруженное восстание в Питере и в Москве (с областью), завоевание власти, свержение правительства. Обдумать как агитировать за это, не выражаясь так в печати... История не простит нам, если мы не возьмем власти теперь... Взять власть сразу и в Москве и в Питере (неважно, кто начнет; может быть, даже Москва может начать), мы победим безусловно и несомненно» (Н. Ленин. Соч., т. XIV, ч. 2, стр. 133).

31 сентября открылся С'езд Советов Московской области. Борьба партий на С'езде приняла весьма острый характер. Собственно говоря, борьба шла между большевиками и эсерами; меньшевики были представлены ничтожным числом депутатов. Боролись два лозунга: «Вся власть Советам», выдвинутый большевиками, и «Организация выборов в Учредительное Собрание и образование в нем социалистического большинства»—лозунг эсеров. Поименное голосование дало следующие результаты: за резолюцию меньшевиков—16, против 152, при 143 воздержавшихся; за резолюцию большевиков—139, против—147, воздержалось 25; за резолюцию эсеров—159, против—132, воздержалось 20. Исход голосования решили меньшевики, присоединив свои 16 голосов к эсерам. Таким образом, меньшевики и эсеры получили всего лишь на 27 голосов больше партии большевиков.

Выборы в Районные Думы дали подавляющее количество голосов партии большевиков. Кадеты получили 184 голоса, эсеры—104, меньшевики—31, большевики — 350. Таким образом, партия большевиков и в Совете, и в Районных Думах имела уже значительное большинство. Московская Городская Дума теперь также не выражала уже волю большинства населения, как Исполком солдатской секции не отражал настроение широких солдатских масс. Относительное большинство к.-д. имели в трех районах Думах (I, II и III участках), в двух они могли получить большинство при блокировании с другими партиями (XII и XVI уч.)

2 октября Московский Комитет (б), по предложению тов. Владимирского, принимает постановление о принципах составления Районных Управ, высказываясь за составление большевистских Управ в тех Думах, где большевики в абсолютном большинстве, в тех же Думах, где большинство к.-д.— в Управу не входить, там же, где большевики в относительном большинстве—допускается коалиция с социалистическими группами на основе пропорциональности.

Итоги выборов в Районные Думы позволяют сделать некоторые выводы.

Прежде всего следует отметить пассивное отношение значительных кругов населения к выборам. В июне при выборах в Городскую Думу в голосовании приняло участие 65% всего населения, в сентябре—только 35%. Это говорит о том, что часть населения, и главным образом мелкая городская буржуазия, голосовавшая в июне за эсеров и отчасти за меньшевиков, просто отошла от политической борьбы. Об'ясняется это, с одной стороны, потерей всякого доверия к партиям меньшевиков и эсеров, с другой—испугом перед революцией и революционной партией большевиков. Мелкая

городская буржуазия тосковала о «порядке»; эти свои мечты она в июне связывала с мелкобуржуазной партией эсеров и провела в Думу подавляющее большинство представителей этой партии. Она приходила в восторг от патриотических, истинно московских, выступлений городского головы Руднева и она же отошла совсем от политики, увидев слабость «вождей». В конце августа мелкие торговцы, служащие, чиновники и прочая мелкая городская буржуазия ориентировались на «героя», «мученика» Корнилова, но и эти ее мечты не осуществились. Разочарованная, она отошла от политики и, притихнув, ждала грозы.

Борьба на выборах, таким образом, сосредоточилась между партией контр-революции—кадетами и единственной революционной партией большевиков. Активность этих двух партий сильно повысилась. С одной стороны, в выборах приняли активнейшее участие рабочие и солдаты, с другой—вся об'единенная кадетской партией крупная и отчасти средняя буржуазия, причем на сторону контр-революции перешла и значительная часть «демократии».

Получив большинство в Совете, фракция большевиков должна была сейчас же изменить политическую линию Совета,—от соглашательской политики перейти к революционным методам: этого особенно требовало положение дел в промышленности. Большевистскому Совету прежде всего необходимо было серьезно вмешаться в борьбу рабочих с предпринимателями почти во всех отраслях труда. Более месяца тянулась стачка кожевников. Сто тысяч рабочих добивались права взять в свои руки прием и увольнение рабочих и служащих. Нарастала забастовка в городских предприятиях из-за упорства Городской Управы. Бастовали фармацевты; затяжной характер приняла забастовка у деревообделочников. Бастовали служащие в го-

родских больницах. Брожение на железных дорогах грозило каждый день вылиться во всеобщую забастовку. Острый конфликт разразился на московской телефонной станции; нарастала забастовка на почте и телеграфе.

Даже меньшевики не могли отрицать, что буржуазия организованно наступает на рабочий класс и все его завоевания. Политическая атмосфера уже в начале октября в Москве была весьма накалена. Особенно тревожно было настроение рабочих в металлической и текстильной промышленности. Буржуазная пресса распространяла заведомо ложные сведения о пред'явлении Союзом Металлистов ультимативного требования к О-ву заводчиков и фабрикантов. В связи с этим, в ряде буржуазных газет появились заметки о предполагаемой ликвидации металлообрабатывающей и текстильной промышленности из-за недостатка угля, добыча которого едва только покрывает потребности самих копей и железных дорог. Таким образом, Москва и московский промышленный район стояли перед возможностью локаута во всей основной московской промышленности. Рабочему классу был сделан вызов. Речь шла о самом его существовании. В это же время орган биржевика Рябушинского «Утро России» открыто уже призывает к гражданской войне:

«Доколе будем поносить родину и разговаривать по-товарищески с теми, кто ежечасно и ежеминутно продает ее и наносит ей удар за ударом? До каких же пор будет продолжаться эта изощренная диалектика между разумными и безумными... между анархистами и государственниками? Между предателями и предаваемыми?.. И не пора ли от товарищеской диалектики перейти к тому, что диктуется властной необходимостью—к разрыву и борьбе с изменниками революции и предателями родины?.. Отныне прекращается диалектика и на-

чинается борьба на жизнь и смерть с разрушителями государства. Или мы, или они...»

И этим распоясавшимся буржуа, открыто призывавшим к борьбе с Советами, не был дан отпор. Газета не была закрыта. «Шестерка» и «Орган Спасения Революции»—бездействовали. Постановление Исполкома от 3 сентября не проводилось в жизнь только потому, что большинство в этих органах продолжало оставаться соглашательским даже после того, когда большевистская фракция оказалась в Советах в подавляющем большинстве.

Ход событий в Петрограде представлялся в то время в таком виде: 7 октября фракция большевиков в «Предпарламенте», покидая заседание, огласила резолюцию протеста, которая заканчивалась словами: «...С этим правительством народной измены и с этим Советом контр-революционного попустительства мы не имеем ничего общего. Той убийственной для народа работе, которая совершается за официальными кулисами, мы не хотим ни прямо, ни косвенно прикрывать ни одного дня...»

11 октября в Петрограде открылся С'езд Советов Северной Области, прошедший целиком под лозунгами партии большевиков. Резюмируя все речи ораторов в прениях по текущему моменту, тов. Крыленко сказал: «...Основной мотив всех речей, основной лозунг—«Вся власть Советам! Долой Временное правительство!»

В принятой по докладу тов. Троцкого резолюции говорилось: «...Временное правительство должно уйти. На стороне Советов право и сила. Время слов прошло. Только решительным и единодушным выступлением всех Советов может быть спасена страна и революция...»

Контр-революция тоже не дремала; в ее планы входила не только сдача Риги, но, и это главным образом, сдача Петрограда. Временное правитель-

ство предпринимало уже в этом отношении соответствующие шаги. В «докладе» Родзянко, напечатанном в «Утре России», этот вдохновитель реакции говорил: «...Бог с ним, с Петроградом... Со взятием Петрограда флот все равно погибнет... там есть суда совершенно развращенные, которые боевой силы не представляют... Опасаются, что в Петрограде погибнут центральные учреждения. На это я возражал, что очень рад, если все эти учреждения погибнут, потому что кроме зла России они ничего не принесли...»

12 октября в Москве открывается конференция фабрично-заводских комитетов, первым пунктом порядка дня которой был поставлен вопрос о локаутах, демобилизации и сокращении производства в связи с отсутствием топлива. Настроена конференция была весьма революционно. Почти по всем основным вопросам были приняты постановления, смысл коих сводился к необходимости немедленного перехода власти к Советам для осуществления целого ряда мер в области борьбы с хозяйственной разрухой.

Почти одновременно с конференцией фабрично-заводских комитетов в Москве состоялось собрание фабрикантов и заводчиков под председательством министра торговли Третьякова и был организован «Всероссийский Союз Союзов». Главным руководителем «Союза» приглашен был бывший царский министр Кривошеин, а «бюро» составлено из Крестовникова, Смирнова, Четверикова и др. махровых деятелей реакции. Капитал О-ва был определен в 50 милл. рублей. Основная цель «Союза»—организованная борьба с рабочим классом. Все участники Союза под угрозой крупной материальной ответственности должны подчиняться «Союзу», никто из членов О-ва не может входить ни в какие соглашения с рабочими в случае возникновения забастовки.

Вот к чему привела защита меньшевиками и эсерами идеи коалиции. Третьяков и Коновалов, ставши у власти, используют ее против рабочего класса и революции.

Почти одновременно с выступлением крупной промышленной буржуазии происходил в Москве с'езд кадетской партии, на котором победила милюковская точка зрения на необходимость полнейшего отказа от какого бы то ни было сотрудничества с социалистическими партиями.

Таким образом, по всей линии шло контрреволюционное «заворачивание фронта».

10 октября в соединенное заседание С. Р. и С. Д. под председательством Ногина вновь вносится вопрос о Красной гвардии—вопрос, ставший для рабочего класса своего рода «клятвой времени». Однако, по настоянию Президиума Солдатской секции, вопрос снимается с обсуждения и переносится на следующее заседание. При самой постановке вопроса и постановлении о его снятии с повестки Президиум Солдатской секции допустил совершенно произвольную формулировку: вместо перенесения на следующее заседание вопроса об уставе Красной гвардии Пленум, по предложению Президиума Солдатской секции, решил отложить обсуждение вопроса о Красной гвардии в целом, тогда как этот принципиальный вопрос был положительно решен еще 5 сентября.

Ввиду допущенной ошибки в формулировке, тт. Розенгольц и Смидович от имени фракции большевиков внесли резолюцию, в которой, подчеркнув, что речь идет только об уставе Красной гвардии, предложили признать, что решение этого вопроса не терпит никаких отлагательств и что он должен быть решен на совместном заседании Советов Р. и С. Д.

Это предложение вызвало бурный протест фракции эсеров, покинувших заседание. Эсеры

считали для себя резолюцию тов. Розенгольца и Смидовича явно оскорбительной.

К эсерам присоединились и меньшевики, заявив протест против обострения фракционных отношений и отказавшись от голосования.

Пленум большинством 330 против 108 принял резолюцию тт. Розенгольца и Смидовича.

Надо припомнить, что Президиум Совета Солд. Депутатов совместно со Штабом Округа систематически затягивали и срывали дело вооружения рабочих. В заседании 10 октября этой их политике затягивания вопроса был положен предел, но саботаж сделал свое дело: Штаб Красной гвардии так и не получил оружия до самого Октябрьского восстания.

11 октября в Политехническом музее состоялась общегородская конференция партии большевиков. На конференции были заслушаны доклады: т. Семашко—о Циммервальдской конференции, т. Осинского—о хозяйственной катастрофе и т. В. Смирнова—о борьбе с холодом и голодом. Доклады Осинского и Смирнова носили строго научный характер с массой цифр и цитат. Однако, за этими сухими цифрами и академическим тоном чувствовалось дыхание революции и приближение грозы. Слово «восстание» не было произнесено на конференции, но все чувствовали, что оно неминуемо, и все были к нему готовы. Очень затянувшаяся конференция закончилась «Интернационалом», в звуках которого все одинаково и как-то по особенному почувствовали неизбежность и близость борьбы.

VIII

НАКАНУНЕ ВОССТАНИЯ

В первых числах октября Ленин, минуя ЦК, где были разногласия о времени выступления,

писал в ПК и МК РС-ДРП(б): «...События так ясно предписывают нам нашу задачу, что промедление становится положительно преступлением...». Указывая далее на аграрное движение, рост симпатии к большевикам в армии, на начало германской революции, выборы в Районные Думы в Москве, на конфликт с правительством железнодорожных и почтовых служащих, — Ленин заявлял: «... Медлить — преступление. Ждать С'езда Советов—ребяческая игра в формальность, позорная игра в формальность, предательство революции. Если нельзя взять власть без восстания, надо итти на восстание тотчас. Очень может быть, что именно теперь можно взять власть без восстания: например, если бы Московский Совет сразу, тотчас взял власть и об'явил себя (вместе с питерским Советом) правительством. В Москве победа обеспечена и воевать некому. В Питере можно выждать... Ибо Московский Совет, взяв власть, банки, фабрики, «Русское Слово», получит гигантскую базу и силу, агитируя перед всей Россией...

Не обязательно «начать» с Питера. Если Москва «начнет» бескровно, ее поддержат наверняка: 1) армия на фронте сочувствием, 2) крестьяне везде, 3) флот и финские войска идут на Питер...

Если даже у Керенского есть под Питером 1—2 корпуса конных войск, он вынужден сдаться. Питерский Совет может выждать, агитируя за Московское Советское Правительство. Лозунг: власть Советам. земля крестьянам, мир народам, хлеб голодным. Победа обеспечена, и на $^9/_{10}$ шансы, что бескровно.

Ждать — преступление перед революцией...» (Н. Ленин. Сочинения, том XIV, часть 2, стр. 266—267).

Это письмо Ленина горячо обсуждалось (примерно, 10 октября) на частном совещании руководящей группы МК и Областного Бюро.

Большинство товарищей [1]) высказывалось в том смысле, что Москва не может взять на себя почин выступления и может лишь поддержать выступление, если оно где-либо начнется. Аргументировали эти товарищи ссылкой, во-первых, на плохое вооружение гарнизона, на не очень боевое его настроение, недостаточную связь МК с воинскими частями, на засилье меньшевиков и эсеров в Президиуме и Исполкоме Совета Солд. Депутатов и весьма слабое вооружение рабочих.

«...Все согласились, что выступать мы сейчас не можем и что нужно сугубо усилить работу Военной организации и поднимать вопросы в печати и на широких собраниях, касающиеся широчайших слоев населения (...одним из таких вопросов был тогда намечен жилищный, должен был быть выброшен лозунг: «Рабочие, занимайте сносные квартиры, особняки» и т. п.)...»

15-го (во всяком случае не позднее 16 октября) состоялось в Москве Межрайонное Совещание Московской Организации с участием активных работников Московского Областного Бюро и Окружного Комитета. Прения носили очень страстный характер. Часть товарищей высказывалась за немедленное выступление и предлагала начать с вооруженной демонстрации. Однако, подавляющее большинство Совещания высказалось за так называемую декретную кампанию, т.-е. за фактическое осуществление Советом насущных требований рабочего класса во всех областях хозяйственной и правовой жизни. Совещание исходило из той мысли, что восстание возникнет на почве непо-

---

[1]) См. статью тов. Пятницкого в сборнике «От Февраля к Октябрю в Москве». М. 1923 г., стр. 57—85.

средственного столкновения рабочего класса с агентами власти Временного правительства, и что этот путь борьбы будет более понятен широким массам.

18 октября этот вопрос вносится уже в соединенное заседание Исполкомов Советов Р. и С. Деп. На заседании присутствуют представители профсоюзов текстильщиков, металлистов, кожевников, портных и др.

Представитель металлистов нарисовал тяжелую картину рабочих-металлистов. Реальная заработная плата упала до 65%. Промышленники пытаются отнять 8-часовой рабочий день и провоцируют на выступление.

Представитель текстильщиков указал на чрезвычайную трудность удержать массу от выступления. Прожиточный минимум О-вом фабрикантов заведомо понижен до такой степени, чтобы принятие его стало невозможным.

Представитель кожевников говорил, что стачка длится уже два месяца, и предприниматели не заинтересованы в ее ликвидации.

Все выступавшие ораторы указывали, что единственный выход из создавшегося тяжелого положения—переход власти к Советам. На этой же точке зрения стояли и представители Центрального Бюро Профсоюзов.

Заслушав доклады с мест, было решено вопрос обсудить во фракциях. По возобновлении заседания, фракция большевиков предложила Исполкому принять целый ряд неотложных практических мер в области производства, не останавливаясь перед арестом предпринимателей, в случае их неподчинения постановлениям Совета.

Меньшевики и эсеры обвиняли большевиков в том, что они провоцируют рабочий класс на восстания и что переход власти к Советам не улучшит положения рабочего класса.

В предложенной резолюции меньшевики и эсеры все свои надежды связывали с Временным правительством, к которому и предлагали обратиться.

Как и следовало ожидать, соглашатели получили в Об'единенном Исполкоме 46 голосов против 33-х.

На следующий день, 19 октября, вопрос был поставлен на Пленуме Советов. Докладчиком по вопросу «Об экономической борьбе рабочих» выступил тов. Бухарин.

Прения носили весьма бурный характер. Всем было ясно, что решается основной вопрос революции, что по сути дела Совет переходит к захвату власти.

Пленум большинством 332, против 207 голосов, при 13 воздержавшихся, принял следующую резолюцию:

«На почве хозяйственного разложения страны капиталисты пытаются создать грандиозный локаут и безработицу, грозящие гибелью рабочему классу, саботируя производство и закрывая предприятия, не удовлетворяя целого ряда элементарных требований рабочего класса. В целях обострения кризиса, они провоцируют пролетариат на стачку, нарушая своею деятельностью интересы широких кругов населения. Коалиционное правительство не только не поддерживает требования рабочего класса, но и открыто идет против него и его организаций. Исходя из этого, Исполнительные Комитеты Советов Рабочих и Солдатских Депутатов: 1) декретируют по соглашению с Центральным Бюро профессиональных союзов удовлетворение рабочих в тех отраслях, где назревает или идет стачка, 2) приглашают под руководством профессиональных союзов явочным порядком осуществлять постановления декретов на заводах и фабриках, 3) ставят капиталистов, саботирующих производство и вызывающих стачки

рабочих, перед угрозой немедленного ареста их Советами, 4) одновременно выпускают декрет о мораториуме на квартирную плату, 5) принимают самое активное участие в деле мобилизации масс в создании органов борьбы за переход власти к революционной демократии, 6) поручается Исполнительному Комитету в кратчайший срок разработать и издать вышеозначенные декреты и соответствующие воззвания».

После принятия резолюции Кибрик от фракции меньшевиков заявил, что «мероприятия, предложенные большевиками... являются полным банкротством большевизма. Декрет Совета об удовлетворении требований рабочих с угрозой ареста капиталистов—есть фактически захват власти в наиболее неразумной форме... Этот декрет не только окончательно подорвет Советы, но и основную форму классовой организации рабочих, профессиональные союзы... Фракция призывает всех передовых рабочих продолжать борьбу на местах во имя спасения революции и рабочего дела добиваться перевыборов всех членов Совета, голосовавших за резолюцию большевиков, обрекающую рабочий класс на неизбежное поражение».

Высказав эти «теоретические» соображения, Кибрик совершенно откровенно предупредил, что фракция меньшевиков «попрежнему будет продолжать органическую работу в Совете»... для того, чтобы «ослабить губительные последствия мероприятий, осуществляемых большевиками».

Таким образом, за неделю до восстания меньшевики уже угрожают «органической» работой; ниже мы увидим, что в момент восстания, когда требовалось огромное напряжение коллективной мощи рабочего класса, меньшевики под флагом «защиты» интересов рабочего класса вели явно дезорганизаторскую работу.

Вслед за меньшевиками с аналогичным заявлением выступили и эсеры, обвиняя большевиков в срыве Учредительного Собрания. Так же, как и меньшевики, они тоже заявили о том, что будут «по-прежнему вести органическую работу в Совете», т.-е. совместно с меньшевиками мешать переходу власти к Советам.

Выступивший с ответом от фракции большевиков тов. Аванесов заявил, что «собрание своим голосованием сказало, что огромное большинство как рабочей, так и солдатской массы стоит на той точке зрения, что сейчас необходимо принять те мероприятия, которые мы предложили, и если товарищи справа перекладывают ответственность на нас, большевиков, мы заявляем, что этой ответственности не боимся и берем ее на себя... Но эта ответственность ложится также и на Совет Р. и С. Д...»

Тсв. Аванесов спрашивает меньшевиков и эсеров: будут ли они подчиняться постановлениям Совета? На этот прямо поставленный вопрос Кибрик от имени меньшевиков заявил, что «подчиняться мы, конечно, будем, но в то же время поведем борьбу до конца и употребим все усилия, чтобы парализовать гибельные последствия принятой сегодня резолюции».

Надо признать, что меньшевики действительно употребили «все усилия», чтобы парализовать работу большевиков в Совете.

Политическая атмосфера в Москве становилась все более и более напряженной. По городу ползли явно провокационные слухи о выступлении большевиков 20 октября. МК должен был выпустить специальное об'явление об этих слухах, в котором заявлял, что «большевики—не заговорщическая партия и своих выступлений тайком не назначает. Когда мы решим выступить, то об этом скажем в своих печатных органах».

События нарастали так стремительно, что через каких-нибудь пять-шесть дней Моск. К-т уже должен был открыто призвать рабочие и солдатские массы к восстанию.

21 октября в Исполнит. К-те Совета Раб. Депутатов, несмотря на противодействие меньшевиков, было решено произвести перевыборы Совета и Исполнительного Комитета Совета Р. и С. Деп., ввиду того, что об'единенный Исполком не в силах проводить в жизнь постановления Пленума. Однако, перевыборы Исполнительного К-та были произведены лишь после восстания, и таким образом Исполком Совета Солдатских Депутатов имел еще время и возможность противодействовать успеху восстания в Москве.

В тот же день в Москве были получены подробные сведения о разгроме Калужского Совета. В Калугу явился комиссар Западного фронта с отрядами казаков, кавалерии и броневиками, об'явил город на военном положении, ультимативно потребовал от Совета выдать оружие и очистить Совет в течение пяти минут. После об'явления ультиматума дом был обстрелян, депутаты Совета арестованы и произведены обыски в помещениях партийных организаций.

Это открытое выступление контр-революции вызвало, с одной стороны, взрыв негодования в рабочих и солдатских массах Москвы, с другой—окрылило надеждой буржуазию. Одной из причин карательной экспедиции в Калугу называли отказ Калужского Совета Сол. Деп. (большевистского) отправить маршевые роты на фронт.

Во всей этой контр-революционной авантюре было много неясного, что не выяснено и до сих пор. Как мог Штаб МВО не знать того, что делается на его территории? И почему этот меньшевистско-эсеровский Штаб не принял столь же решительных мер против погромщиков, какие он

принял в сентябре против Корнилова? Ответ напрашивается сам собой: при Корнилове во главе Советов стояли меньшевики и эсеры, одобрявшие карательные отряды МВО против «непокорных» голодных и разутых воинских частей в Орле, Тамбове и других местах Московского Округа. Имеются все основания предполагать, что карательная экспедиция в Калугу была послана с ведома МВО [1]) и что комиссар Западного фронта лишь «превысил» свои полномочия и вместо «усмирения» маршевых рот разгромил Совет Р. и С. Д.

21 октября в «Известиях» появилось не совсем обычное об'явление о том, что «Президиумы Московского и Областного Советов на заседании при участии командующего войсками полковника Рябцева единогласно постановили довести до всеобщего сведения, что ни Москве, ни Моск. Воен. Округу никакие контр-революционные отряды не угрожают». Полковник Рябцев не только не выразил протеста против разгрома совета, не только не возбудил дела против погромщиков, но даже уклонился от официальной информации.

23 октября Исполнительный К-т Совета Раб. Деп., заслушав подробную информацию о калужских событиях, ограничился принятием весьма мягкой резолюции, в которой отмечал «отсутствие оснований» для ареста членов Совета, требовал их освобождения и настаивал на создании особой следственной комиссии для предания суду виновных.

В тот же день вечером состоялось при Моск. К-те большевиков совещание Военного Бюро с представителями из районов и воинских частей. Представители воинских частей без колебаний утверждали, что время для выступления настало

---

[1]) В «Хронике Революции» В. Максакова и Н. Нелидова, в. I, 1917 г., стр. 107, определенно говорится, что карательный отряд был послан из Москвы. Мы думаем, что это неверно.

и медлить нельзя, момент благоприятный, чтобы поднять солдат на борьбу с оружием в руках. Представители «Мастяжарт» (тяжелая осадная артиллерия) Мыза-раевского гарнизона, 56 пехотн. полка, запасной артиллер. бригады заявили, что их части выйдут по призыву Моск. Комитета и Военного Бюро. Другие указывали на необходимость призыва со стороны Совета... На собрании выяснилось, что московский гарнизон из рук вон плохо вооружен; в одних полках у половины солдат не было винтовок... Но и недостаток оружия не особенно беспокоил солдат. «Оружие найдется, лишь бы начать борьбу»,—говорили они. (О. Варенцова. «Военное Бюро при МК РСДРП (б)». Сборн. «От Февраля к Октябрю», стр. 79).

Резкий и решительный отпор погромщикам и их вдохновителям дал «Социал-Демократ» в статье от 24 октября «Гражданская война началась»:

«Война об'явлена. В Калуге разогнаны Советы, члены их арестованы, некоторые, по слухам, расстреляны. В городе хозяйничают казаки, посланные по приказанию Временного правительства с Западного фронта. Дело ясно. Правительство об'явило гражданскую войну и уже одержало первую победу в Калуге. То, что мы предсказывали, свершилось: уже не Корнилов, а Керенский во главе негодяев-капиталистов открыто идет против народа, который в течение семи месяцев одурачивал своими речами... Керенский и его агенты—наши открытые враги: никаких переговоров с ними. С врагами не разговаривают: их бьют... Необходим немедленный отпор. Время разговоров прошло...»

24 октября в соединенпом заседании Совета Р. и С. Д. тов. Бухарин огласил принятые Исполнительным Комитетом Совета Р. и С. Д. декрет № 1 и воззвание ко всему трудящемуся населению.

Вот текст этих исторических документов:

Декрет № 1

«1) Прием и увольнение рабочих производится администрацией предприятия с согласия фабрично-заводского комитета. В случае несогласия последнего, дело переносится на рассмотрение Районного Совета Рабочих Депутатов, решение которого является обязательным для сторон. До окончательного решения как прием, так и увольнение считаются несостоявшимися.

2) Прием и увольнение служащих производится с согласия комитета служащих.

Примечание 1. В тех предприятиях, где не существует отдельного комитета служащих, прием и увольнение их производится с согласия общего комитета.

Примечание 2. Фабрично-заводской комитет рабочих имеет право опротестовывать постановления комитета служащих, причем в этом случае дело разрешается соединенной примирительной комиссией при Совете Рабочих Депутатов.

3) Означенные постановления являются обязательными для всех предприятий гор. Москвы. Против виновных в нарушении их Совет Рабочих и Солдатских Депутатов будет применять самые решительные меры воздействия, вплоть до ареста их».

Воззвание [1]).

«К вам, солдаты, рабочие и крестьяне, и ко всем страдающим под гнетом нужды,—говорилось в воззвании,—обращается Московский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов.

Никогда еще не грозила всем нам такая великая смертельная опасность. К действиям войны, к потрясающей экономической разрухе, к бестоварью, дороговизне и голоду, которые возникают из преступной бойни народов, истощающей все силы

---

[1]) Печатается в извлечении.

страны, присоединяется *поистине адский план организованного капитала, поддерживаемого помещиками...*

По всей Москве поставили они рабочих в невыносимое положение нападением на фабрично-заводские комитеты, мешающие им спекулировать на народных бедствиях. Металлисты, текстильщики, деревообделочники, портные—накануне стачки. У всех главное требование—признание рабочих организаций.

При таких условиях Московский Совет решил *вмешаться в эту борьбу*. Он решил поддержать справедливые требования рабочих. Он решил не позволить капиталу продолжать свое издевательство. Он решил не допустить до проведения в жизнь людоедского плана фабрикантов и заводчиков. Он решил притти на помощь городской бедноте, обираемой домовладельцами и спекулянтами.

Совет вмешивается в борьбу. Но он знает, что со стороны врагов народа—со стороны буржуазии, помещиков, их генералов и их правительства—он натолкнется на бешеную ненависть. Уже и теперь против народа поднимается вооруженная рука контр-революции. Будем готовы, товарищи, ответить на их атаку дружной и стройной контр-атакой по всему фронту».

По оглашении декрета и воззвания, меньшевики и эсеры выступили с теми же заявлениями, что и в Пленуме 19 октября и 23 октября в Исполкоме. Выступили также и об'единенцы, как всегда, с половинчатой и непоследовательной резолюцией. С одной стороны, их резолюция говорит о том, что «такие бессистемные выступления... могут только усилить те бедствия, против которых они направлены, и что фракция об'единенцев не может взять на себя ответственность за предложенный декрет № 1; с другой,—они считают для себя обязательным принятие всех мер, «чтобы выступления проле-

тариата производились организованно и планомерно». Меньшевики и эсеры прекрасно знали, что речь идет о захвате власти, о свержении Временного правительства и потому по мере сил старались противодействовать развитию революции; «об'единенцы», соглашаясь с меньшевиками в оценке тактики пролетарской партии, пытались принимать участие в «органической» работе.

В том же заседании Советов вновь был поставлен вопрос об уставе Красной гвардии. Докладчик по этому вопросу тов. Розенгольц сообщил, что «в течение 1½ месяцев обсуждение устава встречает противодействие со стороны эсеров и меньшевиков. Не касаясь принципиальной стороны вопроса, который был решен еще 5 сентября, тов. Розенгольц оглашает проект устава Красной гвардии.

После длительного противодействия и волокиты меньшевики выступили, наконец, с откровенным заявлением о том, что «организация Красной гвардии во имя «спасения революции» является технически невыполнимой, утопической по задачам и лишь сеет рознь и недоверие между рабочим классом и армией». Затем Манжос от имени Совета Солд. Деп. заявил, что Совет еще в заседании 12 октября отказался принять участие в обсуждении устава Красной гвардии, предоставляя решение этого вопроса Совету Раб. Деп. и слагая с себя всякую ответственность за последствия.

Это позорное заявление оторвавшейся от солдатской массы меньшевистско-эсеровской верхушки было достойным образом оценено Пленумом Советов Р. и С. Деп.: устав Красной гвардии принимается большинством 374 голосов, против 8, при 27 воздержавшихся.

Положение дел в Петрограде в это время представлялось в таком виде:

23 октября ВРК публикует об'явление к населению Петрограда, в котором извещает о на-

значении комиссаров при воинских частях и особо важных пунктах столицы. Одновременно воинские части призываются к неподчинению распоряжениям Штаба.

В ответ на это Штаб Округа, по приказанию Керенского, в ультимативной форме требует от ВРК отмены своего распоряжения и, получив отказ, приступает к стягиванию в Петроград контр-революционных воинских частей. На Неве разводятся мосты. На улицах появляются патрули юнкеров, и 24 октября к 3 час. дня всякое движение через мосты прекращается. У Зимнего Дворца появляются верные Временному правительству юнкера и женский «батальон смерти». Вечером происходят отдельные столкновения с отрядами войск, противодействующих разведению мостов. В ответ на все эти мероприятия Временного правительства ВРК приводит верные ему полки в боевую готовность.

24 октября вечером юнкера закрывают типографии, в которых печатались большевистские газеты «Солдат» и «Рабочий Путь». ВРК посылает караул солдат, под охраной которых газеты продолжают печататься. Временное правительство выносит поистине историческое по своей наивности постановление: «Привлечь членов ВРК к уголовной ответственности за распространение воззвания, призывающего к неповиновению властям...» Министр же юстиции торопится исправить допущенную после корниловской авантюры «ошибку» и снова арестовать всех большевиков, привлекавшихся по делу о выступлении 3—5 июля.

Так развертывались события в Петрограде.

Не дремала и Москва. Уже 24 октября начинаются совещания Думы под руководством Руднева по организации «Комитета Общественной Безопасности». 25 октября комитет был организован, в него вошли, кроме представителей Думы,

представители Совета Р. и С. Д. (меньшевики и эсеры), Штаба, железнодор. и почтово-телеграф. союзов, земства и Совет Крест. Депут. 24 октября в Думу были привезены пулеметы и спрятаны в подвальных коридорах, там же были размещены юнкера [1]). Одновременно организуются белогвардейские отряды. В тот же день полковник Рябцев об'являет по войскам московского гарнизона: «...По городу распространяются слухи, будто бы Округу и в частности Москве кто-то откуда-то и чем-то грозит... Слухи эти волнуют и без того взволнованное население. Заявляю, что никакие погромы, никакая анархия не будут допущены, в частности в Москве они будут раздавлены верными революции и народу войсками беспощадно. Сил же на это достаточно».

Не подлежит сомнению, что это об'явление Рябцева, составленное в неясных и загадочных выражениях, имело в виду и партию большевиков. Рябцев, конечно, знал об организационных шагах партии и пытался дезорганизовать эти шаги угрозой подавить «анархию» беспощадно.

Московский Комитет, которому полностью принадлежала подготовка восстания, уже 22 октября все текущие дела передает в образованные комиссии, а для руководящей политической работы избирается секретариат.

IX.

ОКТЯБРЬСКОЕ ВОССТАНИЕ В МОСКВЕ

25 октября Московский Комитет постановляет: 1) поручить тотчас же советской фракции немедленно создать боевой центр на пропорциональ-

---

[1]) См. Максаков и Нелидов «Хроника Революции», в. I. 1917 г., стр. 111.

ных основах из 3 большевиков, 1 меньшевика, 1 эсера, 1—от Кр. гвардии и 1 от Штаба, причем соотношение сил должно быть 4:3; 2) продолжать работу военной организации; 3) поручить Военному Бюро поднять во всех частях политическую кампанию за неподчинение каким-либо решениям без санкции Совета Раб. и С. Деп. Намечая представителя штаба в состав В. Р. К-та имелось в виду, что штаб свяжет В.-Р. К-т со всеми воинскими частями, связь с которыми несмотря на энергичную работу Военной организации при МК, была очень слаба и меньшевистско-эсеровский президиум Совета Солдат. Депутатов фактически еще руководил солдатской массой.

В боевой центр были намечены: тт. Смирнов В., Ломов Г., Муралов Н., Рыков А., Будзинский и Усиевич (в качестве кандидата).

В том же заседании был выбран боевой центр партии из 7 человек: 2 представителя от МК—Пятницкий и Владимирский, 2 от Областного Бюро—т. Яковлева В. Н. и Стуков, заместитель—Кизельштейн; от Окр. К-та—Соловьев В. И., заместителем—Сапронов; от Ц. Бюро Профсоюзов—Козелев; от Военного Бюро—Ярославский. Создавая партийный центр, Моск. К-т имел в виду сохранить за собой решение наиболее важных принципиальных вопросов, которые могут возникнуть в процессе восстания (например, вопрос о переговорах с противником, выработка условий мира, замена или пополнение членов Ревкома и т. д.). На Революционный Комитет возлагалась вся боевая и оперативная работа. Однако, это разделение функций проводилось слабо. Ревком в процессе борьбы расширил свои функции и значительно изменил свой состав.

25 октября созывается Пленум Советов Р. и С. Д. В порядке дня основной вопрос о создании «революционного центра власти в Москве».

Председатель Совета тов. Ногин находился в Петрограде. Историческое заседание открывает тов. Смидович. Свою вступительную речь он начинает с заявления, что «за эти 8 месяцев мы подошли к наиболее революционному и, может быть, трагическому моменту». «Мы,—говорит далее Смидович,—сейчас в процессе создания... новой революционной власти... и в полном сознании сложности и трагичности текущих событий. Пусть каждый из нас сознает, что в настоящий момент ответственность каждого из нас перед русским народом, перед русской историей возрастает в громадной степени и пусть в сознании этой ответственности приступим мы к этой работе, необходимой для России, и к работе, которую мы формулировали несколько раз. Сегодня мы будем говорить об образовании нового центра в Москве—революционного центра власти. Как он будет организован, именно об этом будем сегодня говорить (курсив наш.—*Н. А.*) Затем фракции сделают заявление о принципе организации власти здесь в Москве, а затем разойдемся по фракциям, чтобы выработать план этой организации. Мы должны все силы направить на то, чтобы всем вместе участвовать в строительстве того органа, который будет гарантировать порядок и спокойствие в Москве. Мы должны все сделать, чтобы притти к единому плану этого строительства...»[1]).

После речи т. Смидовича Пленум выслушивает информацию представителей фракций о петро-

---

[1]) Вопрос о переговорах В.-Р К-та о принципах организации власти в Москве требует специального изучения. Поэтому редакция рассматривает работу т. Ангарского в этой части лишь как попытку систематизировать все имеющиеся документы и мемуары по этому вопросу, отнюдь не считая работу в этой части окончательной.

Редакция.

градских событиях. Тов. Муралов оглашает полученные по телефону из Петрограда от Ногина сведения о низложении Временного правительства и переходе власти в руки В. Р. К-та. Меньшевики и эсеры пытаются представить дело так, что правительство не арестовано, причем ссылаются на информацию Рябцева, сделанную им на собрании бюро фракций: «Силы той и другой стороны, говорит Исув, собраны, но ни та, ни другая сторона не решается сделать первой выступление... к Петрограду подходят... две дивизии. Идут они под руководством армейского Комитета... Может быть им удастся об'единение двух частей демократии, которые стоят друг против друга ощетинясь...»

Затем Исув оглашает ту резолюцию, которая была принята единогласно на заседании бюро всех фракций по вопросу о создании в Москве демократического органа власти. Вот текст этой резолюции:

«Для восстановления революционного порядка в Москве и охраны от всяких попыток контр-революции, создается Временный Демократический Орган, составленный из представителей Совета Р., С. и Кр. Депутатов, Городского Самоуправления, Земского Самоуправления, Штаба Округа, Железнодорожного Всероссийского Союза и Почтово-Телеграфного Союза».

Текст этой резолюции не был известен фракции большевиков в целом. Собрание бюро всех фракций слишком затянулось. В ожидании решения вопроса Пленум начался с большим опозданием и резолюция, принятая на собрании представителей бюро фракций, внесена была непосредственно в Пленум.

Однако, текст этой «согласительной» резолюции до такой степени не отвечал настроению большевистской фракции и так расходился с линией партии большевиков, что группа товарищей во главе с Розенгольцем выну-

БОЕВОЙ ЦЕНТР ПАРТИИ

М. Ф. Владимирский.

В. Н. Яковлева.

О. Пятницкий.

В. И. Соловьев. Вошел в состав В. Р. К. 27/X от парт. Центра.

И. Н. Стуков. Вошел в состав В. Р. К. 27/X от парт. Центра.

Емельян Ярославский.

ждена была потребовать перерыва заседания для обсуждения создавшегося положения в связи с оглашенной резолюцией. Перерыв, несмотря на выкрики меньшевиков и эсеров о «срыве» наметившегося соглашения, был об'явлен. На заседании фракции «согласительная» резолюция была подвергнута резкой критике. Представителям Бюро фракции было указано, что принятая ими резолюция не только идет в разрез с линией партии и не соответствует политическому положению, но и может оказать плохую услугу восставшим питерским рабочим. Часть товарищей продолжала отстаивать «согласительную» резолюцию, указывая на то, что большевики могут получить большинство в том органе власти, который решено организовать.

Подавляющее большинство фракции высказалось против «согласительной» резолюции и приняло предложенную т. Розенгольцем следующую резолюцию:

«Московские Советы Р. и С. Депутатов выбирают на сегодняшнем пленарном заседании Революционный Комитет из семи лиц. Этому Революционному Комитету предоставляется право кооптации представителей других революционных демократических организаций и групп с утверждения Пленума Совета Р. и С. Д. Избранный Революционный Комитет начинает действовать немедленно, ставя себе задачею оказывать всемерную поддержку Революционному Комитету Петроградского Совета Р. и С. Д.».

Для защиты резолюции в Пленуме Советов фракция выдвинула т. Розенгольца.

Заседание возобновляется под председательством т. Игнатова. Тов. Розенгольц от имени фракции большевиков выступает с изложением точки зрения фракции на те задачи, которые должен преследовать учреждаемый орган революционной

власти. «Этот орган, — заявил т. Розенгольц, — должен оказывать помощь нашим товарищам в Петрограде, рабочим и солдатам. Мы считаем, что теперь, когда загорелась борьба, позиция уклончивости, позиция виляния недопустима, нужно ясно и определенно сказать, на чьей стороне мы,— на той или другой, и я вас, товарищи, всех призываю быть искренними и сказать, с нами вы или против. Фракция большевиков призывает всех в С. Р. и С. Д. без различия партий и фракций в этот ответственный момент быть с рабочими и солдатами Петрограда, это—ваша священная обязанность, и если вы ее не выполните, вы будете предателями и изменниками, но я надеюсь, что здесь таких не найдется...»

Речь т. Розенгольца прерывается возгласами: «Демагогия!..» «Это не демагогия,—отвечает т. Розенгольц,—в то время, когда нужно действовать... нельзя вилять хвостом. Нужно сказать: да или нет».

Что касается вопроса о соглашении В. Р. К-та с другими организациями, то в этом отношении т. Розенгольц допускал возможность совместной работы (боевого соглашения) и с городским самоуправлением, и профсоюзами, и ж.-д. союзом,— словом, со всеми, кто искренно захотел бы оказать поддержку восставшему петроградскому пролетариату и гарнизону, а не для «восстановления порядка и защиты от контр-революции».

Выступления меньшевиков и эсеров в этом историческом заседании Советов носили исключительно страстный характер. В речах Исува и Ратнер (эсерка) чувствовался пафос отчаяния. «Товарищи московские большевики,—восклицал Исув,— не сжигайте за собой корабли, не рвите демократического фронта накануне Учредительного Собрания... Не изолируйте рабочий класс, не раскалывайте его, не представляйте собой легкой мишени для своих врагов...»

Выступавший от об'единенцев т. Ясенев в общем поддерживает меньшевистскую резолюцию о создании единого органа власти на основе представительства всей демократии.

Пленум большинством 394 голосов, против 106, при 23 воздержавшихся, принял резолюцию большевиков. За резолюцию, предложенную Исувом, голосовало 113 и против—376, фракция эсеров участия в голосовании не принимала.

После голосования меньшевики просят перерыва для того, чтобы обсудить создавшееся положение.

После перерыва Югов от фракции меньшевиков заявляет, что ими «сделано все, чтобы удержать рабочий класс и солдат от опасного, гибельного пути, на который они вступили. Вам угодно было большинством голосов решить, что вы на этот путь идете... Перед нами стоит вопрос, как нам поступить? Товарищи эсеры решили вопрос просто. Они в этот орган не входят. Мы, меньшевики, так просто вопроса решить не можем. Наш долг— оберегать рабочий класс и московский гарнизон до конца от той авантюры, от того опасного пути, на который вы вступили. Поэтому мы в этот орган войдем, но войдем не для тех целей, для которых вы идете, а для того, чтобы продолжать там ту же разоблачительную работу, которую мы делали в Совете, для того, чтобы смягчить все те губительные последствия, которые падут на голову пролетариата и солдат Москвы».

И действительно, меньшевики в первые дни Военно-Революционного Комитета все сделали, чтобы задержать успешный ход восстания.

Это историческое заседание Советов закончилось выборами В.-Р. К-та. От фракции большевиков были избраны тт. Смирнов В., Муралов Н., Усиевич Г. и Ломов Г., и кандидатами к ним— тт. Аросев, Москалев, Рыков, Будзинский. От мень-

шевиков—Тейтельбаум и Николаев, от об'единенцев — Константинов и кандидаты Гальперин и Ясенев.

Принятая на заседании представителей бюро фракций[1]), оглашенная Исувом, резолюция, представляет собой как бы начальное звено в цепи тех переговоров, которые вел В.-Р. К-т все время до 5 ноября, когда местная власть была наконец окончательно оформлена.

Тов. Игнатов в книге «Московский Совет в 1917 г.», излагая ход исторического заседания 25 октября и приводя текст «согласительной» резолюции, говорит, что «против такого принципа не возражали и большевики, но весь вопрос шел из-за количества представителей партии. Мы настаивали на советском большинстве, Руднев и кампания—на думском. Понятно, что эта формула без определенного содержания не удовлетворила Пленума, и после некоторых вопросов с мест Пленум вновь разбился на фракции» (стр. 352).

Это «раз'яснение» совсем не убедительно. Т. Игнатов говорит, что «против принципа» (подчеркнуто мной.—*Н. А.*) образования революционного органа власти в Москве «не возражали и большевики» (т.-е. большевики в согласительной комиссии.—*Н. А.*). Это непонятно. Ведь согласительная резолюция в корне расходилась с точкой зрения партии большевиков и, в частности, Московского Комитета. Ведь Московский Комитет, постановляя избрать 25 октября Боевой Центр, имел в виду его составление из партий, входящих в Совет, а не на принципе представительства от Советов, Думы, Земства и т. д. И если т. Игнатов думает, что против «принципа»

---

[1]) От большевиков на заседании присутствовали тт. В. Смирнов и П. Смидович.

организации демократического органа «не возражали и большевики», то он впадает в несомненную ошибку, полагая, что большевики могли идти на подобное соглашение. Еще более существенное возражение встречает формулировка цели, во имя которой решено было создать «демократический орган».

И Московский Комитет и советская фракция большевиков в целом решили начать восстание. Речь уже идет о создании Военно-Революционного Комитета, а т. Игнатов оправдывает тех большевиков, которые на собрании представителей бюро всех фракций «не возражали» против согласительной резолюции.

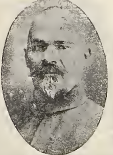
Т. Игнатов упускает из виду самое главное, основное, что заключается в «согласительной» резолюции, а именно: в Москве создается не боевой орган, не В.-Р. Комитет для восстания, для поддержки петроградских восставших рабочих, а «демократический»—«для охраны революционного порядка и защиты завоеваний революции от натиска контр-революционных сил». Как же могли большевики голосовать за такой орган, явно не соответствующий задачам партии? Резолюция вполне отвечала общей линии меньшевиков—создания правительства, ответственного перед «широкой демократией». Их предложение создания «демократического органа» по сути дела предрешало вопрос о власти. Т. Игнатов полагает, что «согласительная» резолюция потому не удовлетворила Пленума, что меньшевики не соглашались представить большинство в «демократическом органе» Советам и настаивали на думском большинстве. Нет, не потому фракция большевиков потребовала перерыва и нового обсуждения вопроса: самая цель создания «демократического органа» противоречила всей линии партии. «Согласительная» резолюция выдвигала идею организации

ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННЫЙ КОМИТЕТ.

(ЧЛЕНЫ В.Р.К., ИЗБРАННЫЕ 25 ОКТЯБРЯ).

В. М. Смирнов.

Н. И. Муралов.

Г. А. Усиевич.

Г. И. Ломов.

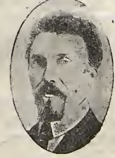

А. П. Розенгольц. Кооптирован в состав В. Р. К. 25 окт. после Пленума Советов.

(КАНДИДАТЫ В ЧЛЕНЫ В.Р.К., ИЗБРАННЫЕ 25 ОКТЯБРЯ).

А. Я. Аросев.

А. И. Рыков.

С. Я. Будзинский

демократического, а не советского органа, который должен был бы выжидать исхода питерских событий, то-есть оставить питерских рабочих без всякой поддержки.

Т. Игнатов сообщает, что и «во время фракционных собраний переговоры (с меньшевиками и эсерами) ни на минуту не прерывались» и что «Рябцев, было, закачался и стал переходить на сторону советского большинства». Если даже предположить, что представители бюро большевистской фракции добились бы согласия на включение в «демократический орган» советского большинства, то и в этом случае мы имели бы не советский революционный орган вооруженного восстания, а разношерстный, путаный конгломерат лиц, который только скомпрометировал бы самую идею восстания и послужил бы в будущем основанием для организации не Советской власти, а власти «Революционной демократии».

26 октября военной организацией МК было созвано собрание представителей ротных комитетов, которое большинством 212 голосов против одного, при 22 воздержавшихся, постановило: «Ротные комитеты будут подчиняться только распоряжениям Военно-Революционного Комитета Совета Р. и С. Д. и требуют слияния Советов и перевыборов их в кратчайший срок. Помимо того, собрание постановило послать в Рев. Ком. и к полковнику Рябцеву представителей с требованием немедленно увести от Кремля юнкеров и освобождения осажденных солдат 56 полка. В случае отказа Штаба, Рев. Ком. должен принять самые решительные меры для освобождения арсенала и 56 полка. Рабочие и солдаты должны быть немедленно вооружены».

В тот же день В.-Р. К-т назначает т. Е. Ярославского комиссаром Кремля и арсенала и т. Берзина комендантом Кремля.

ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННЫЙ КОМИТЕТ.

(Товарищи, кооптированные в состав В.-Р. К. 27 окт.).

т. Кушнер. т. Пупко. А. С. Ведерников.

В. П. Ногин. Е. Н. Игнатов. П. Г. Смидович.

Между тем, юнкера начинают окружать Кремль и занимают прилегающие к нему улицы. Положение пока неопределенное. Обе стороны мобилизуют силы. В.-Р. К-т и Районные Ревкомы пытаются получить оружие в Кремлевском арсенале, охраняемом батальоном 56 полка. 26 октября некоторое количество оружия удается получить.

В тот же день состоялось экстренное заседание Исп. К-та Моск. Губ. Совета Кр. Деп., который постановил: 1) немедленно созвать Губернское Земство, 2) оказать поддержку Ком. Общ. Безоп., 3) обратиться с воззванием к населению под-

держать Думу и Земство и 4) согласовать все свои действия с Советом Солд. Депутатов.

Таким образом, Губернский Исполком открыто стал на сторону контр-революции.

26 октября в «Известиях» от имени В.-Р. К-та были опубликованы воззвания к солдатам, крестьянам, железнодорожникам и почтово-телеграфным служащим:

«...Товарищи!—говорилось в воззвании к солдатам,—хотите ли вы, чтобы Учредительное Собрание, наконец, действительно было созвано в означенный срок? В таком случае поддерживайте петербургских товарищей... Хотите ли вы, чтобы вся земля немедленно и бесповоротно перешла к народу? В таком случае поддержите Петербургский Совет!.. Товарищи солдаты! Хотите ли вы, чтобы возобновилась и развернулась решительная революционная борьба против подлой, преступной войны? В таком случае поддержите Петербургский Совет!..»

Воззвание к крестьянам заканчивалось призывом:

«...Твердо скажите: народу вся власть и вся земля! Не допускайте, чтобы помещики посредством голода опять отняли от вас землю и власть!»

В воззвании к железнодорожникам, напечатанном крупным шрифтом, говорилось: «...Товарищи! Удвойте работу! Помните: центры революции сидят без топлива и продовольствия, революционная армия—в тисках голода и холода. Удвойте усилия, чтобы спасти революцию от ужасного положения, до которого довела ее буржуазия, овладевшая властью за спиной народа. Товарищи! от вас зависит—получит ли революция смертельный удар или поднимется на высшую ступень!..»

Почтово-телеграфных служащих В.-Р. К-т призывал не принимать телеграмм от калединцев и корниловцев к их петербургским союзникам и по-

кровителям... Все подозрительные телеграммы и документы немедленно передавать местным Советам.

И уже в самый последний момент было напечатано полученное поздно ночью известие из Петрограда о занятии Зимнего дворца и о том, что правительство будет низложено. Известие заканчивалось словами: «Переворот произошел спокойно: ни одной капли крови не было пролито. Все войска на стороне Военно-Революционного Комитета».

Получив это сообщение, В.-Р. К-т в том же номере «Известий» об'являет:

«1. Весь московский гарнизон немедленно должен быть приведен в боевую готовность. Каждая воинская часть должна быть готова выступить по первому приказанию В.-Р. К-та.

2. Никакие приказы и распоряжения, не исходящие от В.-Р. К-та или не скрепленные его подписью, исполнению не подлежат».

26 октября созывается экстренное заседание Исполнительного Комитета Р. и С. Д. Председательствует только что возвратившийся из Петрограда т. Ногин. После доклада о петроградских событиях, т. Ногин информирует Исполком о своих переговорах с полковником Рябцевым:

«Приехав для выяснения создавшегося положения в Кремль к полк. Рябцеву вместе с представителем В.-Р. К-та, я выслушал заявление Рябцева, который сказал, что он не относится враждебно к В.-Р. К-ту и не желает итти против воли демократии. Когда ему было указано мною на неясность такого сообщения, то Рябцев об'яснил, что под волей демократии он подразумевает решения, вынесенные социал-демократами большевиками и меньшевиками, соц.-революционерами и партией трудовиков. После об'яснений стороны пришли к выводу, что все действия, которые были произведены обеими сторонами, должны быть лик-

видированы. Юнкера будут отведены. В.-Р. К-т отведет свои части. Представители В.-Р. К. должны послать своего представителя в Ставку. По вопросу о вооружении рабочих Рябцев просил приехать представителя В.-Р. К-та, чтобы совместно выработать норму вооружения».

Из этого сообщения Ногина прежде всего устанавливается факт, что Рябцев 26 октября не прочь был мирно ликвидировать надвигавшиеся боевые действия, но при условии создания единого демократического органа, то-есть такого, о котором шла речь 25 октября перед открытием Пленума Советов на заседании представителей бюро всех фракций. Тов. Ногин, находившийся 25 октября в Петрограде, повидимому, не знал еще всех подробностей этих переговоров и потому, допуская возможность соглашения, был уверен в том, что ему удастся ликвидировать конфликт.

Как бы в ответ на воззвания В.-Р. К-та и приказ по войскам московского гарнизона, Комитет Общественной Безопасности за подписью Руднева публикует 27 октября следующее об'явление:

«В.-Р. Комитет, образованный большевистской частью Советов Р. и С. Д., приступил к захвату власти. Ответственность за последствия этого действия ляжет на него. Настоящим об'является, что все законные распоряжения исходят лишь от Комитета Общественной Безопасности. Все распоряжения, исходящие от В.-Р. К-та, не подлежат исполнению. Комитет Общественной Безопасности призывает все сплотившиеся вокруг него силы к стойкой и твердой защите правого дела... Комитет Общественной Безопасности об'являет, что все попытки со стороны преступных лиц использовать момент, чтобы начать погромы и грабежи, будут подавляться решительно, вплоть до применения вооруженной силы».

В тот же день, 27 октября, В.-Р. К-т опубликовал известную радиотелеграмму Петербургского В.-Р. К-та ко всем армейским комитетам о свержении правительства Керенского.

Комитет Общественной Безопасности за подписью Руднева пытается ослабить впечатление от этой радиотелеграммы и также выпускает воззвание к полковым, ротным и командным комитетам, в котором, раз'ясняя цели организации Комитета Общ. Безопасности, призывает подчиняться только распоряжениям Моск. Военного Округа, а не «самочинной» организации, именуемой В.-Р. К-т.

27 октября полк. Рябцев об'являет Москву и Москов. Военный Округ на военном положении. Приказ, составленный «в полном согласии» с К-том Общ. Безопасности, гласил: «Возникший в Москве В.-Р. К., немедленно должен быть ликвидирован. Все приказания, идущие от Комитета, незаконны и исполнению не подлежат. В каждом гарнизоне сейчас же подготовить части войск, верных революции и правительству, выбранному свободным волеиз'явлением народа, а не захватным правом, и по первому моему требованию выслать их в Москву».

В воззвании к населению Комитет Общ. Безопасности, оправдывая введение в Москве военного положения, говорит: «Все попытки сплочения с большевистским В.-Р. К-том... ни к чему не привели. Несмотря на все уверения, он не вывел из Кремля отказавшуюся повиноваться воинскую часть и было допущено самое широкое расхищение оружия, пулеметов и снарядов и снабжение ими большевистских организаций. В городе идет усиленная погромная агитация. Захватываются комиссариаты, типографии, гаражи, расхищается оружие... В тяжелый грозный час, переживаемый Россией, все должны сплотиться для защиты

родины и революции вокруг Комитета Общ. Безопасности..., который примет все меры... к недопущению никаких выступлений против завоеваний революции...»

Первоочередной задачей штаба белогвардейских войск было взятие Кремля.

Положение в Кремле создалось весьма сложное. Там находился признавший В.-Р. К-т батальон 56-го и одна рота 193 полков. Комендантом Кремля был назначен прап. т. Берзин. Эти воинские части охраняли арсенал и несли караульную службу, ими же были заняты все внутренние входы в Кремль,—внешние же находились в руках юнкеров, охвативших Кремль к 27 октября довольно тесным кольцом. Николаевский дворец в Кремле был занят офицерами 56-го и Украинского полков и чинами кремлевской комендатуры. Таким образом, в Кремле одновременно находились и революционные воинские части и контрреволюционный штаб.

К утру 27 октября юнкера уже занимают манеж, улицы, прилегающие к Кремлю, и затрудняют связь В.-Р. К-та с кремлевским гарнизоном. Посланные в кремлевский арсенал грузовики за оружием из районов задерживаются уже нагруженные.

Таким образом, надежда на вооружение солдат и рабочих из запасов кремлевского арсенала не осуществилась.

По свидетельству т. Муралова, у противника было около 10.000 человек; на стороне В.-Р. К-та было не менее 40.000, но в то время как юнкера и офицеры были прекрасно вооружены — части войск В.-Р. К-та были не только весьма слабо вооружены, но и распылены. Активных сил, по свидетельству т. Муралова, у В.-Р. К-та было не более 15.000 человек, в том числе 1-я артилл. бригада, самокатный батальон, команда двинцев и около 3.000 вооруженных рабочих. Хорошо

вооруженный батальон 56 полка, как уже было сказано, фактически был заперт в Кремле.

Прибывшая в Кремль для усиления гарнизона рота 193 полка, по соглашению с полк. Рябцевым, была возвращена обратно в Хамовнические казармы.

27-го вечером В.-Р. К-т спешно вызвал из Замоскворечья отряд двинцев, которые на Красной площади были обстреляны юнкерами и понесли большой урон. Это была первая кровь, пролитая по вине юнкеров. После обстрела двинцев превосходными силами юнкеров, — столкновения начались вокруг Кремля по всей линии.

И все-таки, даже при явном желании противника сорвать переговоры, В.-Р. К-т продолжал надеяться, что мирный исход разрешения конфликта еще не потерян, и В.-Р. К-т принимает выработанный т. Усиевичем совместно с явившимися в В.-Р. К. левыми эсерами проект организации революционного органа власти, в который входила бы советская семерка и 10 представителей от других организаций, но чтобы перевес принадлежал большевикам.

Об этом проекте В.-Р. К-т, в лице тов. Усиевича, вел переговоры с представителями Совета Солд. Депутатов. Соглашение, как говорил в своем отчете Пленуму Советов 9 ноября т. Усиевич, «казалось возможно», и представители всех партий в тот же день, 27 октября, отправились все вместе на гарнизонное собрание, на котором присутствовало не менее 2.000 человек, и доложили о том, что «соглашение почти состоялось». Причем Усиевич, как это подтверждает т. Игнатов, за основу соглашения брал «платформу совещания бюро фракций с ничтожным преобладанием советского большинства» (Игнатов «Москов. Совет», стр. 370).

Однако, соглашению этому так и не суждено было претвориться в жизнь. «... Оказалось,—говорит т. Усиевич на пленуме Советов 7 ноября,—что все это мыльный пузырь, на деле оказалось, что левая часть соц.-рев., которая шла на это соглашение, не оказалась достаточно сильной, силы оказались в руках правой части соц.-рев. Городской Думы, и эта правая часть не шла ни на какие соглашения, она требовала ареста В. Р. К-та...»

И, однако, если допустить, что меньшевики и эсеры приняли бы проект организации «революционного органа власти», в который вошла бы советская «семерка», то ведь совершенно несомненно, что мы имели бы не советский орган даже при наличии в нем преобладания большевистских голосов. Это был бы в лучшем случае орган «революционной демократии», в планы которого вовсе не входило поддерживать восстание питерских солдат и рабочих. И наконец, идя на такое соглашение ВРК из боевого органа восстания превращался в демократический орган власти, предрешая до некоторой степени форму организации власти во всероссийском масштабе.

Положительной стороной всех этих длительных переговоров можно, пожалуй, признать тот выигрыш времени, который оказался выгодным для В.-Р. К-та: во-первых, подходившие к Москве, по вызову Штаба Округа, воинские части, попадая в Москву, в значительном количестве переходили на сторону В.-Р. К-та; во-вторых, рабочие в районах начинают вооружаться и переходить в наступление.

27 октября, вечером, говорит т. Пятницкий, был созван Моск. Комитет партии, в виду разногласий, возникших между В.-Рев. К-ом и партийной «семеркой», по вопросу о переговорах с Рябцевым и Рудневым. МК подавляющим большин-

ством воспретил В.-Р. К-ту вести переговоры с белогвардейцами [1]).

Состав В.-Р. К-та после ухода меньшевиков и об'единенцев значительно изменился. Помимо т. Розенгольца, кооптированного сейчас же после Пленума Советов 25 октября, в ВРК были делегированы 27 октября от профсоюзов Кушнер, Мельничанский и Рыкунов, от союза городских рабочих т. Пупко; затем были кооптированы т. Игнатов от фракции Исполкома и т. Мостовенко от гарнизонного собрания. Представителям профсоюзов было предоставлено право совещательного голоса.

28 октября был кооптирован т. Саблин (левый с.-р.). В тот же день, 28 октября, ночью партийная «семерка» переходит в Замоскворецкий район, оставив для координирования действий в составе В.-Р. К-та тт. В. Соловьева и И. Стукова.

К этому списку необходимо добавить тт. Ногина и Смидовича, которые принимали участие в работе В.-Р. К-та, причем т. Смидовичем были подписаны условия мира.

В 6 ч. вечера 27 октября полк. Рябцев пред'явил В.-Р. К-ту первый ультиматум: «1) Немедленная ликвидация всех действий В.-Р. К-та и его упразднение. 2) Немедленный отвод из Кремля караульного батальона 56 полка. 3) Немедленный возврат вывезенного из арсенала оружия».

Ультиматум был доставлен в В.-Р. К-т меньшевиком Исувом, просившим «не сжигать за собой все мосты» и принять ультиматум.

Отвергнув рябцевский ультиматум, В.-Р. К-т отправил с тем же Исувом в Комитет Общ. Безо-

---

[1]) О. Пятницкий.—«Из моей работы в Московском Комитете» «Сборник от Февраля к Октябрю» М. 1923 г., стр. 61.

пасности следующее, подписанное т. Смидовичем, предложение:

«Револ.-Демократический Комитет состоит из представителей С. Р. и С. Д. в числе 7 лиц пропорционально фракциям, из представителей Совета Кр. Деп., Городской Думы, Земского Самоуправления, Железнодорожного Союза, Штаба (совещ. голос) и других общественных, профессиональных и демократических организаций. По соглашению участников Особого Совещания, созываемого для создания указанного органа и состоящего из представителей Советов (всех трех), Городской Думы и партий (три фракции Р.С.Д. Р.П. и С.Р), первым делом совещания является принятие спешных мер, гарантирующих отсутствие возможности столкновения между отдельными частями. Все решения Совещания, принятые единогласно, обязательны для всех организаций, участвующих в Совещании. Созданный орган является единственным и высшим органом Москвы, распоряжениям которого все организации и учреждения г. Москвы как частные, так и общественные и государственные безусловно подчиняются. Состав учреждаемого органа утверждается Пленумом Совета. Само собой разумеется, что утверждаться состав может и другими, участвующими в Совещании, организациями».

Условия эти несколько отличаются от первоначального предложения В.-Р. К-та, выработанного т. Усиевичем совместно с представителями левых эсеров. Предложение т. Усиевича сводилось к образованию революционного советского органа, в который входят 7 представителей от Совета и 10 представителей от разных других организаций с тем, чтобы в этом органе было 9 большевиков и 8 представителей других партий.

В настоящем предложении идет речь об Особом Совещании из представителей Советов, Зем-

ства, Думы и др. организаций, которое (Совещание) выбирает рев.-демократический комитет.

Далее говорится, что состав учреждаемого органа утверждается Пленумом Советов, таким образом получается как будто советский орган, но, с другой стороны, чувствуется явная несообразность: Пленум не может утверждать представителей Думы и Земства. Это сознает и В.-Р. К-т: «Само собой разумеется, что утверждаться состав может и другими, участвующими в Совещании организациями».

Таким образом этот проект соглашения идет дальше проектов 25 октября и т. Усиевича и предполагает создание Особого Совещания (нечто вроде «Демократического Совещания» в местном масштабе), которое и выбирает местный орган власти. Совершенно очевидно, что это уже будет не советский орган, а скорее орган «рев.-демократии».

Неясны и цели создания такого органа власти. Для чего он создается? Для «охраны революционного порядка»? Но ведь такая формулировка была отвергнута еще на Пленуме 25 октября, а о поддержке восставших в Петрограде рабочих и солдат ни в предложении т. Усиевича, ни в позднейшем предложении ВРК, подписанном т. Смидовичем, ничего не говорится.

Помимо всего, следует признать, что последний проект, не прибавляя ничего по существу нового, принципиального к предложению, принятому 25 октября на собрании бюро фракций, и к проекту Усиевича, выработанного совместно с левыми эсерами, лишь доводит до логического конца неясную в первых редакциях мысль: кто же в конечном счете утверждает представителей демократических организаций, входящих в «Орган власти»? Пленуму ни Дума, ни Земство, ни Викжель не подчинены—вот для разрешения этого недора-

зумения проект и предусматривает создание «Особого Совещания».

Необходимо заметить, что только в резолюции, предложенной Пленуму Советов 25 октября т. Розенгольцом от имени фракции, был дан единственно правильный ответ по этому важнейшему вопросу. В этой резолюции была ясно указана, во-первых, цель, ради которой создается В.-Р. К-т (а не «Орган власти»)—поддержка питерского восстания, что же касается демократических организаций, то резолюция разрешала В.-Р. К-ту кооптировать представителей этих организаций для конкретного дела—военно-боевых действий, причем представители эти должны еще быть утверждены Пленумом Советов.

В тот же день вечером 27 октября после пред'явления Рябцевым ультиматума, ВРК совместно с Центр. Бюро профсоюзов призывает московских рабочих к всеобщей забастовке и к фактическому осуществлению власти революционным путем. Этот призыв поднимает настроение масс, не одобрявших нерешительность ВРК. Районы начинают развивать наступление к центру, постепенно охватывая юнкеров сплоченным кольцом.

На ВРК были нападки с двух сторон: меньшевики и эсеры обвиняли ВРК в том, что он ведет авантюристскую тактику, которая закончится кровопролитием, рабочие и солдаты, наоборот, обвиняли ВРК в медлительности, нерешительности и т. д. «Я должен сказать, докладывал 7/XI т. Усиевич Пленуму Советов, что В.-Р. К-т действовал таким образом, как подсказывала ему обстановка. Иначе он действовать не мог».

В самом деле: 25 октября ночью, когда В-Р. К-т с заседания Пленума из Политехнического Музея пришел в здание Московского Совета, то в его распоряжении была только команда самокатчиков и больше никакой реальной вооруженной

силы. Конечно, надо было прежде всего позаботиться о том, чтобы не дать захватить себя врасплох, ибо при том количестве вооруженных сил, которыми располагал противник,—арестовать В.-Р. К-т и занять Совет ничего не стоило. И если Рябцев не перешел сразу в решительное наступление, то об'ясняется это огромным авторитетом Совета, революционным настроением масс, не чувствовать которого не могли «демократы» из «Комитета Обществ. Безопасности», и, наконец, победой питерского пролетариата.

Первая очередная задача, которую должен был прежде всего разрешить ВРК — это было вооружение рабочих. Вот почему тт. Муралов, Ярославский, Аросев и другие члены В.-Р. К-та прежде всего старались уладить это дело и «мирно» договориться с Рябцевым о вооружении рабочих, соглашаясь, в виде компенсации, вывести из Кремля роту 193 полка. Но оказалось, что рота-то из Кремля была выведена, а Рябцев юнкеров от Кремля не отвел, лишив таким образом ВРК возможности вооружать рабочих.

Видя, что 56 полк в Кремле фактически попадает в плен к юнкерам, ВРК принимает меры к тому, чтобы оказать ему помощь, но эта помощь оказалась весьма недостаточной. Почему? Может быть, потому, что связи ВРК с воинскими частями были недостаточны и в этих частях влияние Совета Солдат. Депутатов было сильнее, может быть, потому, что аппарат штаба ВРК был еще недостаточно налажен. Так, например, пришедший по вызову В.-Р. К-та к Совету 26 октября в полном составе 193 полк на следующее утро ушел обратно в казармы, не получив боевых заданий.

То же, рассказывает т. Игнатов, случилось и с 55 полком, который пришел к Совету утром 27 октября и, «в виду неорганизованности нашего аппарата, а также усиленной агитации белогвар-

дейцев, простоял перед Советом в слякоть и грязь несколько часов, разложился и пришел в небоеспособное состояние, по крайней мере, на ближайшие дни».

Правда, все это происходило еще *до начала боевых действий*, когда обе стороны еще не теряли надежды на мирное разрешение вопроса о власти; все это было, *когда велись еще переговоры* с Рябцевым о вооружении рабочих из кремлевского арсенала, и поэтому было бы неосновательно упрекнуть ВРК в нерешительности. Да и вряд ли несколько сот солдат, прибывших к Совету 26 октября, смогли бы отогнать юнкеров от Кремля и войти в связь с запертым там батальоном 56 полка.

Бесспорным надо считать то, что 26 и 27 *октября реальных вооруженных сил в распоряжении В.-Р. К-та не было.* Попытка получить оружие из Кремля не удалась, с другой стороны, желая избежать кровопролития и выиграть время, ВРК вел переговоры с противником, принимая все меры к получению оружия из других источников, что, как известно, и удалось.

Конечно, ВРК наделал немало ошибок, да это и понятно, но в основном он был прав: он не оставил Совета в самый опасный и критический момент — в ночь на 29 октября. Находясь в стенах Совета, первые дни почти без всякой вооруженной силы, он являлся *живым центром восстания, символом революции.* В районах, в широких поднявшихся массах была ясная и понятная мысль: защищать во что бы то ни стало Совет, бороться за «власть Советов». Таково же было и настроение солдат в Совете: «... В Совет пришли. За Советы боремся, в Совете помрем...»

Вот эта большая, все возраставшая в ходе восстания сила и спасла положение. Она и победила. Именно поэтому белогвардейцы искали сначала путей мирного разрешения конфликта, выдумывали различные «Органы власти», пытались запугать В.-Р. К-т и склонить его к компромиссу. Но все эти попытки разбились о непреклонную волю масс к борьбе и победе.

К 28 октября в руках юнкеров находятся главный почтамт, телеграф, телефонная станция (кроме Замоскворецкой), Курский и Александровский вокзалы. Юнкера распространяют свое влияние по Арбату и проходят на Брянский вокзал. В их руках еще вся Пречистенка и Остоженка и продовольственные склады на Крымской площади. В центре они владеют всем «Китай-городом», Покровкой и Мясницкой.

Кремль охвачен тесным кольцом, но телефонная связь с ВРК еще не прервана.

28 октября в помещении Политехнического музея состоялось общее собрание полковых, ротных, командных, бригадных комитетов московского гарнизона.

«Обсудив создавшееся положение и принимая во внимание, говорилось в принятой резолюции, что невинная кровь льется по улицам Москвы... Собрание предлагает всем воинским частям гарнизона Москвы всемерно поддержать В.-Р.К-т и подчиняться только его распоряжениям. Распоряжения же, исходящие от Штаба Округа и «Комитета Общественной безопасности», не признавать». Общим собранием избран Временный Комитет для контакта с ВРК, пред'явивший требование Штабу, Гор. Думе и всем партиям, входящим в Совет Р. и С. Д. и В.-Р. К-ту, приложить все меры к тому, чтобы братоубийственная война в Москве была прекращена; в противном случае Комитет мобилизует все войсковые части Москвы

и вместе с В.-Р. К-том поведет беспощадную борьбу с контрреволюцией».

В тот же день Военно-Рев. Ком. разослал воинским частям московского гарнизона телефонограмму следующего содержания:

«Все воинские силы должны подчиняться распоряжениям только Военно-Революционного Комитета, избранного Московским Советом Рабочих и Солдатских Депутатов. Ни одно распоряжение без утверждения Военно-Рев. Комитета не должно проводиться в исполнение».

Вечером 28 октября ВРК обсуждает предложения Викжеля и левых с.-р. вступить в переговоры с Ком. Общ. Безопасности о прекращении боевых действий при условии роспуска ВРК. Предложение категорически отклоняется. Поздно вечером вновь появляются левые с.-р. и сообщают, что К-т Обществ. Безопасности решил вести переговоры, не устанавливая характера власти, причем Советы остаются, а ВРК предается Суду. Требование ультимативное, после чего начинается наступление на Совет.

По поводу этого предложения т. Розенгольц напоминает, что по аналогичному случаю было уже вынесено решение—не обсуждать вопрос в такой постановке.

ВРК соглашается с предложением т. Розенгольца, и вопрос снимается с обсуждения.

Однако, левые эсеры и об'единенцы не теряют еще надежды мирного разрешения конфликта.

В тот же день уже поздно вечером тт. Ломов и Ногин по их просьбе едут в Городскую Думу для выяснения условий мира. В своих воспоминаниях т. Ломов рассказывает об этом свидании следующее:

«... Я и Ногин, в качестве представителей от В.-Р. К-та, по просьбе левых эсеров и Кузовкова, едем в Думу к рудневцам для переговоров. Во-

круг полно офицеров, наглые рожи кадетов. Руднев, бледный, ведет нас на собрание душителей рабочего класса. Вокруг прокуроры (Сталь), вылощенное офицерство, чиновники и... «викжелевцы», никак не могущие понять, куда им надо сесть. Разговор наш быстро оканчивается. Эти господа, оказывается, считают нас уже побежденными и требуют ареста В.-Р. К-та [1]). Резко обрываем переговоры и уезжаем к себе. Юнкера и офицеры пытаются нас по дороге прикончить, несмотря на честное слово Руднева... Мчимся в Совет. Через час звонок по телефону от Руднева,—он требует сдачи и грозит обстрелом Совета. Резко обрываем разговор и спешно организуем, с одной стороны, оборону Совета, а с другой—призываем рабочие окраины к натиску на белогвардейцев и Кремль. На утро об'явлена всеобщая забастовка [2]) (Г. Ломов «В дни бури и натиска» Сборн. «Москва в Октябре». М. 1919 г., стр. 42).

В это же время партийный центр решено перенести в Замоскворецкий район, оставив в В.-Р. К-те в помещении Совета членов партийного центра тт. В. Соловьева и Стукова.

---

[1]) К-т Общ. Безоп. пред'явил следующие требования: 1) Полная, безоговорочная сдача ВРК. 2) Суд над членами К-та и участниками мятежа. 3) Подтверждение большевиками, что борьба велась с большевиками, а не с Советами. 4) Сдача всего оружия. 5) Возврат всего разграбленного оружия. 6) Вопрос о расформировании большевистских полков передается в ведение военного штаба. 7) Вся власть в Москве передается Городской Думе.

[2]) Описываемая т. Ломовым поездка, несомненно, имела место поздно вечером 28-го, а не 29 октября, как об этом ошибочно сообщается в сборнике «Московское восстание», стр. 200. М. 1922 г., изд. Моск. Бюро Истпарт. Ошибается также т. Ломов относительно времени об'явления забастовки, которая была об'явлена также накануне, то-есть, 27-го вечером.

Положение В.-Р. К-та в это время было весьма тяжелое. Гарнизон, находившийся в Совете, был далеко недостаточен. Связь с районами была весьма затруднена. Юнкера начали обстрел Совета и повели наступление одновременно с Тверской от Думы и переулками с Никитской. В.-Р. К-т принимает решение об установлении тесной связи с районами, обеспечив себе базу в одном из них. Начать наступательные действия в центре и партизанскую войну в районах.

Это был наиболее критический момент в жизни В.-Р. К-та.

Утром 29 октября В.-Р. К-т развивает большую энергию и переходит в решительное контрнаступление в Центре. Одновременно районы начинают теснить юнкеров к Центру и наносят им ряд поражений. Поставленное у Страстной площади орудие обстреливает здание Градоначальства на Тверском бульваре и выбивает оттуда юнкеров. Другое орудие успешно обстреливало засевших юнкеров в Леонтьевском и Чернышовском переулках. Одновременно обстреливается Александровское военное училище. Вообще надо заметить, что введение в бой артиллерии оказало значительное влияние па исход борьбы.

29 октября в 8 ч. утра юнкера занимают Кремль и беспощадно расправляются с обезоруженными солдатами 56 полка, подвергнув их пулеметному обстрелу.

О причинах сдачи Кремля т. Берзин рассказывает следующее: «Часам к 9 вечера (28/X.—*Н. А.*) Кремль был уже окружен юнкерами. Первый залп из пулеметов и винтовок со стороны юнкеров прогремел приблизительно в 10 ч. ночи. Я отдал приказ не отвечать на огонь, пока не будет крайней необходимости, то-есть когда юнкера станут врываться. К 12 ч. ночи стрельба кончилась, с нашей стороны не было сделано ни одного

выстрела из пулеметов. После 12 ч. ночи на субботу, раздались первые орудийные выстрелы из бомбометов и 3-дюйм. орудий по направлению к Спасской башне. По телефону мне сообщили, что 55 полк у Чугунного моста и 251 полк движется к Лубянской площади. И по выстрелам в городе можно было судить, что юнкера уже столкнулись с нами. Слышны были артиллерийские выстрелы (наша артиллерия не стреляла). Часть снарядов попадала в Кремль. В $3^1/_2$ ч. ночи перестрелка прекратилась и прервалось телефонное сообщение, так что я был отрезан... В $7^1/_2$ ч. утра солдат из команды броневиков потребовал меня к команде офицеров. Броневики уже были наготове... 2 офицера мне сообщили, что вся Москва в руках командующего войсками, что весь гарнизон сдался и обезоружен, занята почта, телеграф и все вокзалы, что солдатам обеспечена неприкосновенность и командующий требует сдачи Кремля... Вся внешняя обстановка: затишье в городе, отсутствие связи с центром, благодаря перерыву связи с Советом,—все это заставило меня подумать, что офицеры говорят правду. Не рассчитывая, что могу продержаться силами одного кремлевского гарнизона, я решил подчиниться приказу и сдать Кремль, чтобы спасти солдат от расстрела... Я знал, что моя участь все равно горька...» («Москва в Октябре» стр. 96).

О взятии Кремля Рябцев об'явил, как о полной победе над большевиками. Нельзя, конечно, отрицать, что это была действительная победа: В.-Р. К-т лишился преданных войсковых частей и потерял запасы оружия, находившиеся в распоряжении этих частей.

29 октября войска В.-Р. К-та снова занимают Главный Почтамт и телеграф, Курский и Александровский вокзалы, Симоновские пороховые склады, Алексеевское военное училище.

Военные действия развиваются уже с явным перевесом на стороне войск В.-Р. К-та, охватывающих противника все более и более сплошным кольцом. Лишенный возможности отступить к вокзалам (в особенности, к Брянскому, откуда ожидалось подкрепление), противник был вынужден все ближе концентрировать свои силы в центре (Кремль, Александр. училище, Арбатская площадь) и начинает испытывать большую нужду в оружии и патронах, так как все огнесклады находились уже в руках войск В.-Р. К-та. Огромное для нас значение имело взятие Симоновских пороховых погребов с большим запасом патронов и захват красногвардейцами вагона с винтовками на Казанском вокзале.

29 вечером «Викжель» предлагает В.-Р. К-ту посредничество в переговорах с Комит. Общ. Безопасности о прекращении борьбы и образовании единого «революционного, социалистического правительства», угрожая в случае отказа перевозить войска противника. Тов. Муралов в своих воспоминаниях («Пролет. Револ.» № 10 1922 г.) говорит, что в это время «единственное спасение белых заключалось в том, чтобы, приняв активную оборону, ждать подкрепления извне, а именно: со стороны Смоленска, Калуги, Виндавы. В этих видах, т.-е. для оттяжки времени, они и предложили нам вступить в мирные переговоры...» Тов. Пече, начальник Красной гвардии, к этому добавляет, что т. Муралов упускает из виду главную причину: у противника к этому времени истощились боевые запасы и пополнить их в достаточном количестве он не имел уже возможности. Тем не менее, несмотря на такое соотношение сил, В.-Р. К-т желал избежать излишнего кровопролития, принял предложение Викжеля о назначении перемирия, и таковое было заключено с 12 ч. ночи 29 октября по 12 ч. ночи 30-го. Однако, фактически перемирие

это не осуществлялось — слишком обострилась классовая борьба.

30 октября, в 12 ч. ночи, перемирие окончилось. Стороны не пришли ни к какому соглашению, хотя, надо заметить, что В.-Р. К-т шел на максимально возможные уступки. Настаивая на сохранении власти в руках Совета Р., С. и Кр. Деп., В.-Р. К-т соглашался пополнить свой состав представителями других демократических организаций и распустить войска; что же касается Красной гвардии, то таковая сохраняется для защиты революции,—белая же гвардия распускается.

Даже эти столь мягкие условия Ком. Общ. Безопасности принять отказался. Во время переговоров об образовании «Революционного Социалистического Правительства» противная сторона— Руднев и Шер (начальник штаба) — держались вызывающе, «наглость их,—говорит в своих воспоминаниях т. Муралов,—дошла до того, что Шер пред'явил в числе прочих требований роспуск Красной гвардии, арест В.-Р. К-та и организацию Совета офицерских депутатов. Чаша терпения переполнилась. Мы с негодованием отвергли предложения. Я громко об'явил данные разведки (получение юнкерами подкреплений с фронта, с Брянского вокзала.—*Н. А*). Ночью борьба возобновилась с еще большею силой.

В изданном за подписью тт. Муралова и Стукова приказе по войскам революции и Красной гвардии приказывалось «твердо стоять за правое дело, с этого момента мы вступаем в полосу активных действий».

31 октября орудийным огнем подожжен штаб юнкеров в театре на Арбатской площади.

С 31 октября начался орудийный обстрел Кремля, Городской Думы, Александровского училища. К 1 ноября районы развивают весьма

большую активность. И, несмотря на это, В.-Р. К-т полагал, что есть еще возможность сговориться. «Мы,—говорил Усиевич на Пленуме Советов 7 ноября,—все время не прерывали этих переговоров и при помощи Викжеля и при помощи об'единенцев и левых эсэров. Переговоры все время велись. Но эти переговоры ни к чему не приводили».

Т. Кузовков в статье «Как мы их мирили» («Творчество», 1919 г. № 10—11) сообщает, что в 4 ч. ночи (с 1-го на 2 ноября) Совещание нейтральных организаций «обсуждало предложенный В.-Р.К-том состав нового «Органа», к которому переходит власть в Москве: в него входят, по проекту, 7 представителей от Рев. К-та, 1 от Профес. Союзов, 1 от Губ. Совета, 1 от Викжеля, 1 от Крест. Союза, 2 от нашего об'единения и еще три представителя от каких-то организаций, из которых 2 обеспечены за большевиками. Этот новый орган правит городом впредь до выяснения вопроса о власти в общегосударственном масштабе. Предлагаются самые различные комбинации для образования нового органа власти, спорят о вхождении в него различных организаций... Ни к чему, кажется, определенному так и не пришли. Канонада в центре становилась все напряженней, и во тьме ноябрьской ночи кровью и железом решалась судьба будущего органа» [1]).

---

[1]) Этот рассказ т. Кузовкова совпадает с данными протокола ВРК от 1/XI, который цитирует т. Покровский в своей статье в Правде 7/XI 1927 г. Т. Смирнов, как видно из протокола, заявил, что «впоследствии орган, выбранный Советом, может кооптировать и другие организации и партии...», а т. Усиевич огласил и принятый список будущего органа, в котором 10 принадлежало большевикам, а 7—представителям других организаций. Таким образом, т. Усиевич, в сущности говоря, повторил то предложение ВРК, которое не раз уже выдвигалось в переговорах и которое впервые было принято 25/X на заседании Бюро фракций.

К утру 2 ноября юнкера выбиты уже изо всех своих опорных пунктов и сдают одну позицию за другой. После сильнейшего обстрела были взяты гостиница «Метрополь» и Городская Дума, а затем Исторический музей. Одновременно с Никольской улицы, с Ильинки и Верхних торговых рядов обстреливался Кремль из ружей, пулеметов и 3-дюймовых орудий. Юнкера все еще оказывали сопротивление.

В это время штаб юнкеров и Комитет Обществ. Безопасности находились в Кремле, оттуда им вскоре пришлось бежать в Александровское Военное Училище.

Продвигаясь с боем к Кремлю, войска В.-Р. К-та выбивают юнкеров из старого здания университета, затем из нового и, наконец, из манежа. К 12 часам дня Кремль окружен со всех сторон. Артиллерийский огонь решает участь белогвардейцев.

Днем 2 ноября Комитет Общ. Безопасности, чувствуя свое поражение, обращается через «Совещание» нейтральных организаций в В.-Р. К-т со следующим заявлением:

«Артиллерийский обстрел Кремля и всей Москвы не наносит никакого вреда войскам, а разрушает лишь памятники и святыни и приводит к избиению мирных жителей. Уже возникают пожары, и начинается голод. Поэтому в интересах населения Москвы К-т Общ. Безопасности ставит В.-Р. К-ту вопрос: на каких конкретных условиях В.-Р. К-т считает возможным немедленно прекратить военные действия. С своей стороны К-т Общ. Безопасности заявляет, что при данных условиях он считает необходимым ликвидировать вооруженную борьбу против политической системы, осуществляемой В.-Р. К-том, перейдя к методам борьбы политической и предоставляя будущему разрешение в общегосударственном масштабе

1403.

ДОГОВОРЪ

между Военно-Революціоннымъ Комитетомъ и Комитетомъ Общественной Безопасности, 2 Ноября с. г., 5 ч. в.

I. Комитетъ Общественной Безопасности прекращаетъ свое существованіе.

2. Бѣлая гвардія возвращаетъ оружіе и расформировывается. Офицеры остаются при присвоенномъ ихъ званію оружіи. Въ Юнкерскихъ Училищахъ сохраняется лишь то оружіе, которое необходимо для обученія. Все остальное оружіе юнкерами возвращается. Военно-Революціонный Комитетъ гарантируетъ всѣмъ свободу и неприкосновенность личности.

3. Для разрѣшенія вопроса о способахъ осуществленія разоруженія, о коемъ говорится въ п. 2, организуется комиссія изъ представителей Военно-Революціоннаго Комитета, представителей командного состава и представителей организацій, принимавшихъ участіе въ посредничествѣ.

4. Съ момента подписи мирнаго договора обѣ стороны немедленно отдаютъ приказъ о прекращеніи всякой стрѣльбы и всякихъ военныхъ дѣйствій съ принятіемъ рѣшительныхъ мѣръ къ неуклонному исполненію этого приказа на мѣстахъ.

5. По подписаніи соглашенія всѣ плѣнные обѣихъ сторонъ немедленно освобождаются.

вопроса о конструкции власти в центре и на местах».

Предложение было принято и были начаты переговоры о мире. От В.-Р. К-та переговоры вели тт. Смидович и Смирнов, от Ком. Общ. Безопасности—Руднев и Якулов. 2 ноября, в 5 час. вечера, между Военно-Революционным Комитетом и Комитетом Общественной Безопасности был подписан следующий договор:

«1. Ком. Общ. Безопасности прекращает свое существование.

2. Белая гвардия возвращает оружие и расформировывается. Офицеры остаются при присвоенном им оружии. В юнкерских училищах сохраняется лишь то оружие, которое необходимо для обучения. Все остальное оружие юнкерами возвращается. В.-Р. К-т гарантирует всем свободу и неприкосновенность личности.

3. Для разрешения вопроса о способах осуществления разоружения, о коем говорится в п. 2, организуется комиссия из представителей В.-Р. К-та, представителей командного состава и представителей организаций, принимавших участие в посредничестве.

4. С момента подписи мирного договора обе стороны немедленно отдают приказ о прекращении всякой стрельбы и всяких военных действий, с принятием решительных мер к неуклонному исполнению этого приказа на местах.

5. По подписании соглашения, все пленные обеих сторон немедленно освобождаются».

2 ноября, в 9 час. вечера, за подписью т. Усиевича был издан «приказ по войскам В.-Р. К-та»:

«Революционные войска победили. Юнкера и белая гвардия сдают оружие. Все силы буржуазии разбиты на голову и сдаются, приняв наши требования. Вся власть в руках В.-Р. К-та. Московские рабочие и солдаты дорогой ценой завоевали всю

власть в Москве. Все на охрану завоеваний новой рабочей, солдатской и крестьянской революции. Враг сдался. В.-Р. К-т приказывает прекратить всякие военные действия (ружейный, пулеметный и орудийный огонь). С прекращением военных действий войска Советов остаются на своих местах до сдачи оружия юнкерами и белой гвардией. Войскам не расходиться до особого приказа В.-Р. К-та».

...тута Л... ина
при Ц. К. В. К. П. (б)

32740 22028

Цена 90 коп.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ:
ТОРГОВЫЙ СЕКТОР ИЗДАТЕЛЬСТВА
МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ

Москва, Центр, Кузнецкий Мост, д. 1. Телеф. 5-20-57
Ленинград, Проспект 25 Октября, д. 68. Телеф. 2-20-56

